

**САМАРСКИЙ ЗЕМСКИЙ
СБОРНИК**

№ 1(20)

2011

**САМАРСКИЙ ЗЕМСКИЙ
СБОРНИК**

**2011
№ 1(20)**

**Общественно-политический
и научный журнал**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

П.С. Кабытов

УЧРЕДИТЕЛЬ

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

Самарский государственный
университет

А.Н. Завальный
(заместитель главного
редактора)

Издается с 1997 г.

Регистрационное свидетельство
№ С1388, выдано 31 мая 1996 г.

Поволжским

Региональным Управлением
регистрации и контроля

за соблюдением законодательства РФ
о средствах массовой информации
Комитета Российской Федерации
по печати

Н.Н. Кабытова

И.А. Носков

П.И. Савельев

Ю.Н. Смирнов

Ответственный секретарь
Э.Л. Дубман

Художественный редактор
Л.В. Крылова

© Самарский государственный
университет, 2011

© Оформление. Издательство
«Самарский университет», 2011

© «Самарский земский
сборник», 2011

Компьютерная верстка, макет
Л.Н. Замамыкиной

Подписано в печать 16.12.2011. Формат 70×108/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 8,6; уч.-изд. 12,0.

Гарнитура «Newton». Тираж 300 экз. Заказ
Издательство «Самарский университет»,
443011, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1, тел. 334-54-23.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Книга», 443070, г. Самара,
ул. Песчаная, 1. Тел. +7 (846) 2673682.

E-mail: izdatkniga@yandex.ru

З.М. Кобозева*

П.С. КАБЫТОВУ ПОСВЯЩАЕТСЯ...

Успех – единственный непростительный грех
по отношению к своему близкому

Ф. Раневская

аш мир делится на людей, которые готовы прожить свою жизнь рутинно и находить в этом определённую прелесть и на мятежников, которые создают, нарушают установленные обычаи, находятся в постоянном движении. Те вторые, которым претит покой, могут всё проиграть, или быть «проглоченными» большинством, а могут стать победителями, которым сопутствует успех. Тогда им всё простится: неутомимость, креативность, любой их выходке аудитория будет рукоплескать... Успех! Улыбка ль это небес или каждодневный упорный труд?...

Ответ на этот вопрос знает профессор, П.С.Кабытов, доктор исторических наук, заведующий кафедрой российской истории Самарского государственного университета. Но пусть это будет его секретом..

Пётр Серафимович – лидер. Это лидерство проявляется не только в его месте в университетской иерархии. Он воспитал научную школу. И обладает такими двумя замечательными качествами как научное предвидение и способность выработать стратегическую линию, направленную на достижение успеха, будь то индивидуальный успех, будущее кафедры или судьба своего ученика. Мне трудно говорить за других. Поделюсь некоторыми сюжетами из собственной судьбы, связанными с Петром Серафимовичем.

В 1988 году, когда отечественная историческая наука только начинала свой мучительный поворот от марксистско-ленинской методологии (под сенью которой так уютно было существовать!) к плюрализму и свободе в исследовательских практиках, в мировоззрении, да и вообще в текстах поведения и в пластическом образе исследователя новой формации (от советского дресскода к своеобразности образа), Петр Серафимович мне, студентке 2 курса исторического факультета, совершенно гармонично себя ощущавшей в эпицентре истории КПСС, генезисов феодализма и этапах закрепощения крестьян, предложил отправиться в Москву в музей революции 1905 года, в котором проходила выставка, посвящённая Н.Бухарину («Возвращённые имена»), прочитать Горького «Клима Самгина» и заняться изучением истории русской интеллигенции, вовлечённой в революцию. На выставку я поехала, интеллигенцией заниматься не стала, «Клима Самгина» читать не стала – но Петр Серафимович настаивал. Он умеет принять тот факт, когда тема не совпадает с личностью исследователя. И во

---

* © Кобозева З.М. – кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории Самарского государственного университета, 2011

внешнем образе Петр Серафимович сам всегда оставался приверженцем строгого делового стиля, он не облачился в замшевые пиджаки, вельветовые джинсы, не уселся, читая лекцию на парту, не выступал перед студентами, засунув руки в карманы брюк (а нам, студентам, слушавшим Агузарову, «Наутилус» и ДДТ очень нравились именно такие «новые» преподаватели, вернее у нас такой был только один, но он эмигрировал в Америку). Но Петр Серафимович, сам занимаясь крестьянством, осознал, что эра крестьянского детерминизма закончилась. То есть этому доминирующему социальному слою, из которого инкорпорирована была большая часть исследователей истфака – «кузницы» партийных и комсомольских кадров, ещё предстояла долгая научная судьба, но Петр Серафимович фактически первым обратил свои взоры на высшее российское благородное сословие, предвосхитив «бум», связанный не только с данной темой, но и с поисками дворянских корней. Сейчас вся эта «аристократическая» истерия, поразившая постперестроечное общество выглядит уже более чем смешно (дворянские общества, предводители, съезды, попытки приобщить себя к 70 лет как почившей системе ценностей), но тогда, в 80-е годы дать своим ученикам такую тему (О.Курсеева, Е.Кабытова, З.Кобозева) было, не скажу что смело, а свежо, интересно. И неважно, что не у всех получилось продолжить эту тему, важно, что Петр Серафимович предоставил возможность «попробовать на вкус» новый исследовательский дискурс. Опять-таки, на несколько лет раньше до всеобщего «грантовского бума», Петр Серафимович предложил кафедре пойти на научное сотрудничество с американскими историками – русистами. До этого момента историки, занимавшиеся отечественной дореволюционной историей, (по крайней мере в Самаре), спокойно обходились без знания достижений зарубежной историографии в этой области, без знания языка, необходимого для знакомства с непереваемой литературой и без знания методологических достижений зарубежных коллег. Для меня, не приобщённой к таинству закулисья, остаётся загадкой как у Петра Серафимовича созрел данный проект. Но в один прекрасный день, он отправил нас с О.Б.Леонтьевой в трёхмесячную стажировку в Мерилэндский университет США. Ольга Борисовна занималась, так же с подачи Петра Серафимовича, интеллектуальной историей России (это до сих пор чрезвычайно перспективная тема, которой увлечена не только российская историческая школа («Российское общество интеллектуальной истории»), но и мировая историческая общественность), мне же предложено было написать курс по генезису тоталитаризма. Я «взбрыкнула». Сказала, что буду заниматься дворянством. Петр Серафимович не настаивал. И только недавно, разбирая свои бумаги и натолкнувшись на записи по «тоталитаризму» я поняла, какая мне предлагалась перспективная тема. И, к слову сказать, в Америке моё «дворянство» оказалось совершенно неинтересно для коллег из Мерилэндского университета. Кто-то мне объяснил, что когда-то лидер американской историографии Кеннон (описанный в «Воскресенье» Л.Н.Толстого), вернувшись из России, выступал перед студентами в кандалах и, обвиняя во всём царский режим, параллельно клеймил

русское дворянство. Петр Серафимович как всегда оказался прав. Но из Америки я, помимо спецкурса по общественному самосознанию дворянства, привезла увлечение семиотическими методами исследования. В этом вопросе взаимоотношения с научным руководителем оказались «болезненными»: Петр Серафимович отказывался серьезно относиться к данной области знания, применительно к историческому исследованию, а один из коллег заметил, что надо быть Лотманом, чтобы заниматься подобными проблемами. По большому счёту они были правы. Сегодня, когда практически ни одно выступление не проходит без ссылок на Лотмана, Фуко и др., я понимаю, что навыки структуралистского анализа даются не каждому, что это своего рода «высший пилотаж» интеллектуального творчества, и кроме того, стала подозревать, что за структурой исчезает «маленький человек», так называемый актер исторического процесса, предоставить право голоса которому можно только работая в архивах и не занимаясь интеллектуальными построениями на основе уже вовлечённого в научный оборот материала. Но тогда я для себя решила, что Петр Серафимович меня не понимает, не хочет понять и моё место только в семье, среди детей и я родила, вместо научных достижений, своего второго ребёнка. Родила на месяц раньше положенного срока. И первый, кто меня навещал в больнице, была супруга Петра Серафимовича, Надежда Николаевна. А когда мне казалось, что я совершенно оторвана от окружающего мира в пелёнках и кормлениях, ко мне в гости пришли Петр Серафимович и Надежда Николаевна, подарили мне подарок от кафедры в честь рождения сына. Не знаю как это объяснить, но когда я бессонными ночами качала на руках орущего Тимофея, я всё время смотрела на открытку от кафедры, подписанную «П.Кабытов», и мне становилось как-то веселее, я знала, что я приобщена, помимо семьи, ещё и к так называемой «кафедральной семье», в лоне которой очень здорово, интересно и как-то надёжно.

Некая патриархальность в отношении кафедры, свойственная Петру Серафимовичу, помогает пережить самые различные повороты и перипетии государственной истории. На сегодняшний день, когда в условиях демографической ямы сократилось число абитуриентов, когда меняется сама система высшей школы, когда в оппозиции «физиков и лириков» государственный крен происходит не в нашу пользу, Петр Серафимович занимает своё место во главе кафедрального стола и предлагает очередной проект, направленный не на выход из кризиса, не на практики «выживания», а очередной блистательный план научной деятельности. Доказательством того, что креативность присутствует в научном руководстве кафедрой является тот факт, что всегда много желающих студентов специализироваться по кафедре российской истории. Мне кажется, что очень важно не только внутренне принять новое видение истории, но и суметь «защитить» эту позицию, довести её до степени официального признания в науке так, как это делает Петр Серафимович.

Издание сборника «Американская русистика» – безусловно, его личное достижение, в первую очередь как организатора и вдохновителя этого про-

дуктивного проекта 90-х гг. по научному сотрудничеству с американскими русистами. К нам на международную конференцию приезжали такие изумительные историки: византист Д.Маджеска, лидер школы молодых историков-русистов М.Д.Фокс. Позднее по этим каналам приехала в Самару работать в архивах Ш.Фицпатрик. Недавно перед защитой докторской коллега из другого города, зашедших на нашу кафедру попить чай, я услышала в их разговоре интонации в рассказе о знакомстве с Ш.Фицпатрик, с сакральным оттенком (ох уж эта неизбывная тяга приобщаться и поклоняться авторитетам!). Подумала, что контакты с этой очаровательной женщиной, которая в моей квартире до глубокой ночи играла на фортепиано русские романсы так, что соседи стучали по трубам, состоялись на нашей кафедре давно, благодаря Петру Серафимовичу.

На сегодняшний день, с точки зрения Петра Серафимовича, я созрела до уровня докторанта. Тему опять -таки мне предложил Петр Серафимович. Тема сложная, исходя из её макрообъёма. Мне не приходит в голову отказаться. Потому, что Петр Серафимович как будто провоцирует меня, испытывает на прочность. В определённой степени опекая, даёт мудрые советы, «не подставляться», забираясь в дебри многочисленных новых исследовательских методик. Но я всё равно туда заберусь. А потом пойму, что Петр Серафимович был снова прав..

... Сижу в архиве с делами по бесчисленным прошениям мещан предоставить им право на дворовое место. Скучновато. Но что-то внутри запрещает пропустить хотя бы одно из таких практически идентичных дел. И вдруг я вспомнила, что работать в архиве меня приучил и научил Петр Серафимович. На третьем курсе он отвёл нас, вместе с нынешним великим защитником интересов народа М.Матвеевым в архив, показал как работать. На пятом курсе напутствовал меня для работы в столичных архивах. На одной из конференций я шокировала Великую даму от истории сообщением о том, что историк идёт в архив как на рыбалку, повезёт или не повезёт, с каким-то азартом. Если честно, уж не знаю, почему это её так изумило. Но заслуга моего научного руководителя, Петра Серафимовича, в том, что он научил любить профессию.

Дорогой Пётр Серафимович! Я подозреваю, что Вы на самом деле не разделяете мой оппортунизм во взглядах на научное исследование, манеру публичных выступлений, образ мысли и стиль одежды. Но самый Ваш главный талант в том, что Вы оправдываете Инаковость. Что Вы умеете быть лидером не «хора», что Вы умеете быть терпимым, что Вам сопутствует успех, которым Вы щедро делитесь с кафедрой. С Днём рождения!

ВЛАСТЬ, ОБЩЕСТВО, ЛИЧНОСТЬ

М.С.Чирков*

В ПОИСКАХ ПУТЕЙ ОБЩЕСТВЕННОГО СОГЛАСИЯ: ВЛАСТЬ И ЗЕМСТВО РОССИИ В ПЕРИОД АГРАРНЫХ РЕФОРМ (1906–1916 гг.)

еализация курса правительственных преобразований правительства П.А.Столыпина в период «думской монархии» (июнь 1907 – февраль 1917 гг.) получила достаточно широкое освещение в современной исследовательской литературе¹. Одно из важнейших мест в иерархии реформаторских начинаний кабинета министров занимало аграрное переустройство Российской империи. Вместе с тем, в разных местностях государства политика земельных преобразований имела свои особенности. В Самарской губернии в 1906 г. проживало 3359736 человек, из них 3189976 – в деревнях. Крестьяне составляли 92,7 % населения². По данным на 1905 г., общее число крестьян-домохозяев в Самарской губернии насчитывало 337111 домохозяев, из них 334232 двора (99,1 %) находилось в общине. Земельный фонд губернии составлял на тот период 13017432 десятины, из них крестьянам принадлежало 6873442 (52,8 %) десятины. В руках общины была сосредоточена 6593051 (98,8 %) десятина земли. В то же время подворников-домохозяев в губернии было лишь 2879 (0,9 %), а общая площадь их земель составляла 80798 (1,2 %) десятин³. В качестве первоочередной задачи правительство наметило создание хуторов и отрубов.

В начале реформы правительство игнорировало земскую агрономическую деятельность, пытаясь обойтись без пугавшего его контингента агрономов. Они уже подолгу своей службы состояли в более тесных отношениях с крестьянской массой, чем другие профессиональные группы земской интеллигенции. Однако профессионально подготовленные результаты обследований окончательно убедили правительство в необходимости более тесного сотрудничества с органами земского самоуправления. 20 сентября 1909 г. председатель Совета министров П.А. Столыпин направил циркуляр самарскому губернатору В.В. Якунину с просьбой о принятии губернатором организации агрономической помощи образованным хуторам и отрубам.

---

* © Чирков М.С. – кандидат исторических наук, доцент Самарской государственной академии культуры и искусств, 2011

бам. Одновременно Якунину было поручено передать на обсуждение земского собрания «вопроса о той форме, в которой сверх принятых уже мер, могло бы проявиться участие в сем деле земства»⁴. Совет министров обещал выделить кредиты «в целях обеспечения правильного развития земского хозяйства»⁵. От имени правительства Якунин выступил на открытии очередной сессии губернского земского собрания 8 января 1910 г. Губернатор заявил, что главной задачей реформы на данном этапе является организация агрономической помощи крестьянам, перешедшим к новым формам хозяйствования. Именно агрономические усовершенствования в условиях единоличного владения должны привести, по мнению Якунина, к росту урожайности. В своей речи губернатор подвел итоги работы губернской землеустроительной комиссии, созданной на основе указа 4 марта 1906 г. Комиссия выработала наиболее продуктивные формы единоличного владения, осуществила разверстку казенных земель для перехода к хуторскому и отрубному хозяйству. Поблагодарив земство за содействие реформе, Якунин подчеркнул, что «принимая во внимание развитие землеустройства, идущего ускоренным темпом вперед, агрономическая помощь должна принять самые широкие размеры и носить, главным образом, практический характер, быстро ведущий к непосредственным результатам»⁶.

По мнению правительства, наиболее эффективными мерами «в деле скорейшего поднятия нашего хозяйства является проведение в народную массу сельскохозяйственных знаний путем распространения популярных брошюр, путем личных бесед, путем устройства знаний по сельскому хозяйству». Фундаментом агрономической организации должна стать сеть опытных полей и хозяйств, учреждение станций сельскохозяйственных машин и орудий, организация кредита⁷. Земства активно включились в работу. Еще в осенний период 1909 г. во всех уездах Самарской губернии прошли сессии земских собраний, на которых уже обсуждался вопрос об участии земств в осуществлении сельскохозяйственной реформы. В целом власть и земство не имели каких-либо кардинальных различий в подходах к методам преобразований. На первое место земства поставили организацию опытного дела и создание сети учреждений, имевших задачу провести комплексное исследование климатических условий и местных хозяйств губернии.

При этом, некоторые гласные (в частности, председатель Новоузенской уездной управы В.С.Ободовский и др.) выступили с идеей привлечь к организации опытного дела общинные хозяйства, но это предложение не было поддержано большинством гласных⁸. Тем не менее, в апреле 1910 г. в циркуляре правительства, где определялся порядок составления смет по оказанию помощи хуторянам и отрубщикам на 1911 г., губернаторам предписывалось не требовать от земств «обязательного ассигнования равных сумм... на те именно мероприятия, которые субсидируются правительством». Земствам разрешалось примерно одинаковые с казенными суммами средства использовать не только для обустройства единоличников, но и «вообще на организацию агрономической помощи в районах хуторского расселения»⁹. Земские учреждения безоговорочно поддержали реформу русской деревни, о чем свидетельствуют материалы сессий собраний.

2 октября состоялось частное совещание гласных Самарской губернской управы, где в качестве мер, необходимых для реформирования села предполагалось создание опытных полей, льготное кредитование хуторов и отрубов, широкое развитие земской участково-агрономической организации. Была подчеркнута необходимость издания губернского печатного периодического органа с целью популяризации агротехнических знаний¹⁰. 6 октября состоялось заседание Новоузенского уездного собрания. Помимо создания опытных полей и распространения агрономических знаний, гласные считали важнейшей составляющей реформы снабжение крестьянских хозяйств современными сельскохозяйственными машинами, распространение усовершенствованных методик травосеяния, мелиорации, строительство гидротехнических сооружений. В качестве меры, направленной на повышение урожайности, предлагалась организация в уезде питомников и семенного склада¹¹. 11 октября состоялось заседание Бузулукского земского собрания. Бузулукцы высказали предложение о создании агрономических участков с внедрением новейших технологий посевов и системы минеральных удобрений. Было решено добиваться от правительства повышения жалованья специалистам по сельскому хозяйству, и прежде всего, агрономам¹². Самарское и Николаевское земства расширили рамки своей деятельности в сфере агрономической организации ассигнованием значительной суммы на подобные мероприятия¹³. Бугурусланское земство наметило создание агрономической организации показательного характера, Бугульминское и Ставропольское – постановили учредить должности уездных агрономов. В общей сложности на эти цели земства Самарской губернии на 1910 г. ассигновали 235915 рублей, что на 68602 рубля больше, чем было затрачено в 1909 г¹⁴.

Многие земства высказывали пожелание предоставить им право приобретать укрепленные в собственность участки земли для передачи их мало-земельным и безземельным крестьянам, и тем самым способствовать распространению хуторского и отрубного землевладения. Правительство встретило это предложение прохладно. Следуя букве закона, оно посчитало, что «участки надельной земли... могут быть отчуждаемы лишь лицам, приписанным или приписываемым к сельским обществам. Так как... земства не могут быть отнесены к категории означенных лиц, то... вопрос может быть разрешен только в законодательном порядке»¹⁵.

Итак, уже в 1909 г. в Ставропольском уезде учреждена должность уездного агронома, в обязанность которого входило оказание агрономической помощи отрубам и хуторам. В Бугульминском и Бугурусланском уездах были учреждены должности двух районных агрономов. Кроме того, в числе мер по пропаганде агротехнических знаний представителями земств на 1910 г. были запланированы экскурсии с некоторыми наиболее предприимчивыми крестьянами из различных волостей в другие губернии для осмотра на местах образцовых хуторских хозяйств¹⁶. В Бузулукском уезде местная управа учредила шесть агрономических районов, на ближайшие годы планировалось создавать показательные отрубные хозяйства; для крестьян, переходящих к единоличному владению, предусматривались льготные условия

снабжения семенами кормовых трав. Для содействия развитию травосеяния уездная управа учредила два участка площадью каждый 500 десятин. В Николаевском уезде были открыты три агрономических участка, в начале 1910 г. планировалось открыть еще три. На устройство показательных хозяйств Николаевским земством было отпущено 1000 рублей. В соответствии с общим планом уездное земское собрание возбудило ходатайство перед губернской землеустроительной комиссией о выделении 400 рублей на приглашение двух агрономов. Одновременно было возбуждено ходатайство о предоставлении двух казенных земельных участков (площадью не менее 2500 десятин) для устройства семенного хозяйства крестьян-единоличников¹⁷.

В Новоузенском уезде земство учредило восемь агрономических участков, три показательных поля и опытную сельскохозяйственную станцию. По инициативе органов земского самоуправления был организован склад сельскохозяйственных машин и орудий, при земской управе учрежден гидротехнический персонал. Наконец, в Самарском уезде в 1909 г. были созданы шесть агрономических организаций, устроена сеть зернохранилищ, утвержден план организации показательных отрубных и хуторских хозяйств¹⁸.

Благодаря широко организованной земством пропаганде реформы в крестьянской среде по состоянию на 1 января 1909 г. на выход из общины было подано заявлений от 81850 домохозяев (более чем 20 % от общего числа крестьянских хозяйств), за большинством из них было окончательно закреплено 496990 десятин земли (8 % всей площади крестьянской земли)¹⁹. Некоторые крестьяне целыми общинами переходили к подворно-наследственному пользованию землей. На тот же период таких селений было зарегистрировано 8 с 4703 домохозяевами и 73195 десятин земельных угодий²⁰. В 1910 г. на выход из общины подали заявления свыше 25800 крестьян. Правда, к концу года подача заявлений об укреплении земли почти прекратилась. Земские статистики пришли к выводу, что идея единоличного хозяйства не прививается в крестьянской среде. Крестьянская поземельная община активно сопротивлялась реформе. Наиболее упорное сопротивление не только среди крестьян, но даже и землевладельцев вызвала организация землеустроительных комиссий. В Самарской губернии 33 % волостей выборы в комиссии бойкотировали²¹, причем среди противников выборов оказалось большинство помещиков. На созываемых с лета 1907 г. съездах земских деятелей, на ежегодных съездах объединенного дворянства, на заседаниях Совета по делам местного хозяйства, и за кулисами, противники реформы объявляли ее не только «нежелательной и нецелесообразной», но и даже «вредной».

Желающие покинуть общину руководствовались различными мотивами. Если зажиточные крестьяне выходили, чтобы сохранить свои экономические позиции, то бедняки – чтобы разорвать все связи с земледелием и покинуть деревню. В ряде уездов в 1914 г. даже наблюдался рост цен при перепродаже хуторов и отрубов. Напряженные отношения общинников и выделенцев порой переходили в острые конфликты и столкновения. При-

мером такого рода может послужить ситуация, возникшая при выделении отрубов в селе Кондаковка Ставропольского уезда в августе 1908 г. В село прибыл член уездной землеустроительной комиссии, который созвал сход и предложил план нарезки земельных участков выделенцам. После осмотра хуторов они явились на сход, но здесь их избили общинники. Выехавший на место происшествия губернатор отстранил от должности волостного старшину и арестовал девятерых крестьян на сроки от 1 до 3 месяцев каждого²². Летом 1911 г. в селе Кано Новоузенского уезда в ходе столкновения с полицией было ранено шесть человек, трое из них тяжело, несколько крестьян подверглись аресту²³. В августе 1911 г. в селе Домашке Бузулукского уезда во время межевания часть крестьян выступила против раздела земли. Столкновение сторонников общины и отрубщиков завершилось кровопролитием: ранения получили несколько крестьян, трое из них скончались²⁴.

Значительным образом на результаты реформ повлияла гибель в 1911 г. их инициатора – П.А.Столыпина²⁵. Поместное же дворянство в подавляющем большинстве своем разочаровалось в аграрной политике правительства. Серьезным тормозом на путях реформы стала первая мировая война. 4 апреля 1915 г. указом министра земледелия землеустроительные работы (в том числе и на территории Самарской губернии) были приостановлены до окончания войны²⁶. Одновременно сократилось и финансирование реформы. К 1916 г. Главному управлению землевладения и землеустройства пришлось отказаться от кредитования аграрных мероприятий. В результате Самарская губерния получила в том году лишь 239 тыс. рублей для «использования в районах землеустройства»²⁷. К 1914 г. в Самарской губернии было создано 87 132 единоличных хозяйства, что составило 26 % от всего числа общинных дворов²⁸. Всего же по состоянию на 1 января 1917 г. крестьян-домохозяев, подавших заявление на выход из общины, насчитывалось 226038 человек. Из них 168373 организационно оформили свои частные владения. Общее количество земли, закрепленной за ними, составило 2091379 десятин (31,7 %). Для Самарской губернии это был значительный результат, учитывая, что за аналогичный период в Симбирской губернии собственниками земли стали 12,9 % крестьян-домохозяев, а в Казанской и того меньше – 8,8 %. Соответственно вырос и размер душевого надела хуторян и отрубщиков: если в 1908 г. по Самарской губернии он составлял в среднем 6,2 десятины, то в 1915 г. он увеличился до 11,9 десятин²⁹.

Большую работу земства провели в организации агрономической помощи крестьянам. Так, например, в 1895 г. расходы самарского земства на агрономические мероприятия составляли 39810 рублей. В 1907 г. эти расходы составили 139400 рублей, а к 1913 г. увеличились до 405205 рублей³⁰. Всего к 1913 г. в Самарской губернии работали 8 уездных агрономов (2 – в Новоузенском уезде, по 1 – во всех остальных), 2 участковых агронома (в Самарском и Новоузенском уездах), 10 агрономов и 35 инструкторов (во всех уездах, кроме Новоузенского) землеустроительных комиссий, 1 гидроинженер (в Новоузенском уезде) и 2 гидротехника (там же). Большой штат составля-

ли инструкторы по сельскому хозяйству и его отдельным отраслям. Так, если общее число инструкторов по сельскому хозяйству на 1905 г. составляло 6 специалистов, то к 1912 г. их количество выросло до 36³¹.

Была проведена серьезная работа по организации опытно-показательных полей. До 1906 г. опытные поля были созданы в Самарском (1890 г.), Бугурусланском (1900 г.), Бугульминском (1900 г.) и Новоузенском (1901 г.) уездах³². К 1913 г. земствами было основано по 2 опытных поля в Бузулукском и Новоузенском уездах, 1 поле – в Ставропольском уезде. Наличие полей помогало выбору и выведению засухоустойчивых сортов пшеницы, времени и способов посева и т.д. В 1909-13 гг. в Новоузенском уезде было открыто 2 плодовых питомника, еще один организовали ставропольские земцы. В Новоузенском уезде была создана сельскохозяйственная опытная станция³³. Большая работа была проделана в плане организации складов для снабжения крестьян сельскохозяйственными орудиями. Если в 1905 г. в губернии насчитывалось 8 таких складов, к 1913 г. их количество возросло до 25. Накануне реформы Самарская губерния не имела зерноочистительных пунктов, в 1912 г. их число составило 39³⁴.

В 1906 г. в губернии была введена агрономическая организация. К 1913 г. в Самарской губернии насчитывалось 70 агрономических участков, по их числу губерния занимала второе место по России. Среди уездов по количеству агрономических участков первое место по стране занимал Новоузенский уезд (20), на пятом месте находился Самарский уезд (11). Если в 1899 г. в расходы самарского земства на сельскохозяйственные экономические мероприятия составили в общей сложности 90,8 тыс. рублей, то в 1912 г. эта цифра возросла до 633708 (8 %) рублей при общем бюджете в 7 млн. 950,7 тыс. рублей. По расходам на сельскохозяйственные нужды самарское земство занимало 8 место среди всех российских земских губерний³⁵. Определенный прогресс был отмечен в улучшении методики обработки почв, приобретения крестьянами сельскохозяйственных орудий, плугов, сеялок и т.д.³⁶

Значительное место в аграрных преобразованиях правительства занимала политика поощрения кооперации. Около трети крестьян, ставшие земельными собственниками, для перехода к многопольному севообороту и покупки новой земли объединяли часть своих сил и средств в кооперативы. Так, каждый из домохозяев, арендовавший землю казны в составе сельских обществ, имел по 3,6 десятины на двор³⁷. Таким образом, гораздо выгоднее было приобретать землю в собственность. Земля становилась предметом купли-продажи, кредитные операции получали полную гарантию. Поэтому государство и частные банки охотно кредитовали кооперативы, а население все чаще делало вклады в кассы. В Самарской губернии кредитные товарищества стали открываться еще в 1902 г., но число их к 1906 г. не превышало нескольких десятков. Пик создания товариществ пришелся на 1906-1908 гг. Ежегодный прирост их числа перекрыл соответствующие показатели в 11,5 раз³⁸. К 1914 г. их насчитывалось уже 297 с числом членов 223152 человек и капиталом в 11885 тыс. рублей³⁹. В 1908 г. в Новоузенском

уезде было открыто ссудо-сберегательное товарищество. Основывались и общества взаимного страхования: к 1912 г. число их членов составляло 5762 человека, а капитал превышал 1 млн. рублей⁴⁰.

Таким образом, в начале XX века государственная власть и земское самоуправление активно сотрудничали в рамках политики реформ, предпринятых российским самодержавием и правительством П.А.Столыпина. Курс на преобразования, начатый по инициативе последнего, отвечал социально-экономическим потребностям государства, был глубоко продуман и поддержан всеми конструктивными общественными силами страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бородин П.А. Столыпин. Реформы во имя России. М., 2004; Кабытов П.С. П.А.Столыпин: последний реформатор Российской империи. М., 2007; Пожигайло П.А. Столыпинская программа преобразования России (1906-1911). М., 2008 и др.

² Приложение к отчету Самарского губернатора за 1906 г. Самара, 1907. С.3.

³ Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907. С.34, 174.

⁴ РГИА. Ф.1291. Оп.120. 1909. Д.61. Л.2.

⁵ РГИА. Ф.1276. Оп.5. Д.61 Л.771 об.

⁶ Постановления Самарского губернского земского собрания 45-й очередной сессии. Самара, 1910. С.7.

⁷ Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма (1900-1917 гг.). Саратов, 1981. С.144.

⁸ Постановления Самарского губернского земского собрания 45-й очередной сессии. С.47.

⁹ РГИА. Ф.408. Оп.1. Д.1695. Л.257 об.

¹⁰ ЦГАСО. Ф.175. Оп.1. Д.936. Л.69.

¹¹ ЦГАСО. Ф.175. Оп.1. Д.936. Л.43-44.

¹² ЦГАСО. Ф.175. Оп.1. Д.936. Л.4.

¹³ Участковая агрономическая организация за 1909 год. Самара, 1911. С.104.

¹⁴ ЦГАСО. Ф.175. Оп.1. Д.936. Л.101.

¹⁵ РГИА. Ф.1291. Оп.120. 1909. Д.27. Л.5.

¹⁶ ЦГАСО. Ф.175. Оп.1. Д.936. Л.102.

¹⁷ ЦГАСО. Ф.175. Оп.1. Д.936. Л.102 об.

¹⁸ ЦГАСО. Ф.175. Оп.1. Д.936. Л.103-103 об.

¹⁹ Подворное и хуторское хозяйство в Самарской губернии. Т.1. С.9.

²⁰ Там же. С.10.

²¹ Герасименко Г.А. Борьба крестьян против столыпинской аграрной политики. Саратов, 1985. С.21.

²² Крестьянское движение в России в 1907-1914 гг. М.-Л., 1966. С.139-140.

²³ РГИА. Ф.408. Оп.1. Д.1584. Л.185.

²⁴ Крестьянское движение в России в 1907-1914 гг. С.286.

²⁵ Кабытов П.С. П.А. Столыпин и программа реформирования России // Власть и общество в России: жизнь и государственная деятельность П.А. Столыпина: материалы и доклады межрегиональной научно-практической конференции (Самара, 21 апреля 2011 г.). Самара, 2011. С.16.

²⁶ РГИА. Ф.1291. Оп.121. 1915. Д.76. Л.3.

-
- ²⁷ ЦГАСО. Ф.5. Оп.11. Д.186. Б/л.
- ²⁸ Клейн Н.Л. Указ. соч. С.112.
- ²⁹ Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России в 1907-1914 гг. М., 1992. С.98-99.
- ³⁰ Земско-статистический справочник по Самарской губернии на 1913 г. Самара, 1913. С.67.
- ³¹ Там же. С.67-68.
- ³² Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. СПб., 1909. Т.2. С.201.
- ³³ Краткие сведения о сельскохозяйственной деятельности земств в 1912 г. Пг., 1915. С.26.
- ³⁴ Земско-статистический справочник по Самарской губернии на 1913 г. С.6.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Хлебная торговля на внутренних рынках Европейской России. Описательно-статистические исследования. СПб., 1912. С.309.
- ³⁷ ЦГАСО. Ф.3. Оп.233. Д.5204. Л.6.
- ³⁸ Тотомианц В.Ф. Кооперация в России. Прага, 1922. С.57.
- ³⁹ Россия. 1913 г. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С.192.
- ⁴⁰ Земско-статистический справочник по Самарской губернии на 1913 г. С.107-111.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОРТРЕТ ДВОРЯНСТВА В ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ

Анализ норм поведения, образа окружающего мира позволяет провести сравнение реального образа жизни отдельных представителей дворянского сословия и идеального, запрограммированного в системе воспитания и нравственных нормах кодекса чести, проанализировать их взаимное проникновение и трансформацию. Исследование стереотипов деятельности, общения позволяет сопоставить ведущую, базовую систему ценностных ориентаций и альтернативную ей. Рассмотрение эволюции сознания и поведения помещичьего дворянства углубляет понимание неповторимого облика культуры, в контексте которой сформировалось сословие. Реконструкция социального портрета русского помещика позволяет выяснить вопрос как дворянство испытывало на себе и переживало воздействие социальных процессов и структур, каким образом под воздействием трансформирующейся социальной среды изменялось мировоззрение, образ жизни, система личностных пристрастий, поведенческие стереотипы.

Информация о правовом и социальном статусе дворянства содержится в законодательных актах, касающихся положения и основ деятельности корпоративных дворянских организаций, статуса сословия в социальной структуре общества, его роли в местном самоуправлении. Законодательство предопределило тесные контакты дворянской корпоративной организации и губернской администрации. Интенсивность служебных взаимоотношений губернских органов управления и корпоративной организации возможно выявить путем анализа бюрократической переписки, отраженной в журналах регистрации документов дворянского депутатского собрания и губернского предводителя дворянства.

Фонды дворянских депутатских собраний представляют собой постановления и журналы заседаний дворянских губернских собраний, родословные, баллотировочные, послужные списки, документы о проведении выборов, материалы об оказании дворянством губернии помощи больным и раненым воинам в русско- японской и первой мировой войнах.

Журналы заседаний губернского дворянского депутатского собрания содержат в себе сведения о рассмотренных прошениях дворян о причислении их самих, либо родственников и детей, к дворянству губернии с внесением в определенную часть дворянской родословной книги¹. Дворянское депутатское собрание обсуждало подобные вопросы 3-4 раза в год по мере поступления дворянских прошений. Разновидностью делопроизводственной документации являются алфавитные списки лиц, внесенных в течение

---

* © Баринава Е.П. – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Самарского института Российского государственного торгово-экономического университета, 2011

года в губернскую родословную книгу. В них сообщалось о лицах, причисленных к уже существующим дворянским родам, о дворянах, «перечисленных» из других губерний и о новых родах, утвержденных Сенатом.

Формулярные списки позволяют воссоздать социальный портрет дворянских лидеров, проанализировать продвижение по службе. В них содержатся краткие сведения о службе дворянина, его учебе, семейном и экономическом статусе. Персонифицированные данные содержат также такие источники как краткие списки о службе; списки лиц, удовлетворяющие требованиям для назначения на должности земских начальников; сведения о почетных мировых судьях. Для характеристики имущественного и служебного положения дворянства, исследования способов ведения помещичьего хозяйства ценным источником являются материалы Дворянского земельного банка, в которых имеются однотипные описания заложенных имений².

В общем объеме делопроизводственной переписки корпоративных дворянских организаций, доля документов губернских органов управления составляет 20-25%. Достаточно распространенным явлением было временное не утверждение губернаторами уездных предводителей и депутатов дворянского собрания, а также кандидатов на те или иные дворянские должности. Переписка должностных лиц, отчеты губернаторов Николаю II содержит ценные сведения о содержании ходатайств поместного дворянства перед верховной властью. В фондах канцелярий губернаторов отложились документы, раскрывающие основные направления деятельности местных корпоративных организаций, их влияние на политическую и экономическую жизнь страны, взаимодействие с Постоянным советом объединенных дворянских обществ и правительственными учреждениями. В ежегодных отчетах губернаторов содержалась характеристика политического положения в губернии и основных социальных сил, сведения о настроениях населения.

В постановлениях и журналах заседаний дворянских губернских обществ содержатся сведения об экономическом положении дворянства, землевладении и землепользовании, культурно-просветительской и благотворительной деятельности³. На основе анализа этих материалов можно проследить эволюцию социально-политических взглядов дворянства, его стратегии и тактики. В фонде Постоянного Совета Объединенных дворянских обществ (Ф.434.) Государственного архива Российской Федерации содержатся журналы и материалы Съездов уполномоченных губернских дворянских обществ, переписка Постоянного Совета с местными дворянскими обществами, ходатайства различных губернских собраний. В фонде сохранились постановления только двух губернских собраний Курского и Тамбовского дворянства⁴. Данные источники дают представление о программных установках, тактике и основных направлениях деятельности дворянской организации, позволяют выявить связи Постоянного Совета объединенного дворянства с местными дворянскими собраниями. Переписка между центром и периферией дает возможность проследить механизм функционирования и взаимовлияния корпоративных организаций.

Частично документы о деятельности дворянских собраний имеются в фондах губернских и уездных предводителей дворянства⁵. В них содержатся доклады, сделанные на губернских и уездных дворянских собраниях, переписка с Постоянным Советом, между собой по вопросам деятельности дворянских обществ. Значительный интерес представляют дворянские записки, которые содержат взгляд представителей дворянского сословия на социально-экономические проблемы страны. Их появление было вызвано законодательской деятельностью Особого совещания по делам дворянского сословия, которое собирало сведения о положении высшего сословия на местах и мнения дворянства по вопросам, стоявшим в программе Совещания.

Представление о программных установках, тактике и основных направлениях деятельности Совета объединенного дворянства дают журналы и материалы Съездов уполномоченных губернских дворянских обществ (Объединенного дворянства)⁶. Материалы съездов представляют собой интерпретацию российской действительности с позиций поместного дворянства. Журналы заседаний съездов и важнейшие приложения к ним, доклады, особые мнения, всеподданнейшие адреса, позволяют судить не только о процессах, происходящих внутри дворянского сословия, но и об общей социально-политической ситуации в стране, функционировании политической системы. В протоколах съездов содержатся важные данные, характеризующие взгляды столичных и провинциальных лидеров по социально-экономическим и внутривластным проблемам страны.

Архивные источники, характеризующие пути и методы воздействия дворянских корпоративных организаций на государственное управление и правительственную политику, содержатся в фондах Российского государственного исторического архива – канцелярии министра внутренних дел (Ф.1282), Совета министров (Ф. 1263, 1276), Министерства внутренних дел (Ф.1284). В фонде канцелярии министра внутренних дел сохранилось особенно много документов о дворянских выборах, об учреждении опеки, адреса и постановления дворянских собраний, жалобы и прошения дворян различных губерний.

Особо следует выделить документы, отложившиеся в фонде канцелярии министра по делам дворянства (Ф.1283). Это как сведения, касающиеся службы, назначений, пенсий, выборов дворянства (1-е делопроизводство), деятельности пансион – приютов, губернских касс взаимопомощи (2-е делопроизводство), так и документы общего характера, позволяющие уяснить место дворянского сословия в общественно-политической жизни страны⁷. Анализ этих источников позволяет проследить результаты деятельности дворянских собраний, степень их влияния на правительственную политику. Сведения о политической деятельности дворянских лидеров, их личные характеристики содержатся в фондах Государственной Думы.

Документы личного происхождения важны для понимания социальных и политических настроений дворянства. Они наиболее полно отражают процесс самосознания личности, а также межличностные взаимодействия. Особое значение имеют письма, заявления и жалобы дворян накануне и в

период первой российской революции во властные структуры. Они позволяют увидеть исторический процесс изнутри, глазами его главных героев, в них содержатся характеристики лидеров помещного дворянства. Взаимоотношения участников переписки определялись родственными и дружескими связями, а также отношениями знакомства. Было установлено, что чаще всего в письмах обсуждались вопросы жизнедеятельности имений: подбор управляющих имениями, продажа и раздел имения, сельскохозяйственные вопросы, крестьянские волнения. Например, А.Д. Шереметев вел переписку с поземельным обществом, постоянно проверял отчеты управляющих имениями, принимал личное участие в решении хозяйственных нужд⁸.

В.Р. Писарев регулярно отчитывался перед матерью, постоянно живущей в Москве, о состоянии дел в родовом имении Орловка Тульской губернии. Письма насыщены подробными сведениями о ходе уборки хлебов, о влиянии погоды на урожайность, постройке и работе водяной мельницы. Он советовался с матерью по вопросу подбора управляющего и садовника в имение, просил ее при приезде привезти необходимые в хозяйстве вещи. В письмах, посвященных подбору персонала имения, а особенно управляющего, содержались их личностные характеристики, обсуждался размер денежного содержания. «Меня только сильно смущает садовник, – писал В.Р. Писарев, – по-моему он ничего не понимает и уж очень у него идиотский вид»⁹. При подборе управляющего существенную роль играло его образование, опыт работы в должности, положительные характеристики прежних хозяев. Встречались такие характеристики как «он служил на одном месте пятнадцать лет», «могу поручиться за его честность, а главное знание дела».

Важной проблемой, обсуждаемой в письмах, был подбор гувернантки или учительницы для детей. Вот как описывал П.А. Столыпин свои впечатления от встречи с учительницей: «Англичанка пришла. Она была у каких-то Курис, у нее хороший аттестат, но лицо противное, видно злючка, торгуется – хочет 60 рублей, потом спрашивает, достаточно ли будет, если она будет появляться к 9 час. утра к брекфасту. Я ее бракую»¹⁰.

Определенное место в дворянской переписке занимали вопросы службы, участия в деятельности дворянской и земской организации, а также вопросы карьеры. Чаще всего в дворянской переписке проблемы сословной и земской службы поднимались в связи с выборами. Кн. В.М. Волконский в письме отцу (1899 г.) сообщал о результатах земских выборов: «У меня начало земского собрания... на нем создалось земское ядро... радуют искренно результаты выборов – забаллотировали хама». В 1900 году он писал: «... земское собрание – очень замечательное явление, максимально самое крупное из общественных дел в уезде»¹¹. Л. Дашкевич в письмах А.Н. Норцову убеждал его участвовать в избирательном земском собрании и сообщал, какие документы ему необходимо представить, чтобы подтвердить свое право участия в выборах¹². Вопросы избрания предводителя дворянства и председателя земской управы также активно обсуждались в дворянской переписке. Письма отразили ограниченность возможного круга претендентов на эти должности. В личной переписке встречались просьбы оказать содействие в карьере, узнать намерения вышестоящего начальства.

Литературное творчество представителей сословия позволяет проследить социальную позицию и психологическое самочувствие дворянина. Стихотворное творчество правых дворянских лидеров В.М. Пуришкевича, Н.Н. Маркова, Г.А. Шечкова отражало монархические идеалы их авторов. Они в своих стихах стремились, прежде всего, прославить исповедуемые ими взгляды или заклеить политических противников. Одной из основных тем стихотворного творчества было отношение к политическим изменениям и прежде всего негативная оценка деятельности Государственной Думы. Хрестоматийным примером является стихотворение Н.Е.Маркова с образным названием «Раздумье», впервые опубликованное в газете «Русское знамя» (29 июля 1908 г.):

«Дума о народе
Вовсе не хлопчет
И по новой моде
Нас устроить хочет.
Мы в решеньях быстры:-
Нынче для России
Не нужны министры
А нужны витии...
Будем Бога славить,
Что нам дан парламент,
Станет нами править
Там еврей Пергамент».

Ему вторит Г.А. Шечков: «Пока Россией правил Бог,/ Никто ее сломить не мог./ Но вот, над правдою родной/ Восстал порядок правовой./ И пал отечественный строй/ Под натиском земли чужой...».

В 1916 году оценивая злободневную политическую ситуацию, В.М. Пуришкевич писал про «министров на час»:

Их жизни срок сейчас минутен,
Уйдут, оставив серый дым:
И прочен лишь один Распутин,
Да долгогривый Питирим...

Сравнительно-сопоставительный анализ делопроизводственной документации и источников личного происхождения позволит исследователю охарактеризовать реальный и идеальный (литературный) образ жизни дворянства, показать его воздействие на общественно-политическую и экономическую жизнь российского общества в эпоху социальных катаклизмов рубежа XIX- XX веков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. например: Государственный архив Тамбовской области (ГАТамО). Ф.161. Оп.1. Д. 8942, 8983, 9059, 9087, 9225, 9495.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.593.

³ Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф.580. Оп.1. Д.3074; Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф.1. Оп.1. Д. 7022.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.434. Оп.2. Д.29, 40.

⁵ Центральный государственный архив Самарской области. Ф.211. Самарский уездный предводитель дворянства; Ф. 663. Самарский губернский предводитель дворянства; Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 179. Канцелярия Саратовского губернского предводителя дворянства.

⁶ Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906-1916 гг. В 3 тт./Сост. Корелин А.П. Т.1. 1906-1909 гг.; Т.2. 1909-1912гг. Кн.1, 2. – М., 2001.

⁷ РГИА. Ф.1282. Оп.1, 2,3; Ф. 1283.

⁸ РГИА. Ф.1118. Оп.3. Д.31,36, 44, 52, 55; Ф.914. Оп.1. Д.62, 114, 116; Ф.1072. Оп. 1.Ч. 2. Д.1793.

⁹ Государственный архив Тульской области (ГАТО). Ф.2203. Оп.1. Д.50. Л.2., 16-20.

¹⁰ Столыпин П.А. Переписка. – М., 2004. С. 464.

¹¹ РГИА. Ф.914. Оп.1. Д.62. Л. 32, 47.

¹² ГАТамО. Ф.153. Оп.1. Д.151. Л.1-2 об, 5.

Д.В.Серых*

**ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX вв.
О ВСЕРОССИЙСКИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ СЪЕЗДАХ****

Изучение различных форм организации отечественной науки 2-й пол. XIX – начала XX вв. возможно на основе нескольких групп источников, из которых исследователями наиболее востребованы архивные материалы, а также опубликованные протоколы научных заседаний различных обществ и съездов. Не являются исключением и Всероссийские Археологические съезды (далее – АС), богатое опубликованное и архивное наследие которых позволяет делать выводы об их научном значении, способах организации и проведения и т.д. Полноценное изучение АС как важного общественного явления невозможно без такой категории источников, как публикации в периодических и продолжающихся научных и научно-популярных изданиях, а также в журналах и газетах. Цель данной статьи – кратко охарактеризовать данную группу источников по истории Археологических съездов.

Все публикации можно условно разделить на группы по форме и объему содержащейся в них информации:

1. Официальная хроника – краткие информационные сообщения о подготовке и проведении съездов в общероссийских им местных журналах и газетах. Информация о Съездах (приглашения к участию. «Правила», программа предварительных научных исследований, протоколы заседаний Предварительных комитетов и др.) регулярно публиковалась в «Древностях» – регулярном продолжающемся издании Московского археологического общества¹. Однако, публикации в «Древностях» выходили с большим опозданием, поэтому самая важная информация обязательно дублировалась в объявлениях, размещаемых на коммерческой основе в центральных газетах, а также газетах того региона, где намечался очередной Съезд.

2. Научные отчеты делегатов на АС. Как правило, публикация делалась на основе устного отчета делегата перед делегировавшей его организацией. Отчеты публиковались, как правило, в продолжающихся изданиях региональных научных обществ, либо в нескольких выпусках региональной газеты, а затем очень часто издавались отдельными брошюрами объемом 1-1,5 печатных листа². Источником таких отчетов служили официальная хроника Съезда, представленная в его «Известиях», и личные впечатления участника. Часто в таких статьях давался обзор конкретных отделений или разделов выставки Съезда. Главная цель этих статей – скорейшее и максимально широкое распространение в научной и общественной среде ин-

---

* © Серых Д.В. – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры российской истории Самарского государственного университета, 2011

** Исследование выполнено при финансовой поддержке Гранта Президента РФ № МК-5404.2010.6

формации о прошедшем съезде. Поэтому большинство статей, отнесенных к этой категории, не содержат оригинальной информации, в основном повторяя официальную хронику Съездов (за исключением личной оценки автора отдельных докладов и выступлений, прозвучавших на АС).

3. Аналитические статьи и обзоры схожи с отчетами о занятиях АС, но отличаются более широкой тематикой. Обзор деятельности съезда служит для авторов статей лишь поводом высказаться по проблемам развития научного знания и организации археологической науки. К таким работам можно отнести, например, брошюру А.Д.Беляева по поводу VII АС, направленную на защиту библейской хронологии и дискредитацию археологии каменного века как научного направления³. Интересны и содержательны статьи П.Н.Милюкова о VIII АС⁴, И.Н.Бороздина о XV АС⁵, В.Е.Рудакова о XIV, XV и предполагавшемся XVI АС⁶. Целая серия статей была посвящена дискуссии о запрете украинского языка на IX Киевском АС 1899 г.⁷

Мнение авторов аналитических статей иногда даже диаметрально противоположно официальной хронике Московского археологического общества. В сочетании с официальной хроникой, критические статьи позволяют выявить проблемы и неудачи, которые были у организаторов каждого АС. Это прекрасно продемонстрировано в издании, осуществленном в 2011 г. к 100-летию юбилею XV Новгородского съезда. Составители «Путеводителя» по истории Новгородского съезда включили в сборник наряду с официальными протоколами не только газетные и журнальные заметки, но даже фрагменты из дневниковых записей И.М.Тарабрина и М.М.Пришвина⁸.

4. Рецензии на издания АС. Как правило, содержали лишь похвальные отзывы и являлись по существу краткой аннотацией содержания сборников⁹.

5. Фельетоны. В «искусственных сборниках» архива Уваровых сохранились подборки статей в местной прессе, относящихся к проведению IV Казанского и V Тифлисского АС. Фельетоны дают представление о восприятии Съездов простыми обывателями. Авторы фельетонов – журналисты, далекие от науки, – освещали Съезды прежде всего как важное общественное событие для жителей того города, где АС проходил. Наиболее живо в фельетонах изложены экскурсии. Известен даже пример, когда художественно-сатирическое издание в течение всех двух недель проведения Съезда печатало продолжающийся фельетон, оформленный карикатурами¹⁰.

Регулярно публиковали информационные сведения и обзорные статьи о Съездах «Исторический вестник», «Русская мысль», «Известия археологической комиссии», «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском госуниверситете», «Киевская Старина» и ее приложение «Археологическая летопись Южной России», «Записки наукового товариства ім.Шевченка» (Львов) и др. Нерегулярно сообщения о съездах появлялись на страницах таких изданий, как «Вера и жизнь» (Чернигов), «Православный собеседник» (Казань), «Гермес», «Вестник Европы», «Журнал Министерства народного просвещения», «Этнографическое обозрение», а также в «Известиях» и научных сборниках губернских ученых архивных комиссий.

Единичные публикации выявлены в журналах «Искусство и художественная промышленность», «Живописная Россия», «Старые годы» и др.

В некоторых журналах были свои постоянные корреспонденты, принимавшие участие во нескольких съездах подряд. Так, например, публикациями в журналах «Киевская старина» и выделившейся из нее в начале XX в. «Археологической летописи Южной России» мы практически целиком обязаны Н.Ф.Беляшевскому (подписывался также псевдонимами М.Княжевич, П.Горянский, либо инициалами М.К., П.Г., М.Б., Н.Б.).

Опыт изучения журнальных и газетных статей об Археологических съездах может быть использован при изучении истории других организационных структур отечественной дореволюционной науки.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Уварова П.С. Отчет о X Археологическом съезде в Риге // Древности. Труды Московского археологического общества. 1901. Т. 18; Уварова П.С. Доклад Московскому археологическому обществу по работам XIII Археологического съезда // Там же. 1907. Т. 21. Вып. 2; и др.

² Горталов Н.К. Отчет о занятиях XII Археологического съезда в г. Харькове 15-28 авг. 1902 г. // Известия Общества археологии, истории и этнографии Казанского Университета. 1903. Т. 19. Вып. 2; Васильев Д.В. Церковно-археологические вопросы на XII АС в Харькове // Там же. Т. 19. 1903. Вып. 1 и др.

³ Беляев А.Д. Характеристика археологии (по поводу VII Археологического Съезда, 1887 г.). Харьков, 1889. Отд. отт.

⁴ Милюков П.Н. VIII Археологический Съезд в Москве // Русская мысль. Кн. 4. М., 1890.

⁵ Бороздин И.Н. XV АС в Новгороде // Вестник Европы. № 9. СПб., 1911.

⁶ Рудаков В.Е. XIV АС и тысячелетие города Чернигова // Исторический вестник. 1908. Т. 114, окт.; Рудаков В.Е. Пятнадцатый АС в Новгороде // Там же. 1911. Т. 125, сент.; Рудаков В.Е. Что обещает XVI АС? // Там же. 1912. Т. 127, февр.

⁷ Каковкина О.Н. Украинский национальный вопрос на Всероссийских археологических съездах // Проблеми археології Подніпров'я. Міжвузовський збірник наукових праць. Вып. 1. Дніпропетровськ, 1998.

⁸ XV Археологический съезд в Новгороде. 1911: Путеводитель / сост. П.Г.Гайдуков, Н.Н.Жэрве. М., 2011.

⁹ Княжевич М. Альбом Выставки XII Археологического съезда в г. Харькове / ред. и объясн. текст Е.К.Редина. М., 1903 // Археологическая летопись Южной России. № 1/2. Киев, 1904.

¹⁰ Фаланга. № 5. Тифлис, 1881. // ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 3. Ед. хр. 9.

РАЗВИТИЕ ЗОЛОТОДОБЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА ЗЕМЛЯХ ОРЕНБУРГСКИХ КАЗАКОВ

природным богатствам Оренбургское казачье войско (далее – ОКВ) занимало третье место, после Донского и Кубанского, среди всех казачьих войск. Приток населения и капиталов способствовал их разработке. Особенно получила развитие золотодобывающая промышленность.

В 1835 году по ходатайству В.А.Перовского для увеличения войсковых доходов правительство даровало войску права на недра в черте войсковой территории. Но казна оставила за собой право распоряжаться допуском частных лиц к разработке золотоносных залежей и получения добытого драгметалла, ежегодно передавая ОКВ из Государственного казначейства 42857 руб. серебром (150 тыс. руб. ассигнациями)¹. Войско стало получать эти деньги в том же году, но поиски золота на землях ОКВ, предпринятые казною в 1835, 1836 и 1837 гг., дали неважные результаты. В 1842 г. было утверждено Положение комитета министров о разрешении частным лицам, в том числе и казакам ОКВ, поиска золота и создания приисков на земле оренбургских казаков. Разработка и добыча россыпей осуществлялась по правилам о частной золотопромышленности на казённых землях Сибири. Предпринимателю, получившему свидетельство на право заниматься золотопромышленностью, отводилось пять лет на поиски залежей и двенадцать лет на их разработку, по истечении срока россыпь возвращалась в казну².

Добыча золота на казачьих землях началась в 1843 году. Первооткрывателем и заявителем прииска стал хорунжий ОКВ Павел Егорович Колбин, который получил разрешение на освоение залежей, так как «воспользовался сим дозволением по высочайшему повелению и в уважение того, что он первый о том стал ходатайствовать»³, хотя министерство финансов в 1844 г. запретило выдавать свидетельства на разработку золотых приисков лицам, служащим в ОКВ: по закону о золотопромышленности чиновники Оренбургского края не имели права заниматься золотодобычей. В том же 1843 году открытые П.Е.Колбиным два прииска дали свыше 10 фунтов золота, а в 1859 – 1860 гг. ставший к тому времени есаулом Павел Колбин заявил об открытии им приисков в районе р.Чёрной и в устье р.Каменки.⁴

Новые прииски появились на землях Кундравинской, Травниковской и Уйской станиц, но наибольшую известность получил прииск, открытый купцом П.Е.Бакакиным и расположенный в районе посёлка Кочкарь Кособродской станицы. Этот прииск, названный Каменно-Павловским, с 1845 по 1894 гг. дал 87 пудов 33фунта золота⁵. Особенностью Кочкаря было то, что здесь добывалось и рассыпное, и жильное золото⁶. К 1875 г. в Кочкарском районе, по сведениям В.К.Павловского, действовало уже 70 приисков.⁷

---

* © Годовова Е.В. – доцент Оренбургского филиала Академии труда и социальных отношений, 2011

В 50-х гг. XIX в. были открыты золотые прииски в вершине реки Сувундук, а затем в её низовьях при впадении в р.Урал; наиболее богатые из них принадлежали Колчину, Рязанову и Казицыну. В 1852 – 1853 гг. действовали также Петропавловские войсковые прииски, управляемые подполковником Карповым⁸. В 1851 г. были произведены отводы земли ОКВ под следующие прииски: Андреевский – надворным советником Шухуриным, Спасский – уволенным от службы статским советником Шиповым и Александровский, заявленный Екатеринбургским купцом второй гильдии Зотовым. Но разработка этих залежей началась лишь в 1858 г.⁹

В 40-е годы XIX века Войсковое правление по предложению военного губернатора генерала В.А.Обручева потребовало с частных золотопромышленников плату не только за недра, но и за поверхность земли, занятой под прииски. Министерство финансов, рассмотрев данный вопрос, 3 марта 1847 г. постановило взимать ежегодно с предпринимателей по 3 руб. серебром за десятину луговой земли и по 1 руб. 35 ¢ коп. серебром в год за десятину нераспаханной пахотной земли. Кроме того, за землю, подготовленную под посев, надлежало уплатить единовременно 4 рубля серебром за десятину¹⁰.

Однако после принятия закона от 3 марта 1847 года возникли споры между казаками и золотопромышленниками. В 1855 г. генерал – адъютант В.А.Перовский обратился к министру финансов с жалобой от казаков на злоупотребления со стороны золотопромышленников, т.к. последние за удобную землю выплачивают меньше денег, чем положено по закону. Казаки требовали от предпринимателей выплаты не только за луговые и пахотные земли, но и за сенокосные. Министр финансов статс-секретарь П.Ф.Брок отверг притязания казаков, сказав, что оренбургские золотопромышленники получают небольшую прибыль от своего промысла, потому что на землях ОКВ немного золотоносных пластов, денег же выплачивают достаточно и войску, и казне, следовательно, «частные золотопромышленники своей деятельностью удовлетворяют потребности государства и об увеличении взимаемых с них платежей не может быть и речи».

Войсковое правление имело претензии и к горному начальству. Поэтому генерал-губернатор В.А.Перовский, обращаясь к министру финансов, ходатайствовал вменить горному начальству следующие обязанности: предписать землемерам не приступать к отводам площадей золотопромышленникам до согласования с жителями; запретить отводы осенью, когда выпадет снег; в плане отвода подробно обозначать количество земель, отведённых под прииск, соблюдать нормы отвода (250 кв.саж. на прииск); обязать предпринимателей вносить годовую плату за землю в войсковые или станичные суммы в полном объёме (с учётом качества земли) и домохозяевам – за использование земли под домами и огородами казаков. Министр предписал главному начальнику Уральских заводов исполнить предложенное В.А.Перовским для устранения недоразумений, возникающих между горными чиновниками и оренбургскими казаками в результате отвода площадей под золотые прииски.¹¹

Однако данное обязательство золотопромышленниками не выполнялось. В 1856 году бывший депутат (т.е. выбранный от общества для наблюдения за ходом дела – Е.Г.) по отводу площадей под золотые прииски, войсковой топограф Вечерин сообщил в Войсковое правление, что золотопромышленник Рязанов, управляющий Шыртымскими приисками, расположенными в Уйской даче, накопил на земле, отведённой под промысел, 28 стогов сена, не заплатив при этом войску. При рассмотрении данного обстоятельства Войсковым правлением выяснилось, что Рязанов с момента открытия им прииска в 1847 году не внёс ни копейки в «общественную станичную сумму» за 250000 квадратных сажень земли, занятых под прииск. Горный исправник Частных золотых промыслов I-го округа уведомил полковое правление, что всем золотопромышленным управлениям «предписано вовремя вносить надлежащую плату и ему не известно, почему предприниматель Рязанов не исполняет предписания»¹². Подобную безнаказанность предпринимателей можно объяснить тем, что деятельность оренбургских золотопромышленников поощрялась правительством.

О каждом новом прииске на землях ОКВ начальник Уральских заводов сообщал Оренбургскому генерал-губернатору, причём указывал не только название и площадь прииска, но и качество земли. Сам же золотопромышленник или его доверенное лицо в полковом правлении оставляли о себе следующие сведения: звание, имя, фамилия, число рабочих, место проведения разведки и количество золота в 100 пудах промытого песку. Все эти подробности полковые правления сообщали в Войсковое правление, а оно в свою очередь докладывало генерал-губернатору. В течение 1857 г. было сделано 23 доклада о 23 приисках с содержанием золота в 100 пудах промытого песку от 9 до 30 долей¹³.

Всего к 1865 году на земле ОКВ, по данным В.К.Павловского, действовало 140 приисков, на которых за 21 год было добыто золота 951 пуд 32 фунта, а правительство за это же время внесло в войсковую казну 899997 руб. серебром.¹⁴

Таким образом, в развитии золотопромышленности на землях ОКВ были заинтересованы все: государство – в пополнении казны, войско – в увеличении войсковых и станичных капиталов, казаки – в возможности дополнительного заработка. Но со временем количество действующих приисков на территории ОКВ стало сокращаться. Причиной этого было столкновение интересов золотопромышленников и оренбургских казаков¹⁵, так как добыча золота на землях ОКВ вызывала их истощение, ухудшала экологическую обстановку.

Достаточно часто оренбургские казаки обращались с жалобами на золотопромышленников, в частности, на ухудшение экологической обстановки в станицах. Так, в 1909 году жители Требиатского поселка подали в Войсковое хозяйственное правление жалобу на то, что рядом с их поселком есть лог¹⁶ под названием «Кардонный», впадающий в реку Гумбейку. Раньше, т.е. до открытия здесь прииска и начала работ, этот лог был пустой. Но после того, как в двух с половиной верстах от этого лога золотопромыш-

ленником Закиром Рамеевым была поставлена машина для промывки золота, овраг переполнился илом, который, попадая в реку Гумбейку, делал её мутной и непригодной для питья¹⁷.

Согласно статье 717 Устава Горного горнопромышленники были обязаны производить работы так, чтобы они не представляли опасности для жизни и здоровья рабочих и соседних жителей, поэтому Войсковое хозяйственное правление, рассмотрев жалобу, постановило:

Во-первых, назначить для исследования дела на месте Комиссию под председательством помощника атамана 2 отдела в составе: участкового врача и атамана Магнитной станицы, доверенных от Требиатского поселка, владельца золотопромывательной машины господина Рамеева и представителя от местного горного надзора или полиции;

Во-вторых, если по произведенному комиссией на месте осмотра, подтвердится жалоба требиатцев, то Комиссия должна будет представить поселковому обществу соответствующие акты, а с господином Рамеевым будут разбираться в судебном порядке¹⁸.

Закончив работу, Комиссия пришла к выводу, что в результате работы золотопромывательной машины в реке Гумбейке вода не только мутная, но и содержит ртуть и другие вредные примеси, что, естественно, делает её непригодной для питья¹⁹. Было ли возбуждено против золотопромышленника Рамеева дело из документа не ясно, но факт загрязнения окружающей среды в районах приисков был налицо. В своей статье «Золотопромышленный кризис в войске» горный инженер М.Попов отмечал: «Когда вы подъезжаете к золотопромышленному посёлку, то за много вёрст видно уже кучи, а иногда и целые горы жёлтого, красного и белого цвета, бесчисленное множество дудок, канав и ям, расположенных без всякой системы. Одним словом, здесь был золотопромышленник».²⁰

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Павловский В.К. Оренбургская золотопромышленность за сто лет, правовые отношения к ней ОКВ и современное положение золотопромышленности вообще. – Екатеринбург, 1905. – С. 15.

² ПСЗ-2. Т. XVII. № 16259.

³ Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. 10. – Оренбург, 1910. – С. 395.

⁴ Оренбургские губернские ведомости. – 1859. – №42; – 1860. – №7.

⁵ Павловский В.К. Указ. соч. – С. 16.

⁶ Рукосуев Е.Ю. Добыча золота на землях Оренбургского казачьего войска // Казачество Оренбургского края XVII – XX вв. Оренбург, 1992. – С. 32.

⁷ Павловский В.К. Указ. соч. – С. 16.

⁸ ГАОО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 730. Л. 1.

⁹ ГАОО. Ф. 185. Оп. 1. Д. 8. Л. 3 об. – 4 об.

¹⁰ РГИА. Ф. 1149. Оп. 3. Т. 3. Д. 7. Л. 2 – 8; ПСЗ-2. Т. XXII. № 20963.

¹¹ Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. 12. – Оренбург, 1915. – С. 222-227.

¹² ГАОО. Ф. 37. Оп. 3. Д. 3а. Л. 11.

¹³ Материалы по историко-статистическому описанию. . . Вып. 12. – Оренбург, 1915. – С. 449.

¹⁴ Павловский В.К. Указ. соч. – С. 98.

¹⁵ Махрова Т.К. Указ. соч. – С. 23.

¹⁶ Лог - овраг с пологими задернованными склонами и плоским днищем.

¹⁷ ГАОО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 275. Л. 1.

¹⁸ ГАОО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 275. Л. 1 об.

¹⁹ ГАОО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 275. Л. 13 об.

²⁰ Оренбургский казачий вестник. – 8 ноября 1917. – № 73.

РУССКИЙ РЕЛИГИОЗНЫЙ РЕНЕССАНС В ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Русский религиозный ренессанс являлся неотъемлемой частью русской общественной мысли начала 20-го столетия. Сущностной чертой культуры Серебряного века, по замечанию С.С. Хоружия, был синтетизм, объединение Востока и Запада, русского (или славянского) и европейского начала в единое целое¹. Этот синтез можно обнаружить как в искусстве (музыка И.Ф. Стравинского, театр К.С. Станиславского, стихи А.С. Блока и т. д.), так и в политике, науке, других сферах жизни российского общества. В этом отношении рассматриваемая эпоха, безусловно, была временем складывания новой культурной среды. Наиболее ярко особенности и противоречия подобного соединения проявились, на наш взгляд, в явлении христианского возрождения, ключевым элементом которого была религиозно-философская мысль, существовавшая еще в начале XIX столетия, в его середине вызывавшая достаточно скептическое к себе отношение, однако на рубеже XIX-XX вв. приобретающая новый статус и превратившаяся в целое направление. Это направление объединило и сформировало целую плеяду мыслителей и общественных деятелей.

Словосочетание «религиозная философия» для западного мирозерцания представляется в некотором смысле противоестественным, поскольку в европейском понимании знание и вера давно являются сферами автономными друг от друга, хотя они и могут существовать параллельно в рамках сознания конкретного человека. В истории культуры и общественной мысли России на рубеже XIX-XX вв. произошла, своего рода, обратная реакция, когда наука нового времени, в том числе философия, оказалась соединённой с традиционным для русской ментальности православным началом. Парадоксальным представляется то, что в этом синтезе проявилась, с одной стороны, характерная для всей эпохи тенденция синтетизма, а с другой, представляя собой пусть значимое по сущности, но локальное по масштабам воздействия явление, религиозный ренессанс одновременно не совпадал с основным путем, по которому в тот момент двигалась большая часть русской интеллигенции с ее стремлением к скорым политическим преобразованиям.

Задачей настоящей статьи является исследование вопроса, почему именно в русской общественной мысли Серебряного века возникло течение «религиозного ренессанса» и что конкретно «возрождалось» в идеях его представителей? Мы не можем согласиться с позицией Ю.И. Семёнова, что в религиозную философию интеллигенцию толкал тотальный страх перед революцией².

---

* © Досекин Е.С. – аспирант кафедры документоведения Самарского государственного университета, 2011

Конечно, процессы, изменявшие и разрушавшие устои российского общества во второй половине XIX – начале XX вв., действительно пугали деятелей религиозного ренессанса. В определённой степени это был ответ на вызовы, рождавшиеся внутри российского общества. Начиная с В.С. Соловьёва и вплоть до С.Н. Булгакова, С.Л. Франка и т. д. в среде религиозных мыслителей преобладало представление о том, что разрушение империи может произойти только в результате внутреннего кризиса системы, который начинается с разложения именно духовных ценностей. Потому не удивительно то, что процессам деградации и распада они противопоставляли «возрождение». Однако сам термин «ренессанс» применительно к рассматриваемому явлению гораздо шире и сложнее, чем простое противопоставление прежнего и старого как некоего идеального всему новому как «порочному».

Русское религиозное возрождение, по нашему мнению, возникло на стыке диалога между западничеством и славянофильством как результат стремления примерить, найти компромисс в их давнем споре о судьбах России. Е.Н. Трубецкой в своих воспоминаниях писал о том, какое глубокое воздействие на него произвела дискуссия, развернувшаяся между И.С. Аксаковым и В.С. Соловьёвым³. Именно в философии Соловьёва, положившего начало процессу религиозного возрождения, спор трансформировался в диалог. Произошло объединение, с одной стороны, идеи мессианства, которая как писал Н.А. Бердяев «всегда является формой славянофильства» и источником её всегда было православие, а с другой, преклонение перед достижениями западной науки и культуры с их рациональной основой⁴.

В одной из своих ранних статей В.С. Соловьёв писал: «Вера и разум, хотя находятся в постоянном и неизбежном взаимоотношении, представляются, однако, в сущности, говоря математическим языком, величинами несоизмеримыми и поэтому не могущими заменить друг друга, стать одно на место другого. Заменить веру разумом или наукой так же невозможно, как заменить математику историей или музыку скульптурой. Поэтому, собственно говоря, не может быть и борьбы между разумом и верой как такими»⁵.

Согласимся с тем, что «этот идейный комплекс удачно соединял в себе установки классической европейской философии и интуицию русско-православной ментальности, найдя некую равнодействующую, точку встречи между профессиональным философским дискурсом и славянофильскими поисками выражения аутентичного опыта русской православной культуры»⁶. Такой комплексный подход открывал немалые и новые творческие возможности. Сформулированная Соловьёвым концепция всеединства, задавала вектор развития религиозной философии Серебряного века, унаследовавшей стремление мыслителя снять противоречие между разумом и верой, его веру и желание определить миссию России в контексте общечеловеческого развития.

В разрешении противоречий между религиозными и рациональными началами религиозная философия по большому счёту не преуспела, да и не могла. Однако она дала интенцию к развитию целых течений обще-

ственно-политической мысли, в числе которых можно указать на евразийство или на возникшую позднее уже за пределами Серебряного века идею «неопатристического синтеза» о. Георгия Флоровского.

По сути, весь период конца XIX – начала XX вв. прошёл под знаком ренессанса. Возрождение религиозной мысли был лишь составной частью общего движения русской истории и культуры. Известные учёные В.И. Иванов и Ф.Ф. Зелинский почти одновременно разработали концепции Русского и Славянского Возрождения. Характерно при этом, что первый был славянофилом, а второй западником. Однако и тот и другой видели свой идеал в античной, эллинской культуре. Правда, Иванов говорил не просто о возрождении, а о рождении в культуре через соединение с эллинским истоком. Зелинский же писал о Славянском Ренессансе как третьем после Романского и Германского⁷. Россия, таким образом, включалась в процесс общеевропейского развития, но при этом Славянское Возрождение выделялось как некий новый исторический этап в этом процессе.

Таким образом, несмотря на все противоречия, русский религиозный ренессанс был органической частью не только культурного развития, но и общественного движения в России Серебряного века. Он соединял в себе основные тенденции эпохи и одновременно сам был ответом на ее вызовы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Хоружий, С.С. Трансформация славянофильской идеи в XX веке // Вопросы философии. 1994. № 11. С. 52.

² Семёнов, Ю.И. О русской религиозной философии конца XIX - начала XX века // Философия и общество. 1997. № 4. С. 113-137.

³ Трубецкой, Е.Н. Воспоминания. София, 1921. С. 114.

⁴ Бердяев, Н.А. Проблема Востока и Запада в религиозном сознании Вл. Соловьёва // Бердяев, Н.А.: Собрание сочинений. Т. 3. Типы религиозной мысли в России. Париж, 1989. С. 219.

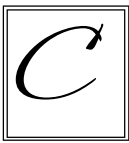
⁵ Соловьёв, В.С. Вера, разум и опыт // Соловьёв В.С. Полное собрание сочинений и писем в двадцати томах. Сочинения. Т. 3. 1877-1881. М., 2001. С. 367.

⁶ Хоружий, С.С. Наследие Владимира Соловьёва сто лет спустя // Журнал Московской Патриархии. 2000. № 11. С. 70.

⁷ Хоружий, С.С. Трансформация славянофильской идеи в XX веке. С. 54-55.

Н.М. Куталевский*

**ПРАКТИЧЕСКИЕ МЕРОПРИЯТИЯ ЗЕМСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ
И ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ВЛАСТЕЙ ПО ИЗМЕНЕНИЮ
ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ И ДЕМОКРАТИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО
СОСТАВА ОРГАНОВ ЗЕМСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ АСТРАХАНСКОЙ,
ОРЕНБУРГСКОЙ И СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИЙ НА НАЧАЛЬНОМ
ЭТАПЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (МАРТ-ИЮНЬ 1917 г.)**

Современное Российское общество испытывает острую потребность в преодолении пережитков «казарменного социализма», утверждении развитых демократических отношений, устранении кризисных явлений и процессов, сокращении отставания от передовых мировых держав по основным социально-экономическим и политическим показателям. В этой связи особую актуальность приобретает изучение отечественного и зарубежного исторического опыта построения местного самоуправления, составной частью которого являются события, связанные со становлением и совершенствованием органов земского управления на территории Астраханской, Оренбургской и Ставропольской губерний. Возникнув в 1913 г., и просуществовав до сосредоточения всей власти в руках Советов, данные учреждения внесли существенный вклад в буржуазно-капиталистическую модернизацию различных сфер общественной жизни. После крушения царского режима, земства вступили в качественно новый – буржуазно-демократический – этап своего развития, приняли непосредственное участие в политических процессах и непосредственно в построении буржуазно-демократической системы местного управления, устранении «наследия» дореволюционной эпохи. В настоящей статье предпринята попытка обозначить и проследить главнейшие усилия земских деятелей (т.е. гласных, руководителей управ и служащих), а также, во многом, связанных с ними, государственных властей в соответствующем направлении.

К 1917 г., благодаря действиям царских властей, земские учреждения подошли, находясь в глубоком институционально-функциональном кризисе, базируясь на недемократичной избирательной системе, подчиняясь представителям власти имущих верхов общества, не имея средств для решения острых социальных вопросов.¹

Первый шаг на пути демократического переустройства земств, после свержения самодержавия, сделали народные массы и революционные общественные организации («исполкомы», «Комитеты общественной безопасности», Советы и т.п.). В конце февраля-марте 1917г., отстаивая свои позиции, борясь против порядков установленных царским режимом, стремясь к созданию демократического управления, данные силы и институты при-

---

* © Куталевский Н.М. – соискатель кафедры истории России Оренбургского государственного педагогического университета, 2011

ступили к смещению т.н., «цензовиков» (т.е. дворян, помещиков, крупных капиталистов и т.п.) с постов земских гласных и руководителей земских управ и выборам на их места представителей трудящихся.²

Вышеотмеченные действия народных масс и революционных организаций встретили резкое осуждение и противодействие со стороны Временного правительства и большинства земских деятелей (в т.ч. председателя Енотаевской уездной земской управы П.И. Недорезова, председателя Ставропольской губернской земской управы А.М. Кухтина, главы Оренбургской губернской земской управы Н.А. Холодковского).³ Однако, осознавая ограниченность своих ресурсов, принимая во внимание неблагоприятную расстановку общественно-политических сил, учитывая опыт органов местного управления Петрограда и Москвы, стремясь сохранить ситуацию под контролем и укрепить свои позиции, руководители земских учреждений Юго-Восточных губерний, как, в прочем, и лидеры соответствующих органов прочих регионов России, все же были вынуждены пойти на уступки требованиям граждан и предпринять некоторые усилия по частичному демократическому обновлению системы земского управления.⁴

Одними из первых к обозначенным демократическим преобразованиям приступила Астраханская губернская земская управа. 19 марта 1917 г. Её лидеры провели совещание с гласными и служащими Астраханского губернского земства.⁵ В ходе него, после оживленных прений, земские деятели пришли к заключению о необходимости «поставить работу губернского земства в соответствии с новыми условиями государственной жизни в стране» и создать предпосылки, чтобы оно смогло продолжать работу «до издания нового закона о земском самоуправлении».⁶ Исходя из этого, участники отмеченного совещания приняли решение «возможно скорее пополнить состав губернского земского собрания из широких кругов крестьянского и вообще демократического населения».⁷ Кроме того, было признано целесообразным ввести в состав губернского собрания представителей «третьего элемента» (т.е. земских служащих), с правом решающего голоса, а также «делегировать этот элемент в коллегии управы».⁸ При этом, выработка конкретных предложений по «приспособлению состава земских представителей к новому строю» была поручена специальной комиссии, в которую оказались избраны как земские гласные (в том числе В.И. Склабинский), так и служащие (в т.ч. земский врач, активный общественный деятель М.А. Рафес).⁹

Результатом работы названной специальной комиссии стал «Проект демократизации состава земских собраний в Астраханской губернии».¹⁰ Он предусматривал, временно, впредь до издания правительством надлежащего закона, «пополнение» Астраханского губернского земского собрания 81 «новым гласным от крестьянского и демократического населения» (в том числе, 61 гласный должен был быть избран уездными земскими собраниями и 20 – Астраханской городской думой, из расчета 1 гласный на каждые 10 тыс. жителей Астраханской губернии), а также введение в его состав трех представителей служащих губернского земства (врачей, фельдшеров, агро-

номов, кооператоров и т.д.) и одного уполномоченного Астраханского казачьего войска.¹¹ При этом за т.н. «цензовиками» (т.е., крупными промышленниками, земельными магнатами, торговцами, кулаками, сельскими старшинами и другими подобными лицами), избранными губернскими гласными в дореволюционный период, сохранялось право участия в работе обозначенного собрания «впредь до издания нового положения о земских учреждениях».¹² Данная мера обосновывалась тем обстоятельством, что якобы соответствующие члены Астраханского губернского земского собрания являются легитимными и законными представителями достаточно значительной и влиятельной части общества, а также обладают большим практическим опытом в деле управления местным хозяйством.¹³ Кроме того, в указанном «Проекте» отмечалось, что «цензовики» «по своему количеству не смогут изменить волю и желание демократизированного земства, поскольку они всюду окажутся в меньшинстве».¹⁴ Исходя из схожих соображений члены названной выше комиссии признали целесообразным сохранить статус губернских гласных за чиновниками горного ведомства Министерства земледелия и государственных имуществ и Духовного ведомства, а также за руководителями Управления рыбных и тюленьих промыслов.¹⁵

Аналогичные изменения выше обозначенная комиссия Астраханского губернского земства предложила внести и в состав уездных земских собраний Астраханского края.¹⁶ В разработанном членами этой комиссии «Проекте» констатировалась возможность и необходимость расширения общей численности соответствующих земских распорядительных органов посредством включения в состав их гласных представителей «сельских обществ», выбранных непосредственно крестьянами или местными «общественными исполнительными комитетами» (из расчёта 1 земский гласный от каждой волости или от 5000 граждан, т.е. 29 человек в Астраханском уезде, 16 – Енотаевском, 16 – Красноярском, 30 – Черноярском, 44 – Царёвском) и уполномоченных « профессиональных групп, обслуживающих интересы местного населения», – т.е. земских служащих (в том числе 4 служащих в Енотаевское и Красноярское уездные земские собрания, 5 – Астраханское и Черноярское и 9 – Царёвское), а также доверенных Астраханского казачьего войска (по одному в каждое собрание).¹⁷ При этом, в соответствии с основными принципами реорганизации представительной структуры Астраханского губернского земства, указанный «Проект» предусматривал сохранение в составе всех уездных земских собраний позиций собственников частных недвижимых имуществ (т.н. «цензовиков»), избранных гласными в дореволюционных период, а также представителей государственных ведомств.¹⁸

Наряду со всем вышеизложенным члены комиссии по демократизации земского самоуправления при Астраханском губернном земстве отметили необходимость скорейшего создания волостных земских органов и указали на возможность «выбрать в волостные земские собрания по одному гласному от каждых 500 жителей».¹⁹ Исходя из данных расчетов, общая численность гласных в волостных земских собраниях Астраханской губернии уста-

навливалась на уровне 1147 человек.²⁰ При этом отмеченная комиссия постановила непосредственную реализацию данной реформы волостного управления отложить до опубликования соответствующего закона Временного правительства.²¹

Вышеуказанный «Проект» демократизации земских распорядительных органов получил одобрение Астраханской губернской земской управы и руководителей уездных земств Астраханского края.²² Вместе с тем, учитывая настроения и требования народных масс они всё же были вынуждены частично его подкорректировать и несколько (на 10-20%) увеличить число представителей демократических общественно-политических сил в земских собраниях, а также одобрить включение в их состав представителей местных исполкомов.²³ В таком виде проект демократизации обозначенных органов местного управления был утвержден членами земских управ и собраний Астраханского края.²⁴

В Ставропольском крае вопросы демократизации земских учреждений были обсуждены на совещании членов Ставропольской губернской земской управы с заведующими отделов и другими земскими служащими, состоявшемся 19 марта 1917г.²⁵ Его участники признали необходимым расширение позиций крестьян, рабочих и служащих в земских собраниях, а также высказались за введение системы земского самоуправления на территории так называемых «кочевых инородцев» Ставропольского края (т.е. в Ачикулакском и Большедербетовском улусе и в Туркменском приставстве).²⁶ Данные идеи были поддержаны и последовательно развиты членами Ставропольского губернского комитета общественной безопасности.²⁷ В конце марта 1917г., совместно с руководителями губернского и уездных земств, они разработали проект «главнейших оснований начала местного самоуправления в Ставропольской губернии».²⁸ Данный проект содержал специальный раздел о демократизации земства. Он предусматривал исключение из состава губернского и уездных земских собраний представителей всех государственных ведомств по назначению, за исключением уполномоченных Министерства земледелия и государственных имуществ.²⁹ Точно также от участия в работе земских органов отстранялись и т.н. «предводители дворянства» и «председатели уездных съездов».³⁰ Вслед за этим уездные и губернное земские собрания предполагалось пополнить представителями волостей (из расчёта 1 гласный от каждой волости), выбранными населением.³¹ Кроме того, в Святокрестовском уездном земском собрании три места закреплялись за членами Святокрестовской городской думы.³² Право совещательного голоса во всех уездных и губернном земских собраниях предоставлялось заведующим отделами земских управ.³³ Одновременно с этим предусматривалось частично изменить и процедуры проведения земских собраний. Вместо предводителей дворянства и глав администрации открывалось их поручалось руководителям земских управ, а председательствовать на них – избираемым каждый раз лицам.³⁴ Данный проект получил одобрение со стороны общего собрания уполномоченных союза кредитных и ссудосберегательных товариществ и прочих буржуазно-ори-

ентированных общественных и политических организаций Ставропольского края.³⁵

Аналогичные проекты в рассматриваемый период начали разрабатывать также руководители земских органов и «комитетов общественной безопасности» Оренбургской губернии.³⁶

Обозначенные ранее инициативы земских деятелей как, впрочем, и революционно-демократические действия и требования народных масс в соответствующий период Февральской революции не получили поддержки со стороны Временного правительства.³⁷ Однако, находясь в крайне неустойчивом положении и не располагая необходимыми материальными и полицейскими ресурсами его руководители не смогли остановить процесс демократизации земских органов и поставить барьер на пути обновления всей системы государственного и общественного управления. Более того, под давлением граждан, в марте 1917 г., они были вынуждены приступить к разработке законов о реформе общего устройства земств России в целом, и её рассматриваемых Юго-Восточных регионах, в частности, а также признать необходимым расширение и прав народа в управлении местным хозяйством и прочими сферами общественных отношений.³⁸

В результате всего вышеизложенного, в апреле-мае 1917 г., народные массы и революционные организации (Советы исполкомы, комитеты общественной безопасности и т.п.), отстаивая свои интересы, борясь за утверждение демократической системы самоуправления и учитывая рекомендации, обозначенных ранее «Проектов», провели выборы уездных земских гласных, избрали в состав уездных земских собраний сторонников революционно-демократического пути общественного развития и отстранили от их руководства «цензовиков».³⁹ Одним из первых практических шагов данных «демократизированных» уездных собраний стали мероприятия по перевыборам председателей соответствующих собраний (к примеру, руководителем Астраханского уездного земского собрания был избран крестьянин С.Т. Маштак; Енотаевское уездное земское собрание возглавил С.Н. Пузырёв, Черноярское – Н.Е. Фёдоров, Красноярское – Д.Н. Потёмкин, Церёвское – крестьянин, депутат II Государственной думы В.А. Белаев, Благодаринское – А.И. Адельфинский), а также по переизбранию руководителей уездных земских управ.⁴⁰

Следуя в вышеозначенном направлении, 27 апреля 1917 г., в ходе «Первого демократизированного Астраханского уездного земского собрания», принимая во внимание требования трудящихся масс и учитывая существенные изъяны в работе Н.А. Абезьянинова, С.Б. Тюменя и Г.И. Шукина – земские гласные, в частности, избрали новым председателем Астраханской уездной земской управы С.Т. Маштакова.⁴¹ Вслед за этим, были утверждены и новые члены Астраханской уездной земской управы: Г.Ф. Монаков, М.Г. Липовский и Д.С. Рябов.⁴²

28 апреля 1917 г. «чрезвычайное» Царёвское уездное земское собрание, пополненное представителями демократических слоев населения выбрало на пост председателя Царёвской уездной земской управы В.А. Белаева (сторонник «трудовой народно-социалистической партии», участник рево-

люционного движения 1905 г. и последующего периода), а на должности членов данного органа поставило А.Т. Еремина (прапорщик 243 полка), А.И. Коростелева, И.И. Колесова, И.А. Улановского.⁴³

1 мая 1917 г. «Седьмое чрезвычайное демократизированное Красноярское уездное земское собрание» наделило полномочиями председателя Красноярской уездной земской управы Д.Н. Потемкина (крестьянин, в прошлом сельский и волостной старшина, член земского собрания и земской управы с 1913 г.), а права её членов возложило на Е.А. Данилова (крестьянин, гласный и член уездной земской управы с 1913г.), В.А. Матвеева (крестьянин, гласный от Марфинской волости), П.Д. Степанов (крестьянин, гласный от Телячинской волости).⁴⁴

9 мая 1917 г. участники Четвертого чрезвычайного Верхнеуральско-Троицкого уездного земского собрания избрали на должность председателя Верхнеуральско-Троицкой уездной земской управы М.Е. Валавина (крестьянин, участник первой русской революции, земский гласный с 1913г.), а полномочия её членов поручили исполнять П.Г. Калинкину, Е.М. Селиванову, В.А. Комарову и М.Г. Рустанову (крестьянин, земский гласный с 1913 г.).⁴⁵

29-30 мая 1917г. «Восьмое чрезвычайное демократизированное Ставропольское уездное земское собрание», принимая во внимание требования народных масс и осознавая полную дискредитированность А.К. Озерова, Н.А. Шляхова и Н.А. Левашова, поручило исполнять обязанности Ставропольской уездной земской управы Н.Н. Безменову, а полномочия членов данного органа возложило на И.Я. Звягинцева и Н. Ешоткина.⁴⁶

Аналогичным образом, в мае 1917 г. был демократизирован состав Енотаевской, Черноярской, Благодаринской, Александровской и Медвеженской уездных земских управ.⁴⁷ 15 июня 1917 г. соответствующим путем были переизбраны руководители Святокрестовской уездной земской управы.⁴⁸ Председателей и членов Оренбургской, Орской и Челябинской уездных земских управ в апреле-июне 1917 г. переизбрали участники местных уездных съездов крестьян и представителей т.н. «гражданских комитетов».⁴⁹

Одновременно с демократизацией руководителей уездных земских распорядительных и исполнительных органов участники выше обозначенных «демократизированных уездных земских собраний» предприняли необходимые усилия в интересах изменения состава Астраханского, Оренбургского и Ставропольского губернских земских собраний.

Действуя в соответствующем направлении, 27-29 апреля 1917г. «Первое демократизированное Астраханской уездное земское собрание», признав, что земское «Положение» от 12 июня 1890 г. не соответствует интересам трудового народа и подлежит немедленному пересмотру, – избрало 13 гласных Астраханского губернского земского собрания.⁵⁰ В их число вошли: П.И. Лепилин, Г.Ф. Монаков, Г.Кораблин, А.Е. Карпенко, Мулла-Аминов, П.И. Шевченко и др.⁵¹

После того, схожим путем, в состав Астраханского губернского земского собрания было избрано 14 гласных от Черноярского уездного земского со-

брания, 10 гласных от Енотаевского (в том числе С.Н. Пузырёв, И.М. Терский, И.Л. Артемов, С.Ф. Шустов, Ф.К. Донской, Н.П. Выдрин и др.), 24 гласных от Царёвского (в том числе В.А. Белаев).⁵² От Красноярского уезда гласные Астраханского губернского земского собрания, в соответствии с распоряжением Красноярского уездного земского собрания были выбраны гражданами и различными общественными организациями (кооперативы и т.п.) на основе прямого и всеобщего голосования.⁵³ Кроме того, в апреле-мае 1917 г. исходя из рекомендаций указанного ранее «Проекта» и требований граждан в состав Астраханского губернского земского собрания были делегированы 20 представителей от Астраханской городской думы, 3 – от земских служащих, 2 – от Астраханского казачьего войска, а также несколько уполномоченных от «крестьянского союза», воинских частей, «общественных исполнительных комитетов» и Советов.⁵⁴

Обновление Ставропольского губернского земского собрания началось 18 марта 1917 г., когда «демократизированное» Благодаринское уездное земское собрание избрало 15 губернских гласных.⁵⁵ Ставропольское уездное земское собрание утвердили кандидатуры своих 10 представителей в губернском земском собрании в ходе «Восьмой чрезвычайной сессии», состоявшейся 29 мая 1917 г.⁵⁶ Вслед за этим, схожим образом, в число членов Ставропольского губернского земского собрания были делегированы 10 гласных от Святокрестовского уездного земства, 15 – от Медвеженского и 4 – от Александровского (в том числе Ф.Л. Есаулов, И.И. Третьяков, А.К. Новиков-Гуторов, Д.И. Василенко).⁵⁷ В результате данных действий к июлю 1917 г. состав Ставропольского губернского земского собрания увеличился до 90 человек, из которых 31 являлись гласными, избранными в дореволюционный период, 52 – были выбраны в ходе «процесса демократизации», 5 – являлись председателями уездных земских управ, а 2 – представляли губернскую земскую управу.⁵⁸

Схожим образом, в апреле-мае 1917 г. был обновлен состав Оренбургского губернского земского собрания. Большинство его новых гласных было избрано «демократизированными» уездными земскими собраниями.⁵⁹ Однако, в ряде случаев (в т.ч. из Челябинского и Верхнеуральско-Троицкого уездов) в него были направлены и выбранные прямым демократическим голосованием непосредственные представители от сёл, волостей, кооперативов, «комитетов общественной безопасности», Советов и прочих подобных общественных сил и организаций.⁶⁰

Своеобразным завершающим шагом на пути демократизации органов земского самоуправления в рассматриваемых период явились события связанные с изменениями в руководстве Астраханской, Оренбургской и Ставропольской губернских земских управ.

Новый состав Астраханской губернской земской управы был выбран участниками «чрезвычайного демократизированного Астраханского собрания», состоявшегося 4 июня 1917г. Права председателя данной управы губернские земские гласные передали В.А. Беляеву, а обязанности ее членов поручили исполнять С.М. Назарову, Ф.Н. Степину, И.Н. Мельникову, Н.П. Выдрину и Ф.Е. Великородному.⁶¹

Решающую роль в демократизации Ставропольской губернской земской управы сыграли участники обновленного «чрезвычайного» Ставропольского губернского земского собрания прошедшего 29 июля 1917г.⁶² Учитывая требования народных масс они удовлетворили просьбу М.И. Дегтярёва об отставке с поста заместителя Ставропольской губернской земской управы, а затем избрали двух новых членов данного земского органа.⁶³ При этом председатель Ставропольской губернской земской управы – А.М. Кухтин – смог сохранить свои права.⁶⁴

Оренбургская губернская земская управа, в данный период была переизбрана более «революционно-демократическим» путем, усилиями депутатов Оренбургского губернского съезда городских, уездных волостных и станичных гражданских комитетов (состоялся 20 мая – 1 июня 1917 г.).⁶⁵ Пост ее председателя занял А.Д. Смыслов (земский служащий, агроном, эсер), а в число членов данной управы вошли: М.В. Власов, А.Р. Фахретдинов, Ф.Ф. Карабейников, А.Т. Кочетков, Н.И. Лисов и С.М. Азанов.⁶⁶

Подводя общий итог всему вышеизложенному, необходимо отметить, что весной-летом 1917 г., под давлением народных масс и революционных организаций, земские деятели сыграли определенную позитивную роль в расширении представительности и повышении уровня демократичности органов земского самоуправления Астраханской, Оренбургской и Ставропольской губерний. Однако, будучи согласованы с интересами имущих классов, их мероприятия не соответствовали в полном объеме революционно-демократическим требованиям народных масс, имели некоторый «контрреволюционный» оттенок и не обеспечивали полностью превращение земств в революционно-демократические институты общественного самоуправления. Объективный ход общественного развития в рассматриваемый период требовал максимально углубить ранее отмеченные инициативы земских деятелей, придать им последовательный революционно-демократический характер. Однако, отстаивая привилегии правящих верхов и опасаясь революционных изменений, Временное правительство весной-летом 1917 г. фактически не только ничего не сделало для оперативного решения этой задачи, но и предприняло целый ряд шагов,- начиная от уклонения в утверждении в должностях вновь избранных руководителей земских органов и заканчивая приостановкой выдачи государственных кредитов наиболее «революционно» обновленным собраниям и управам,- по блокированию процесса демократической перестройки земского самоуправления.⁶⁷ Лишь после претворения в жизнь всех выше обозначенных демократических инициатив, по мере нарастания всеобщего кризиса, Временное правительство было вынуждено частично признать ошибочность этой политики, узаконить «пополнение земских собраний и управ представителями демократических групп населения» (но не более 100% от их дореволюционного состава) и приступить к проведению своей комплексной земской реформы. Данный курс правящих верхов оказал самое негативное воздействие на все последующее развитие земств и во многом подготовил их крах в конце 1917 – начале 1918гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.1788. Оп.2. Д.64. Л.12-48; ГАРФ. Ф.1788. Оп.2. Д.181. Л.7-54; Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. М., 1990. С.49-73.
2. Там же.
3. ГАРФ. Ф.1788. Оп.2. Д.143. Л.80-82; ГАРФ. Ф.1788. Оп.2. Д.200. Л.5-31; Земская хроника Астраханской губернии. 1917. №6. С.403-404.
4. Там же.
5. Земская хроника Астраханской губернии. 1917. №2-3. С.160-165.
6. Государственный архив Астраханской области (ГАОО). Ф.285. Оп.1. Д.272. Л.6 об.
7. Там же.
8. Земская хроника Астраханской губернии. 1917. №2-3. С.165-170.
9. Там же.
10. ГАОО. Ф.285. Оп.1. Д.272. Л.6 об.; Земская хроника Астраханской губернии. 1917. №4-5. С.237-248.
11. Там же.
12. ГАОО. Ф.285. Оп.1. Д.272. Л.7-12.
13. Там же.
14. Земская хроника Астраханской губернии. 1917. №4-5. С.246.
15. Там же. С.248.
16. ГАОО. Ф.285. Оп.1. Д.272. Л.15.
17. Земская хроника Астраханской губернии. 1917. №4-5. С.241.
18. Там же.
19. ГАОО. Ф.285. Оп.1. Д.272. Л.19.
20. Там же.
21. Земская хроника Астраханской губернии. 1917. №4-5. С.242, 248.
22. ГАОО. Ф.285. Оп.1. Д.272. Л.1-12, 23-46.
23. Там же.
24. ГАРФ. Ф.1788. Оп.2. Д.81. Л.19-29; ГАОО. Ф.285. Оп.1. Д.284. Л.14, 28, 38.
25. ГАРФ. Ф.1788. Оп.2. Д.143. Л.50-72; Судавцов Н.Д. Ставропольское земство в революции 1917г. Ставрополь, 1999. С.77.
26. Там же.
27. Там же.
28. Ставропольские губернские ведомости. 1917. 31 марта. С.1-3.
29. Там же.
30. Там же.
31. Там же.
32. Там же.
33. Там же.
34. Там же.
35. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф.311. Оп.1. Д.247. Л.4-8; ГАРФ. Ф.1788. Оп.2. Д.143. Л.43-47.
36. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф.15. Оп.1. Д.330А. Л.140; ГАРФ. Ф.1788. Оп.2. Д.120. Л.196-212.
37. ГАРФ. Ф.1788. Оп.2. Д.64. Л.15-44; ГАРФ. Ф.1788. Оп.2. Д.181. Л.12-38.
38. Там же.
39. ГАРФ. Ф.1788. Оп.2. Д.81. Л.201-203; ГАРФ. Ф.1788. Оп.2. Д.120. Л.428; ГАРФ. Ф.1788. Оп.2. Д.143. Л.31-45; ГАОО. Ф.285. Оп.1. Д.284. Л.50.

40. Там же.
41. ГАОО.Ф.285.Оп.1.Д.272.Л.98-99.
42. Там же.
43. Земская хроника Астраханской губернии.1917.№ 6-7.С.389,394.
44. ГАРФ.Ф.1788.Оп.2.Д.81.Л.173-175; Земская хроника Астраханской губернии.1917.№ 6-7. С.385.
45. ГАОО.Ф.15.Оп.1.Д.330А.Л.177.
46. ГАСК.Ф.314.Оп.1.Д.143.Л.2-8.
47. ГАОО.Ф.1094.Оп.1.Д.7.Л.42-46; ГАОО.Ф.1094.Оп.1.Д.40.Л.120; ГАСК.Ф.311.Оп.1. Д.247.Л.14-17.
48. Северокавказский край. 1917. 13 июля.С.3.
49. ГАРФ.Ф.1788.Оп.2.Д.120.Л.61,120,217; ГАОО.Ф.15.Оп.1.Д.330А.Л.294; ГАОО.Ф.44. Оп.1.Д.238.Л.47.
50. ГАОО.Ф.285.Оп.1.Д.272.Л.99-110.
51. Там же.
52. Земская хроника Астраханской губернии.1917.№6-7.С.394,395,427; ГАРФ.Ф.1788. Оп.2.Д.81.Л.173-176.
53. Там же.
54. ГАОО.Ф.285.Оп.1.Д.272.Л.8; Земская хроника Астраханской губернии.1917.№ 6-7.С.426.
55. ГАСК.Ф.311.Оп.1.Д.247.Л.9-16.
56. ГАСК.Ф.311.Оп.1.Д.177.Л.310-311.
57. ГАСК.Ф.311.Оп.1.Д.247.Л.31,40.
58. Там же.
59. ГАРФ.Ф.1788.Оп.2.Д.120.Л.60-65; ГАОО.Ф.15.Оп.1.Д.330А.Л.148,294.
60. Там же.
61. ГАРФ.Ф.1788.Оп.2.Д.81.Л.202-205; Земская хроника Астраханской губернии.1917.№ 9-10.С.654,658.
62. ГАСК.Ф.311.Оп.1.Д.247.Л.9-12; ГАСК.Ф.314.Оп.1.Д.133.Л.37; Судавцов Н.Д. Указ. соч. С.107.
63. Там же.
64. Там же.
65. ГАРФ.Ф.1788.Оп.2.Д.120.Л.44-45; Оренбургский край. 1917. 1 июня. С.3-4.
66. Там же.
67. ГАРФ.Ф.1788.Оп.2.Д.81.Л.190; ГАРФ.Ф.1788.Оп.2.Д.120.Л.163-165; Оренбургское земское дело.1917. №35.С.7.

ВЫБОРЫ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ В ПОВОЛЖЬЕ В 1917 ГОДУ

Либеральное Временное правительство управляло государством в условиях нараставших народных волнений, что приводило к частым политическим кризисам. Попытки реализации идеальной модели гражданского общества в революционной России 1917 г., предпринимавшиеся правительством, не получили достаточной поддержки в провинции. Органы местной администрации и самоуправления, на которые были возложены все организационные мероприятия по проведению демократических выборов, вошли в противоречие с бесчисленным множеством общественных комитетов и советов, выступивших на политической сцене после Февраля 1917 г.¹

Временное правительство разработало план построения свободного гражданского общества, но он не учитывал реалии народной жизни. В связи с этим обычная предвыборная борьба политических партий и общественных объединений, развернувшаяся на местах летом 1917 г., меньше повлияла на разрешение социальных конфликтов, чем положение дел в советах и комитетах. В революционном процессе на местах обычные элементы строительства демократического государства были гораздо менее важны, чем правотворчество масс, влиявших прежде всего на сущность преобразований. В столице и российских регионах политическая дифференциация общества проявлялась по-разному, но в любом случае это приводило к отчуждению народа от новой власти и дальнейшим поискам идеальной модели их взаимоотношений. В условиях продолжающейся революции это способствовало утверждению за органами социального контроля властных функций.

Неосуществимость принципов земского представительства на выборах Учредительного собрания казалась очевидной всем политическим партиям и течениям, действовавшим в русской революции 1917 года. Члены «Особого совещания по делам о выборах в Учредительное собрание» образовали специальную комиссию и провели сравнительно-сопоставительный анализ мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. Отмеченные недостатки партийно-пропорциональной системы, когда «страна окажется во власти партийной бюрократии»², комиссия надеялась преодолеть. Она считала, что пропорциональная система лучше выразит мнение национального и политического меньшинства. Последнее обстоятельство для составителей проекта «Положения о выборах в Учредительное собрание» имело особое значение при их всеобщности. Они успели убедиться в непопулярности на местах губернских и уездных комиссаров Временного пра-

---

* © Кабытова Н.Н. – доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории Самарского государственного университета, 2011

вительства, назначенных из числа председателей земских управ. Предпочтя пропорциональную систему мажоритарной, демократические законодатели не смогли предотвратить опасности охлократического диктата в стране.

В ходе подготовки выборов в Учредительное собрание социалисты-революционеры имели явное преимущество по сравнению с другими политическими партиями в организационном плане. В результате демократизации уездных и губернских земств весной 1917 года они расширили в них свои позиции, а в сентябре-октябре, после выборов волостных земств, упорчили.³ Временное правительство возложило на земские учреждения все организационные мероприятия по подготовке и проведению выборов в Учредительное собрание в сельской местности. Земства формировали избирательные округа, готовили списки избирателей, регистрировали кандидатов в депутаты от партий и объединений, создавали участковые избирательные комиссии. Разработчики законов о местном самоуправлении отлично понимали, что «в многомиллионной крестьянской России от выборов в волостное земство»⁴ зависел состав Учредительного собрания. Волостные земства должны были также преодолеть диктат крестьян-общинников, объединенных в низовые исполнительные и земельные комитеты, избиравшиеся по сословному принципу.

Выборы в Учредительное собрание проводились по спискам, составленным для избрания городских дум и волостных земств. Широкий спектр партий и объединений, баллотировавшихся на выборах, не изменил общей картины их результатов. В поволжских губерниях большинство мест на выборах в Учредительное собрание получили эсеры, что было вполне закономерно. Выявление социально-экономических требований крестьян в революции показало господство радикально-конфискационных настроений как среди общинников, так и собственников в отношении некрестьянского землевладения. Общинно-уравнительные иллюзии были присущи в значительной степени пролетарским и полупролетарским городским слоям, солдатам среднего возраста. Эсеры, пропагандировавшие идеи социализации земли, находясь во власти, не спешили с реализацией конфискационных мероприятий, опасаясь аграрного беспредела, но обещали утвердить их законодательно. Наконец, в большинстве поволжских губерний к осени 1917 года эсеры стали «партией власти», руководили идейно и организационно избирательной кампанией в Учредительное собрание, а следовательно, имели большие возможности склонить на свою сторону электорат⁵. Выдающийся русский мыслитель первой половины XX века И.А.Ильин, изгнанный из России в 1922 году большевистским режимом, писал: «Баба Авдотья рассказывала в 1917 году о своем участии в избрании «учредительного собрания»: «пришла я этта в волость, на крыльце люди толпятся; спрашивают – ты на выборы? На выборы... – что, откеда? – говорю: Авдотья Митрошкина с Погорелых Выселок, – отыскали они на бумажке чегой-то отметили, а мне на ладонь крест поставили мелом, иди, говрят, домой, проголосовала; ну я и пошла»... Так социалисты-революционеры составляли свое «большинство» в «учредилке»...»⁶.

Некоторые особенности результатов выборов в Учредительное собрание в поволжских губерниях объясняются сложившейся в них расстановкой социально-политических сил. В губернских городах Самаре и Саратове, уездных Сызрани и Царицыне значительное влияние на выбор избирателей оказали большевики, опередившие даже эсеров, в Симбирске и Пензе на второе место после эсеров выдвинулись кадеты; в Казани – национальные мусульманские организации⁷. В целом, на результаты выборов по избирательным округам, определенным в границах губерний, политические симпатии горожан повлияли незначительно, т.к. основная масса избирателей проживала в сельской местности, где эсеры лидировали. В исследуемом регионе они получили на выборах в Учредительное собрание 70 % депутатских мест. Из национальных партий и объединений широкую поддержку получили в Поволжье только мусульманские группы, прежде всего в местах компактного проживания татар. Из 8 мусульманских депутатов 4 были эсерами.⁸

Рассматривая основные направления агитационно-пропагандистской и организационной работы партий и общественных организаций, органов власти и самоуправления по подготовке к выборам Учредительного собрания, нужно отметить, что все они стремились привлечь на свою сторону крестьянство. Крестьянские съезды, оказавшие в Поволжье существенное влияние на местные органы власти и самоуправления, явились своеобразным катализатором общественного мнения о назначении Учредительного собрания. Они продолжили с большей или меньшей степенью радикализма попытки создания правил и инструкций по разрешению земельного вопроса до Учредительного собрания. Эсеры, руководившие всеми крестьянскими организациями, использовали съезды для поддержки своих партийных списков кандидатов в Учредительное собрание. Крестьяне, выступавшие против аграрной политики Временного правительства и его местной администрации, поддерживали эсеров на выборах в Учредительное собрание прежде всего из-за одобрения их списков крестьянскими съездами.

Эсеры провели большую организационную работу по выявлению крестьянских наказов Учредительному собранию, распространяя через земельные комитеты различные анкеты и вопросники о желательном разрешении аграрного вопроса. Крестьяне, предпочитавшие архаичные формы словесного представительства и вынужденно втянутые в новую партийно-пропорциональную избирательную систему на основе «четырёххвостки», выбрали более знакомую им партию. Характерно, что не только крестьяне-общинники, но и мелкие собственники поддерживали уравнительный «черный передел» и, следовательно, также голосовали за эсеров на выборах в Учредительное собрание.

В целом, несмотря на все законодательные инициативы Временного правительства, механизм взаимоотношений между властью и обществом не складывался. Политические партии и общественные объединения, борющиеся за власть в беспартийной по преимуществу стране, были не способны аккумулировать интересы различных социальных групп, находив-

шихся в состоянии антагонизма. Больше или меньшее влияние на власть и самоуправление им удавалось оказывать лишь в губернских городах. В ходе муниципальной кампании в уездных городах регистрировались общественные группы беспартийных граждан, списки которых получали достаточное для влияния количество голосов на выборах в думы. При выборах волостных земств избирательные списки формировались преимущественно от сельских обществ.

Предпочтение большей частью населения норм общинного права создавало предпосылки для изменения форм регулирования общественных отношений. Советы для рабочих, солдат и даже крестьян оказались предпочтительнее по двум причинам: во-первых, они создавались на основе социального представительства ранее угнетенных классов, во-вторых, – формально не несли ответственности за обострившийся кризис власти. Необходимо заметить, что и результаты выборов Учредительного собрания в губерниях Поволжья отражали скорее социальные ожидания большей части избирателей, чем действительную расстановку политических сил. Социалисты-революционеры, одержавшие уверенную победу на выборах, потеряли доверие масс, как только захватившие власть большевики заявили об удовлетворении их радикальных требований, не дожидаясь Учредительного собрания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Протасов Л.Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. – М., 2008.

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1811. Оп. 1. Д. 34. Л. 7.

³ Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. – М., 1990. С. 146.

⁴ ГАРФ. Ф. 1811. Оп. 1. Д. 67. Л. 3.

⁵ Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 3894. Л. 7, 19-23, 26.

⁶ Ильин И.А. О грядущей России. – М., 1993. С. 33.

⁷ Октябрь в Поволжье. – Саратов, 1967. С. 257-259.

⁸ Кабытова Н.Н. Власть и общество российской провинции в революции 1917 года. Самара, 2002. С. 218.

Г.А. Широков*

НАУЧНЫЕ ИЗЫСКАНИЯ УЧЕНЫХ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941-1945 ГОДОВ

к началу Великой Отечественной войны университет являлся крупным научно-исследовательским центром страны, характеризовавшийся сложившимися научными направлениями, школами и солидной материальной базой, мощным коллективом квалифицированных специалистов. В 1941 г. в университете работало 124 научных сотрудников, в числе которых было 22 профессора и 51 доцент¹.

С первых дней войны большинство кафедр университета коренным образом изменило направление своей научной деятельности, поставив целью оказание возможной помощи оборонным предприятиям. Работать ученым приходилось в труднейших условиях. Холодные неотопливаемые помещения, теснота, отсутствие необходимого оборудования, материалов – все это было характерно для деятельности любого научно-исследовательского института и высшего учебного заведения. Но ни на минуту не прекращалась битая напряженная научная мысль университетских ученых.

Активно участвовали в решении задач, выдвинутых оборонной промышленностью, сотрудники кафедр механики, теории упругости, математического анализа. За период с июня 1941 г. по май 1943 г. они выполнили около 25 договорных тем и почти 500 заданий разнообразного характера, касавшихся исследования нового типа оружия, разных материалов, конструирования новых видов вооружения, изыскания заменителей материалов, проверки и конструирования различных приборов².

Пересмотрели и подчинили нуждам обороны свои изыскания физики. Инициатором и руководителем неизменно выступал зав. кафедрой П.В. Голубков. С первых дней Великой Отечественной войны он развернул интенсивную научную деятельность, направленную на оказание всемерной помощи обороне страны. Провел исследование нового типа оружия (по заказу Наркомата вооружения), некоторой аппаратуры для полевой хирургии (испытана в лабораториях и клинических условиях), большую расчетно-конструкторскую работу по изменению физических методов и контролю производственных процессов, изысканию и изучению новых материалов, завершил работу по электронно-оптической теории сверхвысокочастотных генераторов, которые стали базой для проектирования новых типов генераторов, базой для повышения их мощности и более разнообразного применения. За полтора года войны им проведено 20 научных консультаций на оборонных предприятиях³.

Сотрудники кафедры, возглавляемой Петром Васильевичем, в сжатые

---

* © Широков Г.А. – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии Самарского государственного университета, 2011

сроки переключились на выполнение заказов оборонной индустрии. Об интенсивности их труда можно судить по такому показателю. Только за два года войны они выполнили свыше 200 заданий⁴.

Всего за годы войны саратовскими и ленинградскими физиками вместе с заданиями технического характера было выполнено более 400 работ. Вот некоторые из них. Организация производства, разработка технологии и серийный выпуск с сентября 1941 г. автоматических запальников к противотанковым бутылкам с зажигательной смесью. Разработка и создание автоматической защиты механических прессов и парового молота от несчастных случаев. Создание установки для испытания пробойной силы противотанкового ружья, производство которого налаживалось на одном из саратовских предприятий. Разработка и изготовление узлов к оптическим прицелам. Разработка методики, создание установки и систематическая работа по регенерации электрических ламп накаливания. Создание прибора для измерения температуры спинно-мозговой жидкости при диагностике особо сложных ранений⁵.

Заметных успехов добились астрономы. Заведующий кафедрой астрономии университета доц. П. В. Вьюшков вел исследования по двум направлениям: по конструкции аэронавигационных приборов и гравиметрии. По первому он создал прибор для штурманских вычислений. Актуальным являлось и второе направление, посвященное гравиметрическим исследованиям и их применение к изучению геологических структур Юго-Востока России. Кроме того, он же составил номограммы для одного из саратовских заводов и создал аэродинамическую линейку для штурманов дальнего следования⁶.

Значительный вклад в выполнение неотложных нужд фронта и тыла внесли химики. В августе 1941 г. они получили от наркомата обороны специальное задание по разработке рецептуры зажигательных смесей, предназначенных для поджога вражеских танков. Работа в этом направлении велась под руководством профессоров Н. А. Шлезингера (кафедра физической химии) и Я. Я. Додонова (кафедра неорганической химии) с участием физиков – проф. П. В. Голубкова и доц. В. Ф. Далецкого. Испытание бутылок с горючей смесью проводилось на территории университетского городка. Два варианта зажигательной смеси, предложенные химиками университета, приняли на вооружение Красной Армии⁷.

Важной темой, над которой трудились университетские химики связана с изучением нефти и горючих сланцев. Так, член-корреспондент Академии наук СССР В. В. Ченинцев работал над проблемой переработки нефти Второго Баку и ее крекинга; исследовал горючие сланцы Нижнего Поволжья с целью их переработки и использования. Он же разработал новый метод получения бензина, дававший выход продукта вдвое больше обычного. Вместе с сотрудниками вел обширные исследования пластичных масс, причем получили совершенно новые продукты и разрешили конкретные проблемы, с которыми к кафедре органической химии обратились представители промышленности: указаны удовлетворявшие известным условиям

изоляторы, найден рецепт получения не воспламеняющегося костюма⁸. Проф. Н. А. Шлезенгером (кафедра неорганической химии) изучался флюоресцентный метод обнаружения минимального количества нефти и ее качества в горных породах⁹.

Трудные и ответственные задачи встали перед геологами. Им предстояло как можно быстрее исследовать богатства Саратовского Поволжья, чтобы найти новые источники сырья для перебазированной промышленности.

Теоретическое обоснование месторождения газа и нефти дал профессор Саратовского университета Б. А. Можаровский. Он еще до войны высказал ряд новых принципиальных положений о геологическом строении Нижнего Поволжья. В 1923 г. проф. Б. А. Можаровский в «Кратном обзоре минеральных ресурсов Нижне-Волжского края» указывал на возможность месторождений нефти и газа в Саратовской области. Саратовский трест разведочных и буровых работ незадолго до войны начал бурение в с. Тепловке Новобураасского района. В апреле 1941 г. была заложена скважина на нефть у с. Елшанки близ Саратова, из которой 9 сентября 1941 г. одновременно с водой стал выделяться горючий газ. В декабре того же года была заложена мощная скважина, позволившая эксплуатировать месторождение¹⁰.

Особое развитие получили поиски нефти и способов ее переработки после постановления Государственного Комитета Оборона 22 сентября 1942 г. В нем указывалось, что всемерное форсирование добычи нефти в районах Волги, Урала, Казахстана и в Средней Азии – важнейшая военно-хозяйственная и политическая задача, от успешного решения которой зависят удовлетворение первоочередных нужд народного хозяйства и повышение боеспособности Красной Армии¹¹.

Напряженный труд саратовских геологов завершился открытием в 1944 г. нефти в районе села Курдюм, а позже на Соколовой горе у Саратова. Саратовское Поволжье стало крупным центром нефтяной и газовой индустрии¹².

Важной проблемой, над которой трудились научные сотрудники почвенного отделения геолого-почвенного факультета во главе с проф. Н. И. Усовым, являлось всестороннее изучение свойств почв Саратовской области в части их генезиса, физических, химических и механических свойств. На базе полученных данных составили почвенную карту области (шестая областная почвенная карта в СССР), позволившая решать ряд вопросов при оборонном строительстве и разработке систем агротехнических мероприятий по повышению плодородности почв Нижнего Поволжья. В этих изысканиях принимали участие проф. Н. И. Усов, доценты: А. Ф. Неганов, А. П. Малянов, научный сотрудник А. С. Шулов и другие работники кафедры почвоведения¹³.

В плане НИР биологического факультета в значительной степени преобладали темы общехозяйственного значения, но тем не менее все они теснейшим образом были связаны с запросами военного времени и внесены в него по заданиям и предложениям ряда научных и хозяйственных учреждений. В 1942 г. проф. А. Д. Фурсаевым составлена и опубликована брошюра о витамине «С» как средстве против заболевания цынгой. Летом того же

года он активно изучал лекарственные растения Саратовской области¹⁴.

Вместе с другими факультетами с самого начала войны мобилизовал свои силы на удовлетворение практических запросов, главным образом, военных организаций географический факультет. Исследования, выполненные сотрудниками кафедры геодезии и картографии (зав. каф. доц. В. П. Лузин), можно разделить на три категории, а именно: по договорам с Главным управлением геодезии и картографии при СНК СССР и Центральным научно-исследовательским институтом геодезии, аэросъемки и картографии при ГУГКе; заданиям для конкретных оборонных целей и по инициативе членов кафедры в целях оказания помощи в обороне страны¹⁵.

В военный период на кафедре экономической географии университета были завершены исследования, начатые в предшествующие годы. Наиболее крупной являлась монография Н. С. Фролова «География сельского хозяйства СССР».

Ученый совет географического факультета Ленинградского университета в постановлении от 5 мая 1944 г. отметил, что «работа проф. Н. С. Фролова подвела итоги его многолетней деятельности по творческому картированию размещения сельскохозяйственных культур, обнаружила у автора широкий научный кругозор и большую эрудицию по экономической географии сельского хозяйства, экономике, агротехнике и ряду других дисциплин и представляет серьезный шаг в развитии отраслевой экономической географии СССР»¹⁶.

Война пробудила огромный интерес к истории вообще, и к историческому прошлому нашей Родины в особенности. Никогда еще потребность в осмысливании исторических событий не была так велика, как в военное время. Общественная потребность в знании истории своей страны, ее традиций, закономерностей ее развития за 1941-1945 гг. выросла в небывалой степени.

Отвечая этой потребности, ученые-гуманитарии освещали историю борьбы славянских и русского народа против немецкой агрессии в далеком средневековье, исторические традиции русского военного героизма, деятельность видных русских и советских полководцев, прославивших отечественное военное искусство. Пропагандируя прошлое нашей Родины, историки укрепляли у советских людей уверенность в победе над фашизмом, высокие чувства национальной гордости и патриотизма.

Эти вопросы освещались в общих и специальных курсах по истории СССР, ставились в научных докладах на кафедрах и конференциях. Из исследований такого рода можно отметить брошюры проф. Н. Л. Рубинштейна «Полководческое искусство Суворова» и «Возникновение народного ополчения в России в начале XVII века», Г. М. Генделя «Германия и ее вассалы», Г. М. Деренковского «Отечественная война против немецких оккупантов в 1918 году», А. М. Дубинского «Война на Тихом океане». Л. А. Дербов, работая над кандидатской диссертацией «Борьба русского государства за утверждение в Прибалтике в середине и второй половине XVI века, в 1942 г. разработал тему «Разгром Ливонского ордена в XVI веке». Подго-

товлены и прочитаны научные доклады, авторами которых были: доц. Г. М. Деренковский – «Брусилловский прорыв», А. М. Дубинский – «К истории возникновения войны на Тихом океане»; С. М. Пумпянский – «Фашистская фальсификация истории средних веков» и др.¹⁷

Несмотря на трудности военного времени, не прекращались в крае и археологические исследования. Они связаны, прежде всего, с именем доц. И. В. Синицына. На этом поприще, отмечалось в характеристике, выданной ректоратом в Кировский РК партии в 1945 г., он добился значительных успехов. Его археологические исследования принесли ему известность как тщательному, осведомленному и даровитому научному работнику¹⁸.

Таким образом, краткая характеристика исследовательской деятельности ученых университета в 1941-1945 гг. не исчерпывает всех научных направлений и школ, сформировавшихся в нем в предвоенный период и во время войны. Некоторые из них были созданы сравнительно недавно и успешно разворачивали свои изыскания. Работы как сложившихся направлений и школ, так и вновь возникших, свидетельствовали о том, что университетские ученые внесли достойную лепту в общее дело – разгром фашизма.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Центр документации новейшей истории Саратовской области (далее ЦДНИСО). Ф. 594. Оп. 1. Д. 4361. Л. 70. Там же.

² Там же; Ф. 35. Оп. 13. Д. 185. Л. 41.

³ Там же. Л. 197.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Д. 2862. Л. 26.

⁶ Там же; Д. 3883. Л. 185; Ф. 35. Оп. 13. Д. 185. Л. 216.

⁷ ЦДНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2862. Л. 13; Д. 2774. Л. 14

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Филиал Российского государственного архива научно-технической документации в городе Самаре. Ф. Р-27. Оп. 10-1. Д. 21. Л. 10.

¹¹ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. – М., – 1957. Т. 2. – С. 726-727.

¹² Во имя победы. По страницам многотиражной газеты СГУ «Ленинский путь». – Изд-во ун-та, – 1966. – С. 7.

¹³ Там же. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2862. Л. 13; Коммунист. 1944. 15 декабря.

¹⁴ ЦДНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2862. Л. 19.

¹⁵ Там же. Л. 17.

¹⁶ Там же. Ф. 35. Оп. 13. Д. 185. Л. 210.

¹⁷ Исторический журнал. – 1942. – № 1-2. – С. 186; -№ 9. – С. 91; - № 11. -С. 108; -1943. – № 10. -С. 108; ЦДНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2862. Л. 20.

¹⁸ ЦДНИСО. Ф. 35. Оп. 13. Д. 185. Л. 215.

САМАРСКИЙ КРАЙ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Э.Л. Дубман*

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ И ВОЕННЫЕ ГАРНИЗОНЫ СЫЗРАНСКОГО ПОВОЛЖЬЯ В НАЧАЛЕ XVIII в.**

В последние десятилетия XVII в. правительство приступило к очередному этапу колонизации волжского Правобережья. В 1683 г. была сооружена Сызрань, в 1685 – принято решение о строительстве между Волгой и Сурой Сызранской черты. Несмотря на то, что этот проект так и не был осуществлен¹, началось интенсивное освоение нового пространства. Вокруг Сызрани, Кашпира, слобод служилых людей складывается крупный район сельского расселения. В XVIII столетие Сызранское Поволжье вошло как территория освоенная, с развитой инфраструктурой различных типов поселений, интенсивно развивающимся сельским и ремесленно – промысловым хозяйством. К сожалению, в отечественной историографии эта тема, за исключением изданной еще в конце XIX в. монографии Г.И. Перетятковича, практически не изучалась². Меж тем, ряд новых материалов, выявленных, в архивохранилищах Москвы и других городов, позволяет рассмотреть ее более детально.

В конце 1690-х гг. Россия закрепились в низовьях Дона и на северном побережье Азовского моря (Азов, Таганрог), предприняла неудачную, но весьма масштабную, попытку соединить каналом в районе Переволоки Волгу и Дон; построила ряд городков – крепостей на притоках этих рек (Петровский на Медведице, Дмитриевской на Камышенке и др.³). Казалась бы, угроза нападений степняков на недавно освоенные земледельческим населением районы в междуречье Волги и Суры была ликвидирована. Однако, это было далеко не так. Голландский художник К. де Бруин, проплывавший по Волге в 1703 г., писал: «Калмыцкие татары делают набеги из этих мест вплоть до Казани и захватывают все, что могут, или сумеют, людей, скот и проч. и проч.»⁴. О том, что эти набеги совершались не только в Заволжье, свидетельствует челобитная жителей Томышевской слободы, поселенной на р. Сызранке о том, что «... в прошлом в 199 (1690/91 – Э.Д.) году их, крестьян разграбили колмыки и в полон побрали пятьдесят человек яшашных крестьян той Томышевской слободы»⁵.

---

* © Дубман Э.Л. – доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории Самарского государственного университета, 2011

** Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Грант 10-01-00194а

Помимо того, мощные социальные конфликты, разразившиеся в Заволжье (башкирские выступления), низовьях Волги (Астраханское восстание) и на Дону (Булавинское движение), заставили правительство сохранять значительные воинские контингенты на южных территориях Симбирского, Пензенского и других близлежащих уездов. Но и после завершения волнений, во втором десятилетии XVIII в., угроза нападений для этих районов не только не ослабла, но напротив, выросла (например, Кубанский погром 1717 г. и ряд других, менее масштабных набегов⁶). В значительной степени это было обусловлено уходом России из северного Приазовья после неудачно завершившегося Прутского похода. Для того, чтобы обезопасить вновь освоенные территории, пришлось перекрыть в районе Переволоки пространство между Волгой и Доном Царицынской линией⁷.

В связи с вышеуказанными обстоятельствами, руководство страны, несмотря на перевод значительной части служилых людей из гарнизонов Среднего Поволжья «в Азов», а позднее в «свейскую посылку», вынуждено было сохранять в регионе крупные воинские контингенты⁸. Важнейшими центрами защиты и сосредоточения военных сил в регионе оставались Сызрань и Кашпир. Тот же Бруин сообщал: «Городок этот (имеется в виду Кашпир – Э.Д.) невелик, окружен деревянной стеной, снабженной башнями, с несколькими деревянными же церквями. Предместье его или слобода находится подле же города, как это видно на изображении под ч. 28. В разстоянии часа далее отсюда есть еще другой город, называемый Сызрань (Sieseron), довольно обширный, со многими каменными церквями»⁹.

Более точное представление о состоянии крепостных сооружений Сызрани и Кашпира дает описание 1703 г. Судя по данным источника, укрепления этих крепостей находились в плачевном состоянии. Если в Сызрани была попытка их обновить («... Город и башни во многих местах погодою раскрыло, да от реки Сызрану городовая стена обвалилась и ныне поставлен острог (выделение мое – Э. Д.). По мере того острогу 25 сажен пол 2 аршина»), то в Кашпире ряд башен и участков стен пришли в полную негодность («... По городу 8 башен, в том числе у трех угольных башен шатры погодою сломало. А город во многих местах погодою ж раскрыло, да от Волги реки промеж 2 башен стены погодою ж по облам сломило... По конец надолоб башня шатер сломило погодою»¹⁰). Кажется странным, что совсем недавно (15 – 20 лет назад) выстроенные, крепостные сооружения так быстро пришли в негодность.

Помимо Сызранской и Кашпирской крепостей, на территории региона находился ряд дополнительных более мелких оборонительных сооружений. С начала 1630-х гг. существовал достаточно хорошо укрепленный Усольский городок в Надеинском Усолье, который неоднократно перестраивался и ремонтировался¹¹. В конце Смутного времени на Переволоке, между Волгой и р. Усой были устроены острожки, возобновленные затем в начале 1670-х гг., властями Самары и уезда¹². Позднее, в 1680 г. власти Савво-Сторожевского монастыря основали здесь Переволокскую слободу с укреплениями, призванными защитить их владения на Самарской Луке¹³. Во второй

половине 1680-х – 1690-х гг. городки – острожки были построены во вновь основанных селениях, в вотчинах крупных центральных монастырей: в Новопречистенской слободе московского Новодевичьего монастыря (совр. с. Новодевичье), Городищенской слободе московского Вознесенского монастыря¹⁴ (совр. г. Октябрьск), с. Сосновый Остров Чудова монастыря (совр. г. Хвалынский) и т.д. Сведения о подобных укреплениях и даже их планы сохранились. Видимо, они были возведены во всех более – менее крупных селениях региона. Трудно говорить о типологии таких оборонительных сооружений из-за отсутствия подробных описаний. Скорее всего, они могли варьировать от достаточно хорошо укрепленных городков (как, например, в Надеинском Усолье¹⁵) до самых примитивных оборонительных частоколов с «боями». Например, на Самарской Луке в 1660-х – 1670-х гг. собственные очень простые укрепления типа заборов с «боями» и осадных дворов, имели села Рождествено, Ильинское (Подгоры), Архангельское (Новинки)¹⁶, монастырское с. Жигулевка.

О численности и составе вооруженных сил размещенных в Сызранском Правобережье в начале XVIII в., свидетельствуют, прежде всего, документы набора даточных людей, проводившегося Генеральным двором в с. Преображенском. По наказу от 17 ноября 1699 г. в «понизовых городах» этот набор был поручен князю Н.И. Репнину, который должен был: «Прибирать в салдацкую службу в указные числа детей боярских и из недорослей и казачьих и стрелецких детей же и братьев и племянников и захребетников и из и иных всяких чинов и из наемных работных людей». Данные о составе гарнизонов рассматриваемого региона на 1702 г., в делопроизводстве комиссии Н.И. Репнина удалось выявить в 3-х очень близких по содержанию и дополняющих друг друга, источниках. Сведения, приводимые в них, совпадают по большинству категорий служилого населения; различия между ними невелики и не имеют определяющего влияния. Как и в других переписях жителей региона, проводившихся сотрудниками комиссии Н.И. Репнина, учитывалось практически все мужское население данного населенного пункта, кроме тяглового. По Сызрани и Кашпиру переписчики внесли в свои книги дворян и детей боярских, приказных и площадных подъячих, пушкарей, воротников, солдат, «солдатских детей» (живущих отдельно) и бобылей. Характерной особенностью этих двух пригородов являлось полное преобладание среди их жителей солдат, пушкарей и воротников и фактическое отсутствие служилых людей по отечеству. Лишь в Сызрани указан один сын боярский (дворянин).

В еще одном сводном документе этого времени, смете ратных людей понизовых городов 1704 г., к сожалению, данные о воинском контингенте Симбирского уезда даны в самом общем виде «В Симбирских пригородах служивых людей пеших стрельцов и казаков...» и выделить из них военных людей Сызрани и Кашпира, невозможно¹⁷.

Несомненно, что военно-административным центром нового района продолжала оставаться Сызрань. Ее воеводой по переписи 1702 г. был И.Т. Сукнаков (другой вариант, Сукманов). В переписной книге указано

поразительно много приказных (9) и площадных (14) подъячих. В состав гарнизона входили 9 пушкарей и 3 воротника, 311 солдат (плюс 2 отдельно указанные семьи «солдатских детей»)¹⁸.

Значительно более скромную роль в регионе играл Кашпир с воеводой Ф.А. Сабаниным. В нем состояло гораздо меньше приказных (2) и площадных (1) подъячих. Под началом 2-х сержантов службу несли 79 солдат «синбирских переведенцев» и 62 «свияжских переведенца». Зато по количеству пушкарей (10) и воротников (4) пригород немного превосходил Сызрань.

Примерно одинаковым было количество бобылей: в Сызрани 11, в Кашпире – 12 (вместе со старостой)¹⁹. В задачи переписчиков не входил учет посадского населения и поэтому оно не попало в их книги. Но вряд ли стоит сомневаться в том, что, по крайней мере, в Сызрани к началу XVIII в. существовал уже достаточно значительный слой посадских людей. К примеру, по переписи 1710 г. в Сызрани насчитали 94 посадских дворов, в Кашпире – 9²⁰.

Еще в одном варианте переписи 1702 г. Симбирского уезда по Сызрани, Кашпиру и двум слободам Жемковской и Печерской указаны солдаты, пушкари и воротники и казаки. Но переписчики записали не только тех, кто жил в своих «домех», т.е. своих поселениях, но и отправленных на службу в Казань «у дела морских судов». При этом, отметим небольшое расхождение с выше приведенными данными (по Сызрани в «домех» – 318 солдат, 10 пушкарей и 4 воротника; по Кашпиру – 132 солдата, пушкарей и воротников то же число). Число казаков в Жемковской слободе в «домех» составляло 103, а в Печерской – 126. Однако, в действительности к указанным в «домех» следует добавить отправленных солдат в Казань: из Сызрани – 71, из Кашпира – 18, из Печерской слободы – 46 казаков²¹.

Разумеется, эти данные далеко не полностью отражают то количество солдат, казаков и т.д., которое было размещено в военизированных поселениях Сызранского региона. Отсутствуют сведения по ряду слобод, по тем селениям, в которых жили служилые татары, чувашы, мордва и т.д. В любом случае, даже отчасти косвенные материалы, показывают, что на южных рубежах Симбирского уезда был сосредоточен достаточно значительный контингент воинских сил. Небольшое уменьшение гарнизонов Сызрани и Кашпира, по сравнению со временем их основания, вполне компенсировалось весьма значительным приростом количества казаков в 2-х указанных выше слободах, расселенных солдат выборных полков, наконец служилых татар, чуваш и мордвы.

Несмотря на то, что Сызрань являлась пригородом уездного Симбирска, в ведении сызранских воевод находились не только сам пригород, но и Кашпир; а также, видимо, ряд близлежащих поселений. Об этом, например, свидетельствуют материалы описания оброчных рыболовецких статей, проводившегося в Симбирском уезде в 1704 г. В процессе собирания сказок и описания, уезд был разделен на более чем два десятка участков, каждый из которых поручался либо воеводе местного пригорода, либо дворянам, посылаемым из Симбирска. Сызранскому воеводе В. Кучюкову было

велено осмотреть рыболовные угодья, принадлежавшие владельцам или населению 15 поселений, а именно²²:

№ п/п	Название селения	Река	Владелец
1	Сызрань	Сызрань, Волга	
2	Кашпир	Волга	
3	С. Введенское	-	Головин Ф.А., боярин
4	С. Дмитровское (Репьевка)	-	Репьев А.Г
5	Томышевская слобода	-	Ясашные крестьяне
6	С. Спасское (Рокотовка) ²³	-	Соловцов П.Г.
7	Жемковская слобода	-	Станичные казаки
8	Печерская слобода	-	Станичные казаки
9	С. Никольское	Р. Терешка	Нармацкий А.И., стольник, Нерлин (?) В.Г., Собакин Ф.А.
10	С. Покровское	Р. Сызрань, р Бушуйка	Снорцов П.Х.
11	Д. Терешевские вершины	р. Терешка	Мурза и служилые татары
12	Д. Атлаш	р. Атлай	Татары
13	Д. Татарская Кулатка	р. Кулатка	Служилые татары
14	Д. Чувашская Кулатка	р. Кулатка	Ясашные чуваша
15	С-цо Новознаменское («селятся внове»)	р. Терешка	Одоевский А.Ю, кн..

В делах Ингерманладской канцелярии, занимавшейся описанием оброчных угодий, сохранился еще один документ, дополняющий приведенный выше список населенных пунктов, тяготеющих к Сызрани и Кашпиру. В нем не указаны 7 последних селений, но вместо них внесены еще восемь²⁴:

№ п/п	Название селения	Река	Владелец
1	?		Крестьяне А.Т. Шахматова
2	?	р. Крымза	Дача Г.И. Польскова
3	С-цо Голодяевка		Разные помещики
4	Д. Коптеевка		Солдаты
5	С-цо Усинское		Солдаты выборного полка
6	Д. Молякова (Малячкино)		Чуваша
7	Д. Байдерякова		Чуваша
8	Д. Кушникова		Кушников С.П.

Этот перечень можно было бы и продолжить. Например, во время волнений крестьян в Городищенской слободе московского женского Вознесенского монастыря, разбирательство этого дела велось именно в Сызрани²⁵.

К сожалению, в нашем распоряжении не имеется материалов, позволяющих судить о том, в какой степени администрация пригорода могла распоряжаться в прилегающем к Сызрани районе. В документах конца XVII – начала XVIII вв. нередко для его обозначения используется название «Сызранский уезд»²⁶. Причем, часто это понятие можно найти в достаточно серьезных официальных документах. Например, в 1701 г. была составлена перепись «... церквей и приходских дворов» Самарского и Сызранского (?) уездов²⁷. Однако, на самом деле такого уезда официально не существовало. Под ним лишь подразумевалась в самом приближенном виде территория, охватывавшая с востока на запад пространство от Переволокской слободы и далее по р. Сызранке вплоть до с. Новоспасского, едва ли не все правобережье р. Усы (от Переволок по рекам Крымзе, Тишереку, Томышевке). Характерно, что находившийся западнее водораздел между Волгой и Сурой (восточнее Налуевской слободы), по которому шли с юга сакмы кочевников, находился за пределами этого условного «Сызранского района». Сызранский микрорайон защищал, прежде всего, наряду с Саратовым и с. Соновый Остров, переправы через Волгу от прорыва кочевавших в Заволжье калмыков и, разумеется, сам волжский путь.

И еще один вывод можно сделать из имеющегося материала. Район, о котором мы пишем, был в значительно большей степени насыщен вооруженными силами, чем об этом свидетельствуют описания сотрудников Генерального двора в С. Преображенском. Его, наряду с казаками Жемковской и Переволокской слобод, солдатами Сызрани, Кашпира, сельца Усинского и д. Коптеевки, защищали служилые татары, чуваша и мордва д. Еделево, Сайман, Ахметлей в верховьях р. Сызрань, в западном районе предполагаемой черты; Ногайский Брод (Уса), Малячкино (Казанбаевки), Татарская Кулатка, Терешевские вершины (два последних южные подступы к Сызрани и Кашпиру) и других.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лебедев В.И. Легенда или быль. По следам засечных сторожей. Пенза, 2006. С. 73-77; РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Московский стол. Столбцы. Д. 674. Л. 418-419.

² Перетяткович Г. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). Одесса, 1882.

³ По смете ратных людей понизовых городов 1704 г. в Петровском числилось 1020 солдат (правда, 886 из них было переведено в Царицын), в Дмитровском 1000 человек (из них 700 было отправлено в «свейский поход», в Борисоглебском (на Хопре)) – 355 чел. См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Д. 3. Л. 434-437

⁴ Путешествие через Московию Корнелия де Бруина. М., 1873. С. 172-175.

⁵ Государственный архив Ульяновской области (Далее ГАУО). Библиотека. Материалы исторические и юридические района бывшего Приказа Казанского дворца. Т. IX. № 12.

⁶ Максимов Е.К., Мезин С.А. Города Саратовского Поволжья петровского времени. Санкт-Петербург, 2010. С. 61-62; Лавринова Т.И. Татарский набег 1717 г. на юго-восток России // Вопросы краеведения. Волгоград, 1991. Вып. 1. С. 34-37.

⁷ Лавринова Т.И. Царицынская линия: история строительства в 1718-1720 гг. и первые годы существования: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1990

⁸ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Д. 3. Л. 431-437

⁹ Путешествие через Московию Корнелия де Бруина. С. 172-175.

¹⁰ Лебедев В.И. Города, пригороды и остроги оборонительных черт Пензенского края на рубеже XVII-XVIII вв. (по материалам ЦГАДА) // Из истории области. Очерки краеведов. Вып. III. Пенза, 1992. С. 99-100.

¹¹ Бахрушин С.В. Промышленные предприятия русских торговых людей в XVII веке / Бахрушин С.В. Научные труды. Т.2. М., 1954. С. 224-255; Описание Усольского городка и соляных варниц 1676 г. Публикация подготовлена Э.Л. Дубманом // Самарский земский сборник. Самара, 1996. Вып. 3. С. 91-95.

¹² Самарский воевода А.Д. Фанвисин (был воеводой в Самаре в октябре 1672 - августе 1673 гг.) построил оборонительные сооружения на переволоке между Волгой и Усой, у «входа» в западную часть Луки. В результате весь перешеек между двумя реками - шириной в 1,5 - 2 км. был перегорожен тремя небольшими деревянными острожками с предпольной системой укреплений в виде надолоб. По словам самарских воевод с весны до осени в острожки селили «самарских служилых людей по пятидесяти человек и больше». Власти Надеинского Усолья также писали о переволокских острожках, однако сообщали несколько иное число посылаемых в них для караула самарских служилых людей - «попеременно» по 10 человек. См.: РГАДА. Ф.281. Оп.17. Д.10845. Л. 2, 12 и др.; РГАДА. Ф.125. Оп.1. Д.6. 1679 г. Л.1.

¹³ РГАДА. Ф.125. Оп.1. 1679 г. Д.6.Л.1-11.

¹⁴ РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1983. Л. 1об.-2.

¹⁵ Описание Усольского городка и соляных варниц 1676 г. Публикация подготовлена Э.Л. Дубманом. С.91-95.

¹⁶ РГАДА. Ф.281. Оп.16. Д.10845. Л.4-4 об.

¹⁷ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2, Ч. VI. Д. 3. Л. 431-437.

¹⁸ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Д. 5184. Л. 321-342. Еще в одной росписи этого же года указано в общем итоге 314 солдат с семьями. Возможно, в их число включили 2-х «детей солдатских. См. там же. Л. 698-723.

¹⁹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Д. 5184. Л. 342-352. «Симбирских переведенцев» в Кашпире по другой росписи показано 63. См.: Там же. Л. 725-737.

²⁰ РГАДА. Ф. 870. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

²¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Д. 5128. Л. 159-183.

²² РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 54. Ч. IX. Л. 130-131об.

²³ В других материалах встречается название Новоспасское.

²⁴ РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Д. 20. Л. 90-90об.

²⁵ РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1983; РГАДА. Ф. 281. Кн. 8. Д. 11581. Л. 2; и др.

²⁶ См. например: Труды СУАК. Вып. 25. Саратов, 1909. С. 86-88.

²⁷ РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2145.

ПАНСИОН ГОСПОДИНА ДЕ МАКЕ В САМАРЕ

ри создании своих трудов П.В. Алабин встретил серьезные затруднения в описании «темных времен истории умственного развития Самары», как он называл 1820-1830-е годы из-за недостатка «материалов для разработки этого вопроса». Все же из редких письменных источников и со слов старожилов он увидел «весьма понятные затруднения, какие в то время встречали родители, желавшие дать своим детям хоть какое-нибудь образование»¹.

На страницах «Самарского земского сборника» уже удалось пролить свет на эти «темные времена» в отношении первой казенной общеобразовательной школы в Самаре XIX века – уездного училища². В данной же статье представлен материал по одному из первых частных учебных заведений города. О таких заведениях в догубернской Самаре Алабин смог сообщить только то, что «устраивался, было, в 1820-х годах пансион в Самаре какими-то мадамами», который так и «не состоялся»³. Этот пансион был рассчитан, якобы, на девочек. Ну, а о том, «чтобы в Самаре существовали в прежнее время частные заведения, в которых учили бы мальчиков», Алабину вообще было, по собственному признанию, ничего не известно⁴.

На следующий год после выхода в свет краеведческого историко-статистического очерка П.В. Алабина «Двадцатипятилетие Самары как губернского города» (1876), который цитировался выше, в журнале «Русский Архив» появились воспоминания известного в литературных и научных кругах самарского уроженца Николая Ивановича Второва [9(21).09.1818, Самара – 1(13).12.1865, Петербург]. В них шла речь о реально существовавшем частном пансионе конца 1820-х – начала 1930-х гг., который был в Самаре заведен не безымянными «мадамами», а, наоборот, «месье» де Маке как для девочек, так и для мальчиков⁵.

Свидетельство Н.И. Второва Алабин оставил без внимания, исправлений и дополнений по вопросу о частных школах в Самаре в последующих своих работах не сделал. Другие историки и краеведы, писавшие о прошлом народного образования в нашем крае, тоже проходили мимо этих сведений.

Между тем, в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге хранятся личный дневник, который Н.И. Второв вел, будучи еще ребенком, и ученический дневник – «журнал» его занятий у де Маке. Кроме того, все эти сведения были дополнены находками среди документов Казанского учебного округа в Национальном архиве Республики Татарстан в Казани, что позволило сопоставить и проверить собранные по данной теме материалы. В нашем исследовании также были использованы опубликованные законодательные акты.

---

* © Артамонова Л.М. – доктор исторических наук, профессор кафедры истории отечества Самарской государственной академии культуры и искусств, 2011

5 августа 1827 г. директор училищ Симбирской губернии А. Гапонов прислал в Училищный комитет Казанского университета сообщение следующего содержания. По возвращении с лечения на Сергиевских Минеральных водах штатный смотритель Самарского уездного училища Василий Онуфриевич Барщевский узнал, что в город прибыл некий господин де Маке, решивший обучать здешних детей, который «не предъявил местному начальству учебных заведений никаких о себе актов». Смотритель потребовал приезжего учителя к себе, «чтобы узнать, имеет ли он свидетельство на право домашнего обучения детей». Де Маке в течение пяти дней не явился, поэтому смотритель «в обязанность себе поставил отнестись к г. самарскому городничему» и просил того «объявить чрез полицию иностранцу де Маке явиться к нему с представлением всех актов», требуемых от организатора частной школы «без малейшего промедления»⁶.

Городничий, которому было передано отношение штатного смотрителя посланным от него учеником 2-го класса, «приняв от сего то отношение со гневом и не расписавши в получении оногo в разносной тетради, бросил ему оную». При этом он сказал школьнику: «Твой смотритель с ума сошел; беспокоит меня не вовремя». Барщевский, «приняв слова городничего Соколовского за оскорбление себя и не видя сверх того на свое к нему отношение должного исполнения», посчитал «таковой поступок г. городничего к совершенному невниманию его к званию смотрителя училищ». Он просил директора Симбирских училищ оказать «защиту в таком случае, который подверг его оскорблению при выполнении долга службы»⁷.

У директора училищ губернии не было реальных возможностей «давать нужную защиту в оскорблении должности и чести своих подчиненных», поэтому Гапонов обратился за поддержкой к руководству университета⁸. Он просил принять меры, чтобы законные просьбы руководителей школ другими чиновниками «принимаемы были с должным уважением и законные требования их выполняемы были неотложно»⁹.

После произошедшего скандала де Маке все же предъявил В.О. Барщевскому официальное свидетельство о том, что он может обучать французскому языку. Однако других требуемых по закону документов, «как-то: о крещении, исторической записки о роде, воспитании, времени выезда его в Россию, равно как на том, принял ли присягу на подданство российскому Престолу», представлено не было¹⁰.

Барщевскому не понравилось «и то, что де Маке русского языка по правилам Грамматики не знает, кроме свободного, впрочем, неправильного объяснения на оном». Это замечание, правда, не влекло за собой последствий, а вот непредъявленные документы Гапонов велел с иностранца получить, а пока объявить тому, «чтобы он до получения от императорского Казанского университета разрешения не осмеливался ни заводить пансион, ни обучать детей частно, ни принимать к себе учителями людей, не имеющих от училищного начальства на то позволения». Француз дал расписку в получении этого предписания и о его обязательном исполнении, но заявил, что других документов, кроме свидетельства от московской гимназии, не имеет¹¹.

Упомянутое свидетельство следует привести полностью, поскольку оно содержит важные сведения о прибывшем в Самару учителе: «Объявитель сего, французский дворянин Жан Баптист де Маке, на основании Устава учебных заведений, Высочайше утвержденного в 5-й день ноября 1804 года, просил, дабы дано ему было на обучение юношества французскому языку надлежащее свидетельство, а как, по учиненному ему в Московской Губернской Гимназии испытанию, оказалось, что он может обучать разговору, чтению и письму на означенном языке: для того, на основании помянутого Устава, с дозволения Училищного Комитета, учрежденного при Императорском Московском Университете, и дано ему в том сие свидетельство, за подписанием Директора Училищ Московской Губернии и Учителей, и за печатью означенной Гимназии. В Москве, февраля 7 дня 1810 года»¹².

На том же свидетельстве имелась приписка, сделанная в Московском губернском правлении 7 февраля 1810 г., «в том, что значащийся в оном французский дворянин Жан Баптист де Маке может с оным свободно проживать в России» за подписью камер-юнкера Дмитриева-Мамонова. Из еще одной приписки, подписанной 25 ноября 1815 г. квартальным надзирателем, явствовало, что де Маке проживал в одном из домов 3 квартала Тверской части г. Москвы¹³. Позднее также выяснилось, что де Маке принял российское подданство «в 1806 году в городе Риге»¹⁴.

Де Маке, поселившийся в Самаре в собственном купленном доме, подлинник документа отдать Барщевскому отказался, заявив, что этот документ нужен для поездки в Казань¹⁵. Смотритель удовлетворился снятием копии.

9 сентября Барщевский подал еще одно доношение директору Гапонову о том, что де Маке отъехал в Казань, но его жена продолжает заниматься с детьми «мужского и женского пола» французским языком¹⁶. При этом набирали супруги на учебу только дворянских детей¹⁷. Последнее обстоятельство, видимо, объясняет независимое поведение учителя по отношению к Барщевскому, да и нежелание городничего вмешиваться в этот конфликт. За французом стояли родители учеников, пользовавшиеся влиянием в Самаре.

Так, на сторону де Маке встал Аристарх Азарьевич Путилов (1794-1856), который тогда являлся почетным смотрителем Самарского уездного училища, на чьи деньги оно было построено и в значительной мере содержалось. Он обратился в правление Казанского университета: «Некоторые из гг. дворян, видевши на опыте успехи в нравственности и науках учеников французского дворянина подданного России Жана Баптиста де Маке, изъявили мне свое желание препоручить ему своих детей». А.А. Путилов, «будучи убежден общим их выбором» в пользу де Маке, просил «о исходатайствовании ему позволения обучать юношество»¹⁸.

Бузулукская помещица Неплюева заявила, что наняла француза в качестве домашнего учителя для своих девочек, а остальные дети, приходящие к нему – ее родственники, которым она разрешила посещать занятия. Барщевскому ничего не стоило разоблачить эти нехитрые уловки, поскольку у Неплюевой в Самаре не было никакой недвижимости, а потому француз

никак не мог служить в ее доме, а, наоборот, держал ее дочек в своем¹⁹.

Де Маке считал себя очень обязанным Неплюевой. Даже дав расписку об отказе от проведения занятий, пока не получено будет окончательное разрешение, он сделал в ней приписку, что «девицы Неплюевы останутся у меня до решения – заниматься рукоделием»²⁰. Конечно, это была неправда, не за тем Неплюева отпустила дочек в другой город на попечение чужим людям, чтобы брать уроки шитья или вязания. Однако интересно то, что Барщевский, который остро реагировал на каждую неправду со стороны де Маке или даже при подозрении на такую неправду, не стал жаловаться, что барышни Неплюевы остались жить и учиться в доме у де Маке после получения тем запрещения занятий в пансионе. Авторитет семьи потомков последнего руководителя Оренбургской комиссии и первого оренбургского губернатора И.И. Неплюева в заволжском крае был очень высок, а потому штатному смотрителю не с руки было затевать с ними ссору.

Самара находилась до 1851 г. в составе Симбирской губернии. Однако у местного дворянства и чиновничества были самые тесные (семейные, служебные и деловые) связи с представителями тех же социальных слоев Оренбургской губернии, особенно проживавших в ближайших к Самаре уездах: Бузулукском и Бугурусланском. Именно там проходила учительская деятельность де Маке до его переезда в Самару и завязывались его отношения с влиятельными степными землевладельцами, включая Неплюеву. Когда в 1822 г. попечитель Казанского учебного округа М.Л. Магницкий потребовал проверить документы на право ведения занятий у домашних учителей – иностранцев, то основатель и надзиратель Бугурусланского приходского училища священник Иоанн Милордов при обходе домов помещиков своего уезда, чьи дети брали уроки у частных преподавателей, встретился с де Маке. Тот жил в качестве учителя в доме подпоручика Нагаткина и предъявил известный нам аттестат от Московской губернской гимназии. Этот документ избавил француза от неприятностей, которые претерпели другие учителя, не имевшие соответствующих документов и выявленные Милордовым. Последний, правда, обнаружил в аттестате кляксу на том месте, где должно было быть написано, что де Маке может обучать «одному чтению и письму», но начальство на эту деталь внимания обращать не стало²¹.

Тем временем Совет Казанского университета 3 октября принял решение «дать знать чрез Училищный Комитет штатному смотрителю Самарского уездного Училища, чтобы он запрещал де Маке собирать в дом свой детей», поскольку тот «имеет свидетельство от Московской Губернской гимназии на право обучать только начальным правилам французского языка»²². Это не дает ему оснований преподавать другие предметы школьного курса.

В то самое время, когда Барщевский вроде бы уверился в поддержке его позиции университетским начальством, он получил письмо Николая Ивановича Лобачевского (1793-1856). Великий математик, являвшийся тогда ректором Казанского университета, лично попросил самарского штатного смотрителя оказать де Маке «доброе расположение»²³.

Барщевский в ответном письме Лобачевскому еще раз изложил свою по-

зицию по данному вопросу. Не без обиды, хотя не изменяя тону обращения лица подчиненного к вышестоящему начальству, штатный смотритель пообещал, что раз француз по приезде в Казань был удостоен «благодарным» приемом со стороны ректора²⁴, то и он, Барщевский, больше ничего не будет иметь «супротив г. де Маке после письма Вашего. Пускай себе набирает и обучает, кого хочет»²⁵.

За последнюю фразу он вскоре получил выговор от имени Лобачевского: «Разве подозревает г. Ректора в незаконном или пристрастном покровительстве иностранцу де Маке, тогда, как господин Ректор, по долгу начальника, советовал ему оказывать де Маке доброе расположение и без личностей действовать так, как повелевают законы и Устав учебных заведений?»²⁶ Барщевскому было дано указание, «чтобы он впредь не обременял начальство свое пустыми частными переписками»²⁷.

Однако штатный смотритель, пусть и не в самой для себя приятной форме, добился главного. Лобачевский вынужден был дезавуировать собственную рекомендацию поддержать педагогическую практику де Маке и заявить, что эта просьба означала лишь предложение «не препятствовать ему обучать детей на домах» французскому языку. Ректор официально присоединился к мнению Совета и Училищного комитета университета о запрете де Маке «сбирать в дом свой детей для обучения, не испросив прежде от сего Комитета дозволения на заведение пансиона, также обучать предметам, на кои не дано ему права»²⁸.

К началу 1828 г. ситуация в отношениях Барщевского и де Маке изменилась. Компромисс состоял в следующем. Француз признал, что штатный смотритель чинил ему препятствия «на основании существующих законов»²⁹. Со своей стороны Барщевский поддержал желание того «поступить в государственную службу по Министерству народного просвещения в Самарское уездное училище учителем французского языка». Преподавание данного предмета в училище Самары было «дозволено г. Министром народного просвещения в 1825 году», но «без жалованья от казны» и «с добровольною платою от родителей, желающих обучать детей своих сему языку». Тогда начать настоящее обучение французскому языку не удалось из-за смерти учителя Мартинета³⁰.

После неперемных в российской бюрократической традиции многомесячных согласований 12 января 1829 г. было получено разрешение Министерства народного просвещения, «чтобы вступивший в подданство России иностранец де Маке, согласно желанию Самарского благородного общества, определен был учителем французского языка в Самарское уездное училище»³¹. Теперь он становился служащим училищного ведомства и получал те же возможности, что и другие учителя государственных школ, включая право содержать пансионеров у себя в доме или на квартире. Взамен педагоги уездного училища стали вести занятия для учеников де Маке по тем предметам, по которым он не имел права заниматься с детьми сам. Соглашение, к которому в итоге пришли Барщевский и де Маке, а в их лице ведомство народного просвещения и местное общество, оказалось

выгодно всем:

1) Де Маке теперь беспрепятственно давал уроки не в индивидуальных занятиях, а в классах. Это увеличило доходы, которые приросли еще и потому, что родители платили ему и жене за содержание детей, говоря современным языком, «в группе продленного дня» и за дополнительную «воспитательную» и «внеклассную» работу с ними.

2) Педагоги казенной школы теперь имели дополнительный заработок. Как указывал учитель А.И. Иванов, сверх основной службы в уездном училище он работал по договору у де Маке «для обучения детей, дабы тем приобрести пособие к более приличному содержанию себя и матери»³².

3) Ученики уездного училища при желании получали подготовку по французскому языку. Особенно это было выгодно тем из родителей, кто не мог оплатить услуги домашних учителей иностранного языка или отправить учиться ребенка в другой город. Исправляющий должность предводителя самарского дворянства уездный судья Племянников писал, что местные чиновники и помещики, имеющие детей, охотно приняли те условия, которые предложил по поводу своей оплаты де Маке, который, «есть ли не всегда, то, конечно, не на короткое уже время останется постоянным жителем города Самары и будет заниматься обучением детей их, кои, до приезда его в город, по небогатому состоянию своему, не имели к тому никаких учеб»³³.

4) Увеличилось число желающих поступить в уездное училище, где теперь можно было получить знание престижного языка. Это было на пользу делу народного просвещения в целом и в интересах штатного смотрителя этого училища Барщевского в частности.

5) Собственные пансионеры де Маке, не посещавшие публичную школу, тем не менее, получили возможность наряду со знаниями французского языка получить подготовку в объеме уездного училища, которая давала возможность мальчикам продолжить обучение в гимназии. Хотя отец молодого Второва сам принимал некоторое участие в организации Самарского уездного училища и находился в дружеских отношениях с его почетным смотрителем А.А. Путиловым, который, бывало, по три дня подряд приезжал в дом Второвых отобедать³⁴, вопрос об обучении сына в общеобразовательной школе даже не поднимал. Для целой группы состоятельных чиновников и «соседственных помещиков», несмотря на открытие уездного училища, которое многие называли «народным», в Самаре по-прежнему «не было никакого учебного заведения», соответствующего их статусу³⁵. Вот об этой группе учеников-мальчиков, которых родители не хотели отдавать в уездное училище, и учениц-девочек, которых по школьному Уставу 1828 года было вообще запрещено принимать в такие училища³⁶, и шла речь в личном дневнике и воспоминаниях Н.И. Второва.

Несмотря на то, что Николая Второва отдали в учение «Ивану Яковлевичу де Маке» (так в русском обиходе называли преподавателя) в девятилетнем возрасте, и он руководствовался детскими воспоминаниями, мемуарист совершенно правильно характеризует это учебное заведение как «не-

что в роде пансиона для мальчиков и девиц»³⁷. В его детском дневнике слово «пансион» нам не встретилось. Действительно свое учебное заведение де Маке, как уже было показано, не смог оформить как настоящий пансион, оно не указывалось в отчетности министерства народного просвещения и Казанского учебного округа о числе казенных училищ и частных школ.

Во время конфронтации с де Маке Барщевский попрекал француза еще тем, что мальчики и девочки у него занимаются вместе³⁸. Этот упрек частично снимался школьным Уставом 1828 года, который позволял совместное обучение детей обоего пола, правда, лишь в тех пансионах, которые устраивались «только для преподавания учения», где воспитанники не жили и не содержались постоянно, а расходились после занятий по домам³⁹. В заведении де Маке же было несколько настоящих пансионеров, поселившихся у него в доме. Однако даже Барщевский во время ссоры признавал, что приходящих учеников было больше, чем живущих у учителя. Кроме того, в воспоминаниях Н.И. Второва и в других документах упоминаются в числе постоянно проживавших у де Маке воспитанников только девочки.

В пансионы с совместным обучением детей обоего пола по школьному Уставу запрещалось принимать девочек старше 11 лет. Это мало затрудняло работу пансиона де Маке, рассчитанного на получение начального образования, следовательно, и на детей исключительно младшего возраста.

«Поступление к де Маке составляет почти эпоху в моем детстве», – писал Н.И. Второв. В этом заведении он «пробыл около двух с половиною лет», а именно с начала 1828 до конца июня 1730 гг. По его воспоминаниям, здесь училось около 10 мальчиков и столько же девочек. Несколько одноклассниц он упомянул по фамилиям, перечислив в частности двух дочерей самого де Маке и трех сестер Неплюевых⁴⁰.

Количество девиц Неплюевых во многом объясняет то старание, какое их мать прилагала для сохранения этого пансиона. Что же касается самого де Маке, то у него самого была большая семья. Он с женой воспитывали двух сыновей и шестерых дочерей⁴¹.

Н.И. Второв подтверждает привлечение на работу в пансион учителей уездного училища: «Андрей Иванов[ич] Иванов и Василий Онуфр[иевич] Барщевский, учили нас Закону Божию, русской грамматике, арифметике, географии и истории». При этом Н.И. Второв считал, что «преподавание в пансионе было не совсем искусно: заставляли нас больше учить наизусть и мало заинтересовывали преподаваемыми предметами». Жена де Маке, которую мальчик называл Настасьей Ивановной, «обучала рисованию, а иногда заступала место мужа в преподавании французского языка, но более занималась повторением пройденных уроков». Все же главным предметом оставался французский язык, который преподавал сам де Маке и на котором ребенок «стал говорить довольно свободно». Н.И. Второв писал, оценивая методы стимулирования детей к изучению языка: «Французский язык шел особенно успешно потому, что за нами строго наблюдали, чтобы мы говорили не иначе, как по-французски. За каждое русское слово, которое

вырывалось нечаянно у кого-нибудь, давался, так называемый сигном, деревянный кружок, лишавший права обеда того, кто с ним сядет за стол. Учреждение это имело двойную пользу: одну для нас, потому что побуждало нас говорить по-французски, другую для содержателя пансиона, потому что сохраняло в экономии одну порцию от обеда»⁴².

«Экономия» обеденных порций случалась не только за счет носителя сигнома. Так, Н.И. Второв остался 30 апреля 1829 г. «без обеда за то, что вчера не знал урока». В тот же день он понес еще одно наказание, применявшееся в пансионе: «Нынче поутру урок знал нетвердо и был за то на коленях». Впрочем, учебный день был достаточно долог и продолжался в послеобеденное время, того же числа во второй половине дня мальчик «учился хорошо, спряжения делал, писал под диктатуру анализ»⁴³.

Дурной стороной применявшихся в пансионе наказаний Н.И. Второв считал то, что те побуждали детей идти на уловки, дабы этих наказаний избежать: «Само собою разумеется, что никому не хотелось оставаться без обеда, поэтому, когда приближалось к нему время, всякий старался сбыть с своих рук сигном и для того прибегал к разным хитростям, иногда довольно гадким, например, отправлялся подслушивать, не говорит ли кто из товарищей по-русски. Первая хитрость удавалась особенно с девицами. Они в свободное от классов время обыкновенно уходили в особый флигель, где жил сам де Маке с семейством, и там, в своей комнате, когда не было над ними надзора, по большей части беседовали по-русски. Бедный владелец сигнома, потеряв всякую надежду сбыть его между товарищами, отправляется подслушивать под окошко комнаты, занимаемой девицами, и – о радость! – он слышит, что говорят по-русски, опрометью вбегает к ним в комнату и посреди суматохи и визгу, которые возбуждает его появление, бросает сигном в руки к первой попавшейся навстречу и исчезает. Сбывать сигном девицам было всего выгоднее, потому что он после того пропадал обыкновенно на несколько времени: девиц за это не лишали обеда, а они никак не могли сбыть его мальчикам. Уже сам де Маке потом пускал сигном в обращение между мальчиками». Мальчик побойчее и посильнее мог вынудить «промолвиться по-русски» того, кто был не столь расторопен: «При этом первый вышибет у последнего что-нибудь из рук или уколёт булавкой; и если даже последний иногда и ничего не промолвит по-русски, а только вскрикнет от боли «ой!», «ай!», то сигном непременно переходит к нему, с замечанием, что он должен был вскричать по-французски «ah!», а не «ой!»⁴⁴

На самого Н.И. Второва больше воздействовали моральные поощрения или наказания, особенно с учетом реакции на них отца (матери уже не было в живых). Для него особую важность имели записи и оценки в «журнале» – ученическом дневнике. Он радовался похвале и его расстраивали замечания: «После обеда учился по-русски не очень хорошо, и мне это еще тем горестнее, что папинеке покажу неисправный журнал»⁴⁵.

«Журналы» Н.И. Второва представляли собою тетради, листы которых были разлинованы в три столбца («Месяц и число», «Каково учился и чему»,

«Поведение») или в четыре («Месяц, число», «Чему учился», «Худо или хорошо», «Задачи для вытверживания слов»). Оценки не выставлялись в числовой или иной унифицированной форме, не были устойчивы их критерии. В качестве примеров можно привести записи учителей: «из арифметики делал и отвечал хорошо и урок из грамматики знал», «грамматику забыл принести с собою, занимался из оной довольно хорошо, из арифметики еще лучше, писал неаккуратно и без старания», «из грамматики хорошо, из арифметики не решил задачи, в чистописании был не исправен», «из Катихизиса урок знал, из арифметики отвечал мало, говоря: Я этого не учил», «выучил урок, читал, писал по-русски и по-французски и делал арифметику» и т.п. Оценки за поведение были, как правило, краткими: «тихо», «пристойно», «мирно», «нескромно», «смеялся», «шалил», «дурачился»⁴⁶.

Несмотря на отдельные проявления строгости, нравы в пансионе и отношения учеников с учителями, особенно с де Маке, были довольно патриархальные. Так, 9 июня 1830 г. учеба продлилась недолго, так как у де Маке «случился ревматизм во всем теле», а потому пришлось тереть «ему места, где был ревматизм, щеткой и рукой» Н.И. Второву вдвоем с Н.В. Племянниковым, хотя между этими мальчиками, видимо, случилась какая-то размолвка. Незадолго до этого случая Н.И. Второв записал, что поехал (его всегда отвозил в пансион и привозил домой кучер из дворовых людей) учиться в пансион «с радостью», однако увидев, «что там Николенька Племянников», он «перестал радоваться, ибо без него гораздо было лучше». Учитель поправился не сразу. В дневниковой записи от 11 июня говорится: «Ноньче я хорошо учился, хотя это учение мало похоже на учение, ибо я провел весь день у постели больного учителя, обмахивая его полотенцем от мух, стирая пот с лица, учил урок, а после обеда урок к русскому классу не твердо сказал по причине малого досуга, хотя прилежно учился»⁴⁷.

Тем временем приближался последний экзамен в пансионе для Н.И. Второва и некоторых его соучеников, который состоялся в субботу 28 июня 1830 г. Накануне экзамена, закончив свои занятия, он, судя по всему, помирился со своим приятелем Племянниковым: «Вечером качался на доске с Николенькой, думая о завтрашнем дне и ожидая свою лошадь. Когда она приехала, я поехал домой»⁴⁸.

Обучение Н.И. Второв закончил с похвалой, что было официально засвидетельствовано: «Мне подписали в журнале, что я очень хорошо учился. Я очень рад, что могу по возвращении папильки с Серных вод показать хороший аттестат»⁴⁹. С сентября мальчик, которому исполнилось 11 лет, уже учился в Казанской гимназии.

Есть сведения, что и другие воспитанники де Маке поступили в гимназии как Казани, так и других городов, в частности Симбирска и Петербурга. Выбор того или иного города для продолжения учебы зависел от материального положения родителей, наличия родственных, дружеских и иных связей.

Отъезд Н.И. Второва из Самары лишил нас возможности проследить дальнейшую судьбу пансиона де Маке. Это учебное заведение, естественно, исчезает со страниц его дневника, а делопроизводственные или иные документы, упоминающие о существовании пансиона после 1830 года, не

найжены или не существуют. Возможно, что в прекращении его деятельности свою роль сыграла катастрофическая для Самары первая холерная эпидемия, разразившаяся в тот год, но это пока остается только догадкой.

В любом случае рассмотренный здесь эпизод из истории народного образования в нашем крае подтверждает общее правило, что частные школы в уездной Самаре до придания городу губернского статуса в 1851 г. работали не очень успешно. Они так и не стали постоянно действующими или долговременными учебными заведениями. Такие пансионы, которые «действовали недолго (год-два или три) и закрывались по личным обстоятельствам их основателей», были обычным явлением в Казанском и других учебных округах⁵⁰. Отсюда проистекает скорое и практически полное забвение их существования, проявившееся в работах П.В. Алабина и других краеведов.

Следует признать, что первые попытки удовлетворить в частных учебных заведениях потребности в образовании сыновей и дочерей дворян, чиновников, состоятельных горожан уездной Самары и вправду были не совсем удачными. Однако это вовсе не означает, что такие заведения не сыграли никакой роли в развитии просвещения в нашем городе и что нельзя разыскать имен, биографических данных и иных сведений о людях, их заводивших, в них работавших, в их стенах учившихся. Изучение истории открытия и деятельности пансиона господина де Маке являет пример тому, что поиск материалов о подобных ему учреждениях, существовавших в Самаре в первой половине XIX века, может быть плодотворным и интересным по своим результатам.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Алабин П.В. Самара: 1586-1886 гг. Самара, 1992. С.59.

² Артамонова Л.М. К 175-летию народного образования в Самаре // Самарский земский сборник. 2000. № 1; Ее же. Самарское уездное училище и отношение к нему местного общества в начале царствования Николая I // Самарский земский сборник. 2002. № 1.

³ Алабин П.В. Самара: 1586-1886 гг. С.60.

⁴ Алабин П.В. Самара: 1586-1886 гг. С.99.

⁵ Русский архив. 1877. № 6. С.136-142.

⁶ НАРТ. Ф. 977. Оп. УК. Д.1037. Л.1.

⁷ НАРТ. Ф. 977. Оп. УК. Д.1037. Л.1об.

⁸ НАРТ. Ф. 977. Оп. УК. Д.1037. Л.2.

⁹ НАРТ. Ф. 977. Оп. УК. Д.1037. Л.2об.

¹⁰ НАРТ. Ф. 977. Оп. УК. Д.1037. Л.3.

¹¹ НАРТ. Ф. 977. Оп. УК. Д.1037. Л.3об.

¹² НАРТ. Ф. 977. Оп. УК. Д.1037. Л.5.

¹³ НАРТ. Ф. 977. Оп. УК. Д.1037. Л.5об.

¹⁴ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д.2525. Л.1.

¹⁵ НАРТ. Ф. 977. Оп. УК. Д.1037. Л.7.

¹⁶ НАРТ. Ф. 977. Оп. УК. Д.1037. Л.4.

¹⁷ НАРТ. Ф. 977. Оп. УК. Д.1037. Л.8.

- ¹⁸ НАРТ. Ф. 977. Оп. УК. Д.1037. Л.18.
- ¹⁹ НАРТ. Ф. 977. Оп. УК. Д.1037. Л.15.
- ²⁰ НАРТ. Ф. 977. Оп. УК. Д.1037. Л.6.
- ²¹ Фролова С.А. Сфера негосударственного образования в Казанском учебном округе и попечитель М.Л. Магницкий // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2006. № 1 (41). С.64-66.
- ²² НАРТ. Ф. 977. Оп. УК. Д.1037. Л.13.
- ²³ НАРТ. Ф. 977. Оп. УК. Д.1037. Л.13об.
- ²⁴ НАРТ. Ф. 977. Оп. УК. Д.1037. Л.14об.
- ²⁵ НАРТ. Ф. 977. Оп. УК. Д.1037. Л.15об.
- ²⁶ НАРТ. Ф. 977. Оп. УК. Д.1037. Л.16об.-17.
- ²⁷ НАРТ. Ф. 977. Оп. УК. Д.1037. Л.17.
- ²⁸ НАРТ. Ф. 977. Оп. УК. Д.1037. Л.16.
- ²⁹ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д.2525. Л.2.
- ³⁰ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д.2525. Л.2об., 10об.
- ³¹ НАРТ. Ф. 977. Оп. Правление. Д.2340. Л.1-3.
- ³² НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д.3234а. Л.11об.
- ³³ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д.2525. Л.10об.
- ³⁴ ОР РНБ. Ф. 163. Оп. 1. Д. 81. Л.49 и об.
- ³⁵ Самарское Поволжье с древности до конца XIX века: сб. документов и материалов. Самара, 2000. С.305.
- ³⁶ ПСЗ. Собр. 2-е. Т.3. № 2501. С.1104.
- ³⁷ Самарское Поволжье. С.307.
- ³⁸ НАРТ. Ф. 977. Оп. УК. Д.1037. Л.15.
- ³⁹ ПСЗ. Собр. 2-е. Т.3. № 2501. С.1125.
- ⁴⁰ Самарское Поволжье. С.307.
- ⁴¹ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д.2525. Л.2.
- ⁴² Самарское Поволжье. С.307.
- ⁴³ ОР РНБ. Ф. 163. Оп. 1. Д. 81. Л.37.
- ⁴⁴ Самарское Поволжье. С.308.
- ⁴⁵ ОР РНБ. Ф. 163. Оп. 1. Д. 81. Л.48.
- ⁴⁶ ОР РНБ. Ф. 163. Оп. 1. Д. 36. Л.1-3, 4об., 6, 15, 29об.
- ⁴⁷ ОР РНБ. Ф. 163. Оп. 1. Д. 81. Л.47-48.
- ⁴⁸ ОР РНБ. Ф. 163. Оп. 1. Д. 81. Л.48об.
- ⁴⁹ ОР РНБ. Ф. 163. Оп. 1. Д. 81. Л.47об.
- ⁵⁰ Фролова С.А. Сфера негосударственного образования в Казанском учебном округе. С.67.

**СОЦИАЛЬНОЕ ДИСЦИПЛИНИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВОМ:
САМАРСКОЕ МЕЩАНСТВО ПОД ГЛАСНЫМ НАДЗОРОМ ПОЛИЦИИ**

остановка проблемы, сформулированная в названии статьи, стала возможной, исходя из спорного положения о необходимости рефлексии собственной душевной жизни историка в качестве исходного момента воспроизведения «чужой одушевлённости».¹ Л.П.Карсавин пишет: «Он (историк – Прим.авт.) «вычитывает» из текста всегда более того, на что текст его уполномочивает».² При работе с источниками по истории мещанского сословия г.Самары мною было вынесено ощущение «дисциплинирования пространством» города в дореволюционный период, наложенное на собственное переживание самарского хронотопа.

Актуализация темы о дисциплинарном воздействии пространства на человека связана с работой в 3 фонде канцелярии Самарского губернатора в ГУСО ЦГАСО. Фонд 3 состоит из 234 описей и 12178 дел. Тот массив дел, который использовался мною, на общем фоне объёма фонда выглядит весьма фрагментарно. Это в основном дела о мещанах, состоящих под гласным надзором полиции, содержащиеся в 3-ем столе фонда, ведавшим делопроизводством политического характера.³ Хронологические рамки охватывают период с 1897 по 1904 гг., потому что в позднейшее время интенсивность событий и выразительность акторов меняется под воздействием общей политической ситуации в стране. Кроме того, не привлекались данные фондов жандармского, охранного управлений. Тем не менее, при текущей работе с материалами фонда в контексте более широкой темы изучения мещанского сословия в пореформенной Самаре, чётко стала вырисовываться картина применения одной их техник «дисциплинарной власти», которые М.Фуко называет перемещением индивидов в места «дисциплинарной монотонности», некие замкнутые пространства, в которых действуют свои законы и правила.⁴ И хотя у Фуко речь идёт о более локальных пространствах, нежели пространство города (рабочих домах, колледжах, мануфактурах и т.д.), тем не менее, состояния индивидов («необходимое одиночество и тела и души» М.Фуко)⁵, заключённых в такие «дисциплинарные пространства» и их тексты поведения («рациональное и полезное использование»), к которым я бы добавила ещё и практики выживания в чужом мире, позволяют их отождествлять. «Чужой самарский мир» начал выполнять функции «нормализующей санкции», которую Фуко относит к власти, но в самарской действительности выполняло городское общество: суть её заключалась в том, что караются не только нарушения законов, но и отклонение от нормы. Такой тип географического простран-

---

* © Кобозева З.М. – кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории Самарского государственного университета, 2011

ства по классификации Д.Н.Замятина можно отнести к нединамичным, статичным, равновесным пространствам.⁶ Это пространства хорошо освоенные, обладающие стабильными образами, содержательно колеблющимися вокруг точки образного равновесия. Интенсивность их освоения определяет их анизотропность: в таких пространствах можно двигаться только по определённым направлениям, а любое событие поддаётся быстрому опространствлению.⁷ Данная схема, однако, в определённой степени нарушается интенсивностью предпринимательской активности самарского купечества в границах так называемого «фронта». Но при внешней освоенности географического пространства, на уровне пространства провинциальной идентичности – хронотоп горожан оставался в рамках «ремесленно-трудовой семейной идиллии» (как её характеризовал М.М.Бахтин, «другая особенность идиллии — строгая ограниченность ее только основными немногочисленными реальностями жизни. Любовь, рождение, смерть, брак, труд, еда и питье, возрасты — вот эти основные реальности идиллической жизни. Они сближены между собой в тесном мирке идиллии, между ними нет резких контрастов, и они равнодостоинны (во всяком случае, стремятся к этому)».⁸

Концепт «социального дисциплинирования пространством» (концепт социального дисциплинирования, разработанный Герхардом Острайхом) представляет собой тот извод «этатистского» подхода к истории, который принимают в расчёт исследования на микроуровне, даже если они с успехом могут ему оппонировать.⁹ Хотя следует отметить, в условиях «антропологического поворота», данный концепт подвергается критике как «метоповествование» и постструктуралистские попытки описать «язык власти» как инструмент подавления индивида. Мне видится вполне органичным сочетание в исследовательской практике идеи «дисциплинарной власти» М.Фуко и тезиса П.Бурдьё о том, что агенты обладают активным восприятием мира и конструируют собственное мировоззрение под опосредованным давлением социальной структуры.¹⁰ И то, и другое, на наш взгляд, как раз и вмещается в концепт «дисциплинирующего пространства», формируемого его географическим месторасположением, социально-политической историей, культурным фоном и взаимодействием акторов на уровне повседневной жизни. (Хотя, заметим, П.Бурдьё говорит о несовпадении социального и географического пространств).¹¹

Самарская провинциальная культура губернского периода (1851-1917 гг.) имела значительное количество признаков мещанской картины мира: безличность, интравертность, ориентацию на материальное производство, традиционные поведенческие практики и узкий семейный круг, пространство, организованное домом. С Самарой связан образ дома, оказывающего «мощное интегрирующее воздействие на человеческий опыт и шкалу человеческих ценностей, некая «топография... внутреннего бытия»¹² В своей книге «Поэтика пространства» феноменолог Г.Башляр говорит о ценностях «обитаемого пространства» или «укрытия», о доме как о «не – я», которое защищает «я».¹³ Самарское «укрытие», «обитаемое мещанами простран-

ство» определялось двумя важными обстоятельствами: отсутствием университетского центра и значительной фабричной промышленности. «Самарскому дому» противостоял так называемый «погреб бессознательного» с его «мрачными тайниками» и «психологический символизм подпольного человека Достоевского»¹⁴, внешний мир, который тоже был локализован в географическом пространстве Российской империи. Охранительная функция «дома» – Самары использовалась на рубеже XIX-XX вв. в качестве завуалированного механизма пенитенциарной системы, то есть как некое исправление пространством, или социальное дисциплинирование мещанским образом жизни. Инструментами наказания выступали не виселицы, эшафоты или позорные столбы, а мещанская пытка нищетой, сопутствовавшая смене места жительства, отсутствием работы и низким социальным статусом. К.Стюарт, применительно к периоду немецкой культуры раннего Нового времени, рассказывает о практике т.н. *Zuchtaus* (дословно «дом дисциплины»), в котором власти осуществляли почти полный контроль над заключёнными, подробно регламентируя их жизнь тем, чтобы насаждать нравственную и трудовую дисциплину. Целью в этих практиках объявлялось не возмездие, а ресоциализация¹⁵. Подобная контаминация двух символов «дома» придаёт Самаре ещё и положительную коннотацию: «мещанский дом» зачастую в силу своей индифферентности к «мировому злу» оказывал действительно исправляющее воздействие на индивидов-бунтарей из низших социальных слоёв.

Б.Успенский отмечал, что «пространство постигается эмпирически», «в процессе непосредственного чувственного восприятия».¹⁶ Солидаризируясь с этим высказыванием, приведём выдержку из «Адрес-Календаря Самарской губернии» за 1904 год под заголовком «Предсказания общие на 1904 год»: «Весна холодная и ветроносная, неблагоприятная земным плодам. Лето жаркое, но полезное для земных плодов. Осень сырая до половины, а потом довольно приятная. Зима протяжная с великими морозами. Хлеб в начале года дорог... и кто закупит хлеба и вина, тот обогатится, потому что и то и другое будет дорого».¹⁷ «Метафизическое телесно-духовное истолкование языка скрывает язык в его бытийно-историческом существе. Сообразно этому последнему язык есть о-существляемый бытием и пронизанный его складом дом бытия»¹⁸ Самарский «дом бытия», его коллективное сознание семантически соотносится с речевой формулой «неблагоприятная / благоприятная земным плодам». «Благоприятность» – это «картина мира» мещанина: ведение хозяйства, как особое искусство, культ семьи, культ частной жизни, благоразумие, умеренность, и, наконец, мещанская заповедь: всегда и всюду держаться середины.¹⁹

В такую среду направлялось российское мещанство, погрешившее против власти и устоев. Оказавшись в хронотопе «самарского острова», определявшегося, с одной стороны, «неспешностью» и «благоприятностью», с другой стороны, купеческим предпринимательским размахом и этикой франклинизма, изолированный от единомышленников и сочувствующих, виновный подавлялся самим пространством и был вынужден бороться с нищетой, искать работу, заботиться о своих домочадцах, и при всём при

этом ежедневно подвергаться медленной пытке «благоспешного» пространства. Все дела, связанные с ссылкой в Самару мещан под гласный надзор полиции, заканчиваются бесконечными прошениями о предоставлении возможности получить работу и жалобами на нищету. Большинство таких просьб удовлетворялось властью, и мещанская повседневность Самары поглощала бывших фрондёров. Таким образом достигался эффект исправления пространством.

О том, как «дисциплина производит подчинённые и упражняемые тела, «послушные» тела» через технику «монотонного» городского пространства, которое «увеличивает силы тела (с точки зрения экономической полезности) и уменьшает те же силы (с точки зрения политического послушания)»²⁰ говорят данные нижеприведённой таблицы.

Лица мещанского сословия, состоящие под гласным надзором полиции в Самаре и Самарской губернии с 1887 по 1904 гг.²¹

ФИО	Место высылки	Возраст	Семейное положение	Образование и профессия	Экономическое положение	Суть прошения	Официальный ответ
Сахаров Николай Алексеевич	г. Нижний Новгород	28 лет	Женат, две дочери	6 классов Нижегородского реального училища, писмоводитель	Собственных средств существования не имеет	Разрешить занятия канцелярскими работами в Земской и городской управе и в управлении Самаро-Златоустовской железной дороги	разрешено
Дмитрий Евсеевич Фомин	г. Казань	47 лет	Женат, две дочери	Малограмотный, слесарь, машинист	Собственных средств существования не имеет	Сбежал до окончания срока в Казань	-
Василий Васильевич Солдатов	г. Арзамас	22 года	Холост, позднее в Самаре женился	Казанское земледельческое училище	Собственных средств существования не имеет	1. Разрешить занять должность помощника губернского агронома 2. Разрешить занять должность заведующего конторой имения А.Н.Шалашникова в с. Исаклы	1. Не разрешили 2. разрешили
Николай Семёнович Кондратьев	г. Иваново-Вознесенск	25 лет	Холост	Ярославская фельдшерская школа, фельдшер на фабрике	Собственных средств существования не имеет	Разрешить канцелярские работы по вольному найму в казённых и общественных учреждениях без права разъездов (в результате	Не разрешили

						выяснилось, что хотел поступить в статистическое бюро Самарской земской управы)	
Павел Александрович Зиссер	Посад Колпин	-	Женат, трое детей	-	Собственных средств существования не имеет (в деле отмечено: кроме носильного платья)	Разрешить работать в Управлении Самаро-Златоустовской ж/д (в деле находится полное отчаяния письмо, повествующее о попытках найти работу в Самаре)	?
Александр Алексеевич Зябкин	Г. Уральск	27 лет	холост	3 класса Уральской гимназии, Казанское юнкерское училище	Отец: имеет в г.Уральске двухэтажный дом, мануфактурную лавку, два хутора в Самарской губернии в 2400 дес. земли и заводом; сам обвиняемый – собственных средств не имеет, знает слесарное мастерство. В деле его называют «холостой бездомный пролетарий» – на момент разлуки с отцом	Разрешить переехать из г.Николаевска Самарской губернии (место ссылки) в Уральск к родителям	Разрешили

Таким образом, дисциплинарный ненавязчивый контроль через призму комплексно организованного пространства («организуя «кегли», «места» и «ранги», дисциплина создаёт комплексные пространства: одновременно архитектурные, функциональные и иерархические»),²² выработывал общий **жест** в виде уничижительной формулы обращения к власти с просьбой разрешить устройство на работу, которая обеспечила бы возможность существования в пространстве данного города, « «обсерватории» человеческих множеств».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Вып. I-II. Спб., 1910-1913. С.409; Лапшин И.И. Философия изобретения и изобретение в философии: Введение в историю философии. М., 1999, С. С.168; Румянцева М.Ф. «Чужое я» в художественной литературе и в исторической науке// История через личность. Историческая биография сегодня. М., 2010. С. 30.

² Карсавин Л.П. Философия истории. Спб., 1993. С.84.

³ ГУСО ЦГАСО. Ф.3. Оп. 233. Д. 1558, 1563, 1584, 1593, 1597, 1604, 1620, 1633, 1696, 1765. 1906, 1909.

⁴ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999. С. 206.

⁵ Там же. С. 209.

⁶ Замятин Д.Н. Культура и пространство. Моделирование географических образов. М., 2006. С. 100.

⁷ Там же.

⁸ Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // <http://philologos.narod.ru/bakhtin/hronotop/hronotop9.html>

⁹ Социальное дисциплинирование: концепты исследований раннего Нового времени / <http://www.dhi-moskau.org/stranicy/issledovanie/projekt2.html>

¹⁰ Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть// Социология социального пространства. М.-СПб., 2005; Лавринович М. Социальный капитал vs социальное дисциплинирование: Шереметевский Странноприимный дом и его обитатели в 1810-1811 гг. // http://www.perspectivia.net/content/publikationen/vortraege-moskau/Lavrinovic_Seremetev-Armenhaus.

¹¹ Там же.

¹² Йоост ванн Баак. Дом и мир // Антропология культуры. Вып.3. М., 2005. С. 55-56.

¹³ Цит. по: Дом и мир. С.57.

¹⁴ Там же. С. 56.

¹⁵ Стюарт К. Позорная шуба, или непреднамеренные эффекты социального дисциплинирования // История и антропология: междисциплинарные исследования на рубеже XX-XXI веков. Спб., 2006. С.257.

¹⁶ Успенский Б.Д. История и семиотика // Этюды о русской истории. Спб., 2002. С.41.

¹⁷ Адрес-календарь Самарской губернии на 1904 г. Самара. 1904. С.7

¹⁸ Айрапетян В. Толкуя слово. Из дополнений 2002-2004 // Антропология культуры. С.22

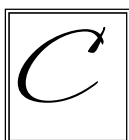
¹⁹ Альберти Л. О семье. – В Кн.: Опыт тысячелетия: средние века и эпоха Возрождения: быт, нравы, идеалы. М., 1996. С.399

²⁰ Фуко М. Надзирать и наказывать. С. 201.

²¹ ГУСО ЦГАСО. Ф.3. Оп. 233. Д. 1558, 1563, 1584, 1593, 1597, 1604, 1620, 1633, 1696, 1765. 1906, 1909.

²² Фуко М. Надзирать и наказывать. С. 216.

**ЗЕМСКИЕ СТАТИСТИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ
(80-Е ГОДЫ XIX ВЕКА)**

Самарская губерния стала одной из первых поволжских губерний, в которой было образовано земское статистическое учреждение. В его создании принял участие видный земский статистик, руководитель московской земской статистики В.И. Орлов. Именно к нему в январе 1882 года с просьбой организовать и возглавить статистический отдел (бюро) при губернской земской управе обратился её председатель П.С. Крылов. В.И. Орлов, отказавшись от руководства, согласился помочь в создании отдела. 7 сентября 1882 года¹ он представил программу статистических исследований в губернии и, вместе с двумя своими помощниками И.М. Краснопёровым и Э.К. фон Паприцем, участвовал в проведении подворной переписи крестьянских хозяйств Старобуянской волости Самарского уезда. Несомненно, начиная статистическое обследование губернии, земство преследовало, прежде всего, практические цели. По мнению членов губернской земской управы «предпринятые статистические работы, дадут для земства полезные результаты не только в смысле ознакомления с общими условиями жизни и хозяйства населения. Но и чисто в практическом отношении»². Например, «сведения о продажных и арендных ценах на землю, бесспорно, могут служить материалом для выработки надлежащих оснований правильного и равномерного распределения земского налога на земли; сведения о скотоводстве послужат надёжным руководством при решении разных вопросов по страхованию скота; сведения о землевладении и земледелии дадут полное представление о состоянии, размерах и условиях сельского хозяйства и сельскохозяйственной производительности и тем уяснят продовольственный вопрос, имеющий такое важное значение в Самарской губернии; выводы о кредите сельского населения послужат точкою отправления при выработке мер, необходимых для правительственной организации народного кредита и укажут на степень потребности в нём населения. <... >. Все сведения по этим предметам, тщательно собираемые статистиками, послужат надёжным руководством к правильному и успешному ведению земского хозяйства»³.

«Продовольственный вопрос» был одним из наиболее важных вопросов хозяйственной деятельности земства. Земству было необходимо иметь полные и достоверные данные о социально-экономическом положении крестьянских хозяйств губернии, чтобы своевременно оказать помощь, в случае неурожая, наиболее пострадавшим крестьянским хозяйствам. Неурожай 1879-1880 годов показал настоятельную необходимость скорейшего решения «продовольственного вопроса». Не будет значительным преуве-

---

* © Левин С.В. – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Балашовского института Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, 2011

личением заявить, что именно неурожай 1879-1880 годов в Самарской губернии стал поводом к учреждению статистического отдела при губернской земской управе.

Статистическое обследование губернии было решено проводить экспедиционным способом по карточной системе, методом подворной переписи. Объектом изучения для самарских статистиков становился отдельно взятый крестьянский двор. Сведения о нём заносились на карточку, а после подсчёта статистического материала по волости, обрабатывались и подвергались группировке. Обширный цифровой материал сводился в таблицы. Перед проведением переписи статистики сделали «выборки из документов Волостных правлений, уездной земской управы, в губернском по крестьянским делам присутствия, в удельной конторе, в управлении государственных имуществ, в частных экономиях и церковных библиотеках»⁴. Предварительная работа являлась необходимым начальным этапом статистических работ. «Выборки, делаемые из разных документов, – писал И.М. Краснопёров, – имеют важное значение в том отношении, что благодаря им, получается возможность проверить сведения, собранные путём местных опросов и личных исследований, документальными данными, устраняющими всякое сомнение в верности фактов»⁵. Сознвая важность документов волостных правлений для статистических исследований, губернская земская управа уже 22 сентября обратилась во все волостные правления Самарского уезда с просьбой предоставить в управу необходимые документы.

После анализа документов волостных правлений, уездной земской управы и других учреждений, в которых хранились документы, отражавшие социальное положение и различные стороны экономической деятельности крестьянских хозяйств, земские статистики уже на месте созывали крестьянский сход и проводили устный опрос, пользующихся уважением и доверием односельчан, «справных домохозяев».

Во время опроса на специальном бланке (карточке) «против каждого домохозяина отмечалось: число жилых строений и размер их, семейный состав, с показанием числа рабочих и нерабочих членов обоего пола, количество скота разных видов, количество надельной и купленной в собственность земли и способ её обработки, количество земли арендуемой и арендные цены, число и размер необрабатываемых полос, число наёмных рабочих, число грамотных и учащихся мужского и женского пола, пчеловодство, садоводство и огородничество, внеземледельческие промыслы всех рабочих членов семьи...»⁶. Следует отдать должное самарским статистикам; во время проведения устных опросов на сельских сходах, они проявили максимум такта, деликатности, терпения и хорошее знание крестьянской психологии. Любая перепись на селе, встречалась крестьянами настороженно, её неизменно связывали с увеличением налогового бремени, в силу чего, старались скрыть часть своих доходов или уменьшить площадь обрабатываемого надела. «Разъяснить на сходе крестьянам, что такое за штука эта «перепись» или «повирка», для чего она, что нет в ней никакой каверзы, вещь крайне трудная», – вспоминал земский статистик С.М. Блеклов⁷. Другой земский статистик и публицист А.В. Пешехонов, «вспоминая

свой личный опыт» проведения переписей крестьянских хозяйств, писал: «Земским статистикам приходится иметь дело не только с мёртвыми цифрами, но прежде всего с живыми людьми и при том в условиях крайне неблагоприятных: с одной стороны чрезвычайное напряжение их собственной нервной организации, подавляемой обилием впечатлений и труда, а с другой – наволнованное состояние психики того населения, с которым им приходится иметь дело. Известно, какое впечатление производят даже самые несложные переписи на массу [крестьян – Е.К.]; земская же статистика принуждена и решается затрагивать самые больные и интимные стороны её жизни»⁸. По его мнению только «внимательное и бережное отношение к интересам населения, неизменно корректное и деликатное обращение с отдельными лицами из его среды и умение примирить две правды – правду научного изыскания во имя широких общественных задач с житейской правдой будничных забот и тревог, – таковы качества, которыми должна характеризоваться работа статистика при местных исследованиях»⁹.

Актуальной оставалась, своего рода, памятка Центрального статистического комитета от 10 декабря 1873 года, которая содержала рекомендации проведения устного опроса крестьян на сельском сходе. «Обращение к опросу всего населения известной местности, – говорилось в памятке, – должно производиться весьма осторожно и притом с таким знанием дела, которое доступно только специалистам учреждения, выяснившим на опыте какого рода сведения могут быть собраны посредством переписи и какие вопросы, по их неисполнимости или несвоевременности, не должны быть предлагаемы населению, дабы не возбуждать в нём напрасных опасений, а иногда и превратных толкований»¹⁰. «Перепись вести было очень трудно, – вспоминал И.М. Краснопёров. – Крестьяне часто норовили показывать неправду. Надо было внимательно следить за тем, что говорят крестьяне, постоянно доказывать, почему не следует врать, а надо говорить правду»¹¹. Конечно, всё это требовало очень большого труда, колоссального напряжения сил. Тем не менее, несмотря на трудности, статистики работали быстро и слажено. К 1 ноября 1882 года были завершены переписи по 12 волостям Самарского уезда. Земские гласные высоко оценили результаты, проведённого статистического обследования. По их мнению, собранные данные «уже сами по себе, без дальнейшей обработки, эти сведения имеют большое значение для земства, так как, пользуясь ими, Управа или Собрание могут сделать во всякое время справку, необходимую, например, при решении вопроса о выдаче продовольственных ссуд, об устройстве школ, ссудо-сберегательных товариществ и прочее»¹². На состоявшемся 9 декабря 1882 года очередном губернском земском собрании было принято решение продолжить, в полном объёме, статистические работы в следующем 1883 году. На них земство ассигновало 5000 рублей.

В мае 1883 года статистики завершили обследование Самарского уезда. Материал был обработан и подготовлен к печати, но самарский губернатор А.Д. Свербеев разрешил отпечатать «только в том количестве экземпляров, сколько числится губернских земских гласных», то есть, всего лишь 70 экземпляров. Губернская земская управа, при содействии В.И. Орлова,

напечатала статистический сборник по Самарскому уезду в одной из частных московских типографий тиражом 300 экземпляров. Однако губернатор, раздосадованный тем, что сборник напечатали без его разрешения, обратился в Московский цензурный комитет с заявлением, что материал им «не прочитан». Комитет задержал выход сборника. В письме от 10 декабря 1883 года губернатор поучительно наставлял председателя губернской земской управы: «Впредь до получения от Московского Цензурного Комитета ответа на моё отношение приостановляться выпуском в свет отпечатанных экземпляров части сборника»¹³. Аналогичная ситуация произошла и со сборником статистических сведений по Ставропольскому уезду. Московский цензурный комитет задержал выход из типографии уже отпечатанного сборника, поскольку самарский губернатор заявил, что «на его просмотре отпечатанный сборник» не был. В течении трёх месяцев А.Д. Свербеев просматривал материал. Наконец, 18 января 1885 года самарская губернская земская управа отправила ему письмо с настоятельной просьбой «сообщить Московскому Цензурному Комитету о том, что с Вашей стороны нет препятствий к выпуску в свет статистического сборника по Ставропольскому уезду, находящемуся в Московской типографии Бестужевой»¹⁴. Трудности с рецензированием статистических сборников губернатором продолжались и в дальнейшем. Вот что писал по этому поводу руководитель самарского земского статистического бюро И.М. Краснопёров, по долгу своей службы довольно часто общавшийся с А.Д. Свербеевым: «Губернатор по-прежнему продолжал самодурствовать со сборниками. Следующие тома статистических сборников управа решила печатать в Самаре, в собственной земской типографии. Губернатор по-прежнему требовал, чтобы я лично приносил ему рукописи, ибо де только он «может разрешить недоумения, если встретятся в рукописи нецензурные места».

В июне 1885 года я принёс губернатору четыре первых главы текста сборника по Бугурусланскому уезду объёмом 3-4 печатных листа. Губернатор продержал рукопись около трёх месяцев и потом, когда я пришёл к нему за рукописью в конце сентября, объявил мне, что рукопись потерял. <...>. Через неделю после этого рукопись нашлась в доме губернатора где-то под комодом, или в комодке с бельём»¹⁵. Следует отметить, что статистические сборники рассылались земством в Центральный статистический комитет, статистический отдел при Министерстве государственных имуществ, а также в другие земские губернии, частным лицам.

Завершив изучение социально-экономического положения крестьянских хозяйств Самарского уезда, статистики в ноябре 1883 года приступили к обследованию Ставропольского уезда. Особое внимание, во время переписи крестьянских хозяйств, было обращено «на условия сдачи земель в аренду», а также, на такую малоизученную форму владения землёй, как четвертное землевладение.

В декабре 1883 года губернское земское собрание, рассматривая результаты деятельности статистического бюро, дало ей положительную оценку, отметив только два незначительных недостатка – отсутствие данных о круп-

ной промышленности губернии и ценах продажи «земельных имуществ», находившихся в частной собственности.

С каждым новым уездом расширялась и программа статистических исследований. Если для Самарского уезда она включала 77 рубрик (разделов), то для Бузулукского уже 88, Бугульминского – 132, а для Новоузенского – 160 рубрик. Увеличение разделов при сборе и группировке собранного материала, не в последнюю очередь, было обусловлено, как необходимостью иметь обстоятельные, точные, а значит достоверные данные о крестьянском хозяйстве конкретного уезда, так и увеличением численности штата земского статистического бюро. Если Самарский уезд обследовали 4 сотрудника статистического бюро, то в обследовании Бузулукского и Бугульминского уездов участвовало уже 10 статистиков, а Бугурусланского – 12. Правда, формированию кадрового потенциала земского статистического бюро препятствовали жесткие проверки со стороны губернской администрации на политическую благонадёжность всех лиц, изъявивших желание поступить на земскую службу в статистическое отделение. Начало такого рода проверкам было положено секретным циркуляром директора Департамента государственной полиции В.К. Плеве от 31 июля 1882 года, разосланного губернаторам всех земских губерний. «Замечено в последнее время, – говорится в циркуляре, – что многие лица весьма сомнительной политической благонадёжности, поступая на службу в земства, посвящают себя занятиям по статистической части, в большинстве случаев представляющих возможность разъездов по деревням и лёгкого общения с сельским населением. В виду этого, признав необходимым обратить на это явление особое внимание, Департамент Государственной Полиции, <... > покорнейше просит Ваше Превосходительство не отказать в списке лиц, занимающихся в ведении земства собиранием и разработкою статистических данных, поместить и подробные сведения о прошедшем лиц, упомянутых в списке, буде таковые сведения имеются»¹⁶. 22 декабря 1886 года, из недр Департамента полиции, уже за подписью самого министра внутренних дел Д.А. Толстого, вышел очередной секретный циркуляр, предписывавший «удалить от занятий по собиранию статистических сведений, по поручению земских управ, лиц, политическая благонадёжность коих, на основании обстоятельно собранных сведений, представится достаточно доказанною, а также впредь не допускать таких к вышеупомянутым занятиям»¹⁷. Нередко, претендент успевал найти другую работу, пока проверялись его «нравственные качества, степень благонадёжности и безвредности в политическом отношении». Так, А.Н. Благовещенский, выразивший желание «работать по земской статистике», 12 сентября 1885 года подал в Самарскую губернскую земскую управу прошение о зачислении его в штат сотрудников статистического бюро, приложив при этом и «удостоверение о политической благонадёжности». Ждать ответа от земской управы ему пришлось два месяца. Однако потеряв терпение, А.Н. Благовещенский принял предложение управляющего Курской казённой палаты занять место податного инспектора. Справедливости ради, стоит заметить, что такое же положение с подбором кадров для земской статистики было в большинстве земских губерний. На-

пример, в Саратовской губернии, имевший опыт практической работы статистика, П.Н. Зверев подал прошение в губернскую земскую управу на должность статистика, но «пока собирались о нём необходимые справки, успел найти другое, более выгодное для него, место»¹⁸.

«Политическая благонадёжность» претендентов на службу в земском статистическом учреждении учитывалась, прежде всего, даже в ущерб уровню образования и опыту статистической работы. 2 декабря 1883 года губернатор А.Д. Свербеев писал в Департамент полиции, что разрешил принять на службу в земское статистическое отделение студентов Петровской земледельческой и лесной академии И.Е. Дмитренко и П.П. Россиневича, на имевших опыта статистической работы, но вполне подтвердивших свою «политическую благонадёжность». Хотя студенты, по сообщению самого же губернатора и «состоят под негласным надзором полиции», но «в последнее время не были замечены в каких либо противозаконных действиях, даже напротив, имелись такие данные, которые свидетельствуют, что эти студенты сами относились враждебно к революционной партии»¹⁹.

За девять лет существования земского статистического бюро (с 1882 по 1891 гг.) максимально его штат достигал 24 человек. «Эти 24 лица статистиков и счётчиков, – вспоминал И.М. Краснопёров, – не составляли постоянный, неизменный персонал бюро в течение девятилетнего его существования; некоторые из них, прослужив два-три года, по тем или другим причинам, оставляли службу и переходили в другое статистическое бюро, другие уходили вследствие сокращения штата статистического бюро»²⁰. Объём выполняемой работы, ложившийся на каждого сотрудника, был колоссален, в буквальном смысле этого слова. Но, не смотря, ни на что, статистики к 1890 году закончили статистико-экономическое обследование губернии²¹. «Таким образом, – отмечал в отчётном докладе председатель самарской губернской земской управы П.С. Крылов, – хозяйственно-статистическое исследование губернии вполне закончено и в настоящее время приступлено уже к группировке статистического материала для сводного тома сборника по губернии. Масса собранного статистического материала не только даёт возможность земству использовать его для выработки оснований в видах справедливого и равномерного земского обложения, но он, в то же время, рельефно освещает хозяйственно-экономическое положение частновладельческого и крестьянского населения, даёт возможность произвести учёт всей его хозяйственной деятельности, выясняет причины ненормальных явлений, в хозяйственной жизни населения, а вместе с этим указывает и способы выхода из такого ненормального положения»²². Земские статистические работы показали тяжёлое положение крестьянской общины, «крестьяне обессилили в массе, многие бросают свои земли вследствие убыточности хозяйства, передают их в руки богатеев-кулаков и купцов путём ли сдачи их в долгосрочную аренду или путём заклада наделных земель за деньги и хлеб. <... >. По земско-статистическим исследованиям обезземление и забрасывание хозяйств в крестьянском населении идёт в ужасающей прогрессии»²³.

На основе собранного статистического материала, И.М. Краснопёров написал несколько научных статей о положении крестьянской общины в Самарской губернии, в которых выступал защитником общины, доказывая необходимость её сохранения. Констатируя факт имущественного расслоения крестьянской общины, обеднения значительной части крестьянства, И.М. Краснопёров утверждал, что она является гибким социально-экономическим и культурно-бытовым организмом и может продуктивно функционировать в изменившихся условиях. Разложение общины, по мнению И.М. Краснопёрова, имеет не только негативные экономические последствия, но и общественно-политические, так как обеднение крестьянства приводит к появлению сельского пролетариата, «шляющегося на стороне»²⁴. Следует заметить, с мнением И.М. Краснопёрова соглашались многие земские статистики, проводившие исследование социально-экономического положения крестьянской общины. Полтавский статистик И.Я. Анисимов категорично заявлял, что увеличением численности наёмных работников, которыми становились продавшие свои земельные участки крестьяне-общинники, «растут и те беспокойные элементы, которые обыкновенно являются впоследствии предметом стольких забот и тревог для правительства и общества...»²⁵. «Правительство и общество, – писал руководитель саратовской земской статистики Л.С. Личков, – непременно должны заботиться о поддержании общины, так как община представляет одну из важнейших гарантий против «беспокойных» общественных элементов, препятствующих мирному развитию общества»²⁶.

Статьи И.М. Краснопёрова о крестьянской общине постоянно использовались в своих работах не только его коллеги статистики, но и экономисты, историки, публицисты и общественные деятели. Так, известный писатель и общественный деятель Г.И. Успенский одну из своих публикаций целиком посвятил анализу работ И.М. Краснопёрова, подчеркнув, что в них «мы имеем историю постепенного истощения самарского крестьянства, поучительную в том отношении, что выясненные в исследованиях И.К. [данный инициал ошибка или опечатка, правильно «М». – С.Л.] Краснопёрова причины истощения хозяйств дают объяснения и общего недомогания и обеднения во всём крестьянском населении»²⁷. Г.В. Плеханов в своей статье «Всероссийское разорение», апеллируя к работам И.М. Краснопёрова, писал: «Относительно Самарской губернии у нас есть, кроме того, очень интересные данные, собранные в ноябрьской книжке «Юридического вестника» за истёкший год. Из этой статьи видно, что самарские крестьяне никогда не могли оправиться от последствий знаменитого самарского голода»²⁸.

Труды самарских земских статистиков по изучению крестьянских хозяйств губернии получили положительные, в целом, оценки их коллег, экономистов, публицистов, земских гласных. Н.А. Благовещенский, делая обзор сводных погубернских статистических сборников, указал на ряд ошибочных расчётов в группировке цифрового материала самарских статистиков, но, тем не менее, подчеркнул, что сводный сборник статистических сведений по Самарской губернии выделяется полнотой и точностью собранного и

обработанного материала²⁹. Экономист и публицист В.П. Воронцов, критикуя самарских статистиков за слишком описательный, по его мнению, характер статистических сборников и сокращение разделов (граф) статистических таблиц, тем не менее, высоко отозвался о научной обработке первичного статистического материала. Сравнивая статистические сборники по Самарской губернии с изданиями по Тамбовской губернии, В.П. Воронцов явное предпочтение отдавал первым. «Описания «Самарского Сборника», – писал он, – читаются значительно легче, нежели тамбовского. Между прочим, это зависит от характера описания в том и в другом. Тамбовский текст, как мы знаем, не довольствуется обобщениями и выводами, а заключает в себе и систематически сведённый по некоторым вопросам сырой материал. Таким образом, мы имеем здесь утомительный для чтения перечень однородных фактов, за которым следует краткое их обобщение. Характер самарского издания иной; его текст не обременён сырым материалом, во-первых, потому, что многое из этого материала уже сведено в общинных таблицах (арендная плата надельной и вненадельной земли, качество почвы и т. д.); во-вторых, благодаря решению авторов описаний не приводить всех фактов данного рода, а ограничиться их суммированием и указанием нескольких примеров; в-третьих, наконец, по причине той системы изложения, которая принята самарскими статистиками в отличие от тамбовских»³⁰.

Продуктивная деятельность самарского земского статистического бюро обратила на себя внимание ряда губернских земских собраний. В частности 17 января 1885 года к председателю Самарской губернской земской управы П.С. Крылову с просьбой помочь в создании статистической структуры обратилась Уфимская губернская земская управа. «Уфимское Губернское Земское Собрание, – говорится в письме, – решив приступить к организации земской статистики, признало нужным: предварительно, прислать лицо, практически знакомое с этим делом, для выработки программы собирания статистических сведений, как с целью урегулирования раскладки губернского земского сбора, так и для уяснения вообще экономического положения населения. <... >. Так как самарское земство ранее уже приступило к подобной работе и, между прочим, обращалось по сему

Предмету за советом к г. Орлову, то решюсь утруждать Вас покорнейшей просьбой, не откажите в Вашем содействии сообщением мне программ, по которым ведётся это дело в Самарском земстве и не можете ли указать лицо, к которому Управа могла бы обратиться с предложением принять обязанность статистика на изложенных условиях»³¹. Уфимской губернской земской управе была отправлена программа статистических работ самарского земского статистического бюро, по которой уфимские статистики начали проводить статистические работы в своей губернии.

Самарские земские статистики внесли весомый вклад в изучение социально-экономического положения крестьянского хозяйства губернии. Результаты их работ пользовались, как земство, так и губернская администрация, а также, историки-краеведы, экономисты и публицисты.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Здесь и далее все даты приведены по старому стилю.
- ² Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. 5. Оп. 15. Д. 2. Л. 57об.
- ³ Там же. Л. 57об.-58; Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Вып. 1. Самарский уезд / под ред. В.И. Орлова. М., 1883. С. II.
- ⁴ Сборник статистических сведений по Самарскому уезду. Вып. 1. С. I.
- ⁵ ЦГАСО. Ф. 5. Оп. 15. Д. 2. Л. 57об.
- ⁶ Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Вып. 1. С. I.
- ⁷ Блеклов С.М. За фактами и цифрами: записки земского статистика. М., 1894. С. 71.
- ⁸ Пешехонов А.В. Кризис в земской статистике // Русское богатство. 1901. № 12. С. 178-179.
- ⁹ Там же. С. 179.
- ¹⁰ Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 421. Оп. 1. Д. 227. Л. 1 об.-2.
- ¹¹ Краснопёров И.М. Воспоминания земского статистика (1872-1902). М., 2008. С. 29.
- ¹² ЦГАСО. Ф. 5. Оп. 15. Д. 2. Л. 56.
- ¹³ Там же. Л. 180.
- ¹⁴ Там же. Оп. 19. Д. 1697. Л. 20 об.
- ¹⁵ Краснопёров И.М. Указ. соч. С. 45-46.
- ¹⁶ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102. 3-е делопроизводство. Оп. 78. 1882 г. Д. 625. Ч. 1 (4). Л. 8-8об.
- ¹⁷ Там же. Оп. 82. 1886 г. Д. 761. Л. 15.
- ¹⁸ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3644. Л. 225.
- ¹⁹ ГАРФ. Ф. 102. 3-е делопроизводство. Оп. 78. 1882 г. Д. 625. Ч. 2 (1). Л. 147-147об.
- ²⁰ Сводный сборник статистических сведений по Самарской губернии / под ред. И. Краснопёрова. Самара, 1892. Т. 8. Вып. 1. С. II.
- ²¹ Статистическое обследование 7 уездов губернии проводилось в течении 7 лет. На эти цели земство выделило 47579 рублей. В среднем на каждый уезд приходилось по 6700 рублей или примерно 15 копеек на один крестьянский двор. (См.: Кабытов П.С., Арнольд Н.А., Кабытова Н.Н. и др. Самарское земство: Опыт практической деятельности (1865-1918 гг.). Самара, 2009. С. 175).
- ²² ЦГАСО. Ф. 5. Оп. 9. Д. 195. Л. 146.
- ²³ Там же. Л. 146 об.
- ²⁴ Краснопёров И.М. Крестьянские платежи и недоимки в Бузулукском уезде // Юридический вестник. 1886. Т. XXIII. Кн. 2. № 10. С. 275.
- ²⁵ Анисимов И.Я. Разложение нашей земельной общины // Вестник Европы. 1885. № 1. С. 158.
- ²⁶ Личков Л.С. К вопросу о разложении поземельной общины // Юридический вестник. 1886. Т. XXI. Кн. 4. С. 725.
- ²⁷ Успенский Г.И. Правила Самарского земства // Русское богатство. 1893. № 3. С. 235.
- ²⁸ Плеханов Г.В. Всероссийское разорение // Сочинение / под ред. Д. Рязанова. М.; Пг., 1923. Т. 3. С. 342.
- ²⁹ Сводный статистический сборник хозяйственных сведений по земским подворным переписям / сост. Н.А. Благовещенский. М., 1893. Т. 1. С. 260-261.
- ³⁰ В.В. [Воронцов В.П.] Хроника // Вестник Европы. 1887. Кн. 8. С. 837.
- ³¹ ЦГАСО. Ф. 5. Оп. 19. Д. 1697. Л. 13-13 об.

ПЕРВЫЙ САМАРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ КАК ЦЕНТР СПАСЕНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ ЧАСТНЫХ КНИЖНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ

История Самарского края богата фактами, так или иначе связанными с формированием и изучением владельческих книжных собраний. Уже в XVIII в. в Самарско-Симбирском регионе велось активное строительство загородных дворянских усадеб. В этих «дворянских гнездах» формировались книжные коллекции Орловых-Давыдовых, Богдановых, Пустошкиных, Ушковых. Кроме того, во второй половине XIX в. в Самарской губернии стали появляться городские частные книжные собрания. Их владельцами являлись чиновники (К.К. Грот, П.В. Алабин, С.Е. Пермяков), купцы (К.П. Головкин), юристы (А.Г. Елшин), промышленники (Ушковы, Вакано). Эти деятели как по долгу службы, так и по призванию способствовали появлению и развитию общественных библиотек в регионе. Достаточно напомнить, что Самарская общественная библиотека была основана в 1860 г. именно по инициативе К.К. Грота. Таким образом, в Самарском крае к началу XX в. сложилась замечательная плеяда книжников. Личные собрания составлялись усилиями просвещенных обитателей города и усадьбы, причем общественное значение этих коллекций далеко выходило за пределы потребностей их владельцев. В отборе книг участвовали не только сами собиратели, но и профессиональные библиотекари, книготорговцы, управляющие имениями.

В соответствии с приказом Самарского губревкома от 10 октября 1918 г. были начаты конфискация и перераспределение культурных ценностей, в том числе и частных книжных собраний. В декабре 1918 г. начала работать Распределительная комиссия в составе представителей подотдела охраны культурных ценностей, губернского, городского и уездного отделов народного образования и т.д. В качестве инструктора по определению ценности содержания книг был приглашен академик В.Н. Перетц. Реквизированные книги, выведенные из состава частных коллекций, передавались через Распределительную комиссию другим государственным структурам. Дошедший до нас мартиролог книжных коллекций Самарского Поволжья значителен, но он, увы, далеко не полон. В «Отчете Обществу археологии, истории и этнографии при Самарском университете о вывозе архива Аксаковых 5 августа 1921 года», составленном М.Н. Тихомировым, сказано: «Судьба помещичьих библиотек и архивов Самарской губернии за последние годы была крайне печальна. Многие из них погибли совершенно, от других остались только жалкие и разрозненные остатки»¹.

В то же время именно в Самаре, несмотря на крайне неблагоприятную политическую обстановку, были сосредоточены серьезные усилия по поис-

---

* © Асташкин Р.С. – кандидат исторических наук, сотрудник Самарской областной универсальной научной библиотеки, 2011

ку, изучению и хранению как местных книжных собраний, так и коллекций, формировавшихся в других российских регионах. Эта деятельность главным образом осуществлялась силами молодого Самарского университета. В становлении данного учреждения принимали участие блестящие представители российской науки, знатоки рукописной и печатной книги – В.Н. Перетц, В.П. Адрианова, А.В. Багрий, С.А. Щеглова, М.Н. Тихомиров. За короткий промежуток времени группа ученых, преподавателей, сотрудников главного самарского вуза собрала уникальный фонд научной университетской библиотеки, объемом более 250 тыс. экземпляров. Кроме того, собственными фондами располагали многочисленные общества и семинарии Самарского университета. Самым деятельным, безусловно, являлось Общество археологии, истории и этнографии (ОАИиЭ). Его уставными целями были сбор, описание и хранение памятников культуры, письменности, искусства. Совет Общества состоял из Президиума, председателя (А.С. Башкирова) и двух его товарищей (П.А. Преображенского и С.А. Хованского). ОАИиЭ в своем составе имело четыре комиссии: Археологическую (с художественной секцией и курсами, во главе с В.Н. Перетцем), Историческую (во главе с Г.А. Лучинским), Этнографическую (во главе с А.П. Баранниковым), Библиографическую (во главе с С.Д. Балухатым). В состав ОАИиЭ также входила библиотека, которую в 1921-1922 гг. возглавлял М.Н. Тихомиров. В отчете о деятельности библиотеки им было указано: «На 1 января 1923 г. насчитывается 6541 тыс. томов, из них 5881 на русском языке и 660 на иностранных. В настоящее время поступило и еще не разобрано до 5000 томов земских статистических изданий из Самарского Архивного бюро. В текущем году значительно пополнился отдел старых книг церковной печати (XVI – XVII вв.)... Кроме этого в библиотеку поступило весьма ценное собрание рукописей Иргизских монастырей, вывезенных библиотекарем Общества М.Н. Тихомировым»². Позднее основная часть книг, собранных ОАИиЭ, влилась в фонды краевой научной библиотеки (ныне – ГУК «Самарская областная универсальная научная библиотека»).

Далее мы остановимся на конкретных мерах по спасению и изучению частных книжных собраний, предпринятых в Самаре в 1918-1924 гг.³

Одна из самых богатых усадебных библиотек Самарской губернии находилась в селе Усолье (в современном Шигонском районе) и принадлежала знаменитому графскому роду Орловых, а позднее их потомкам Орловым-Давыдовым. Это фамильное собрание ведет свою историю с екатерининских времен⁴. Известно, что Усольская библиотека регулярно пополнялась вплоть до 1917 г. В настоящее время книги из собрания Орловых-Давыдовых находятся в фондах Самарской областной универсальной научной библиотеки, Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина, Сызранского краеведческого музея, Музея истории Усольского края и библиотеки сельскохозяйственного колледжа с. Усолье. В состав данной коллекции входило не менее 2500 изданий. Книги по истории, философии, экономике, политике, государственно-правовой тематике составляют в этом массиве около 40 %, художественная литература – око-

ло 20 %. Большая часть выявленных книг представляет собой иностранные издания XVIII-XIX вв.

Достаточно интересны обстоятельства появления коллекции Орловых-Давыдовых в Самаре. В июне 1917 г. Комитет городской публичной библиотеки вынес решение открыть Музей по истории русской революции с особым отделом по истории Самары и самарской старины. Для реализации этого проекта комитет обратился в контору имени Орловых-Давыдовых с просьбой «передать в музей архивы из села Усолье в целях более верного сохранения их и научного использования» (Волжское слово. 1917. 6 июня). Однако эта инициатива не увенчалась успехом. Более удачная попытка была предпринята в июне 1918 г. местным Археологическим обществом во главе с А.Г. Елшиным. Через два года преподаватели Самарского университета обнаружили книги Орловых-Давыдовых в составе фондов Центральной педагогической библиотеки. В заявлении в адрес Совета университета и историко-филологического факультета от 13 января 1920 г. профессор С.Д. Балухатый писал: «Центральная педагогическая библиотека г. Самары владеет весьма ценным собранием книг на французском языке из библиотеки графа Орлова-Давыдова. Книги по преимуществу XVIII и первой половины XIX в.; по содержанию – книги по истории, западно-европейскому театру и искусству. Три тысячи томов этого собрания находятся в Педагогической библиотеке без пользования, ибо по самому характеру своему Педагогическая библиотека в данном собрании не нуждается»⁵. Уже весной 1920 г. Усольское собрание было передано Самарскому университету. Первоначальным разбором и описанием коллекции занималась О.Л. Слюзберг, принятая на временную работу в университет в мае 1920 г. В начале 1920-х гг. книги Орловых-Давыдовых перешли в фонд Губернской Центральной библиотеки, но лишь в 1989 г. библиотекари получили возможность изучать эти издания. В 2011 г. специалистами отдела редких книг СОУНБ и видными самарскими учеными был подготовлен иллюстрированный каталог книжной коллекции Усольской усадьбы.

Также с XVIII в. ведет свою историю так называемая «богдановская» коллекция. Село Богдановка было основано в 1748 г. на земле, купленной капитаном Александром Моисеевичем Богдановым. История богдановской библиотеки, насчитывающая более 150 лет, тесно связана с историей самарских дворян Путиловых и Чарыковых⁶. Богдановская коллекция по своему составу была универсальной с гуманитарным уклоном, с преобладанием изданий на русском языке. После 1917 г. имение в Богдановке опустело и подверглось разгрому. Только меры, принятые руководством Самарского университета, предотвратили гибель хранившихся там ценностей. Богдановскую коллекцию в сентябре 1918 г. перевезли в Самару для библиотеки университета преподаватели Е.А. Рыхлик и Е.В. Багрий. После закрытия университета книги Богдановых, Путиловых и Чарыковых оказались в Губернской Центральной библиотеке.

До настоящего времени также дошли фрагменты книжного собрания самарских помещиков Пустошкиных. Их имение находилось в селе Давы-

довка Приволжского района. В 1854 г. лейтенант флота Григорий Ефремович Пустошкин (1794-1857 гг.) стал жителем Самарского края. Василий Григорьевич Пустошкин (1825-1891 гг.) унаследовал имения отца в селах Богородском Московской губернии и Давыдовке (Красный Затон) Самарской губернии. Младший сын Василия Григорьевича – Ефрем Васильевич (1864-не ранее 1922 гг.) – возглавлял уездную земскую управу в г. Сызрани; в 1906 г. он был избран депутатом в I Государственную Думу. Книжная коллекция, находившаяся в имении Пустошкиных, содержала издания, вышедшие во второй половине XVIII-конце XIX вв. В 1920 г. до членов ОАИиЭ дошли сведения, что пустошкинская библиотека оказалась на хранении в Рупводе (Районное управление водами). Общество обратилось в эту организацию с просьбой о передаче ему данного собрания, однако запрос оказался безрезультатным. Впрочем, в 1921 г. заведующий давыдовской библиотекой М.С. Канков в письме, адресованном М.Н. Тихомирову, сообщил, что у него на руках имелось до 700 книг из коллекции Пустошкиных. Историческая комиссия ОАИиЭ постановила перевезти эти издания в Самару. Таким образом, коллекция Пустошкиных отныне находилась в двух местах: часть – под охраной ОАИиЭ при Самарском университете, другая часть – по-прежнему в Рупводе. Позднее эти книги были переданы в Губернскую Центральную библиотеку.

В селе Рождествено Волжского района в усадьбе Ушковых также хранилась богатая книжная коллекция. Перед революцией 1905-1907 гг. Рождественское имение принадлежало Михаилу Константиновичу Ушкову. В здешнем собрании имелись труды по всем отраслям знаний с явным гуманитарным уклоном. Кроме того, помещик-библиофил приобрел две крупные профессорские коллекции – профессора Московского университета, специалиста по церковному праву А.С. Павлова (1832-1898 гг.) и профессора технологии и технологической химии Казанского университета И.И. Канонникова (1854-1902 гг.)⁷. Книжная коллекция Ушковых предположительно в 1920-е гг. была вывезена из Рождествено прямым путем в Губернскую Центральную библиотеку. Вероятно, здесь также имела место инициатива сотрудников главного самарского вуза.

Деятельность Самарского университета и ОАИиЭ затронула не только усадебные библиотеки, но и городские книжные коллекции. Виднейшим библиофилом дореволюционной Самары был А.Г. Елшин (1878-1928 гг.) – присяжный поверенный Самарского окружного суда, редактор газеты «Самарский курьер», председатель Самарского Археологического общества. Елшин собрал большую книжную коллекцию, которая в ноябре 1918 г. была конфискована отделом народного образования и передана в количестве 2500 старинных книг в библиотеку Самарского университета. В 1919 г. елшинскую коллекцию изучал В.Н. Перетц. 26 января 1920 г. на заседании членов совета при уполномоченном Главархива он рассказал о 33 старинных книгах из собрания Елшина. Часть этих изданий, в том числе инкунабула XV в., хранится в отделе редких книг СОУНБ. Отметим, что Елшин собирал преимущественно редкие книги, изданные с XV по первую треть XIX вв. на русском, польском, французском, немецком, латинском языках.

Крупнейшая городская частная библиотека объемом более 20000 экземпляров принадлежала городскому голове С.Е. Пермякову. Универсальная по составу, эта книжная коллекция включала издания, вышедшие в период со второй половины XIX в. по 1917 г. В 1918 г. книжное собрание Пермякова поступило в библиотеку Просветительской ассоциации при Самарском университете. Позднее эти книги в общем порядке оказались в фондах Губернской Центральной библиотеки⁸.

Особого внимания заслуживают достижения самарских ученых, связанные с отысканием и изучением городских книжных коллекций, первоначально собранных за пределами региона. Речь идет прежде всего о книгах, принадлежавших петербургским коллекционерам. Вообще Петербург сыграл большую роль в научной жизни тогдашней Самары. Ученые и сотрудники Отделения русского языка и словесности Академии наук приняли деятельное участие в организации Самарского педагогического института (с 10 августа 1918 г. – университета). 21 августа 1917 г. Самарское губернское земство учредило Педагогический институт, и уже 4 сентября заместитель председателя губернской земской управы А.Ф. Валяев приехал в Петроград к профессору А.П. Нечаеву и академику В.Н. Перетцу с просьбой о сотрудничестве в организации работы нового вуза⁹. В 1959 г. В.П. Адрианова-Перетц писала: «Когда в октябре 1917 года группа филологов и историков во главе с психологом А.П. Нечаевым получила поручение от Министерства народного просвещения выехать в Самару для организации там Педагогического института, мы – филологи – поставили условием своего согласия приобретение основательно подобранной библиотеки по истории русского языка, литературы и палеографии. Такую библиотеку нам предложил Павел Константинович Симони, ученый секретарь Отделения русского языка и словесности Академии наук, филолог по специальности. Мы купили у него тогда все, кроме случайных книг, в основную коллекцию не входивших. Это собрание и послужило нам для организации кабинета русского языка и литературы, где велись все семинарские занятия»¹⁰. П.К. Симони (1859-1939 гг.) – коренной петербуржец, библиофил, филолог, специалист по палеографии и библиограф¹¹. Он владел одной из самых больших и редких по своему составу частных книжных коллекций Санкт-Петербурга. Эта библиотека, насчитывавшая около 10 тыс. изданий, была хороша известна в среде собирателей книг. В частности, о ее существовании был осведомлен В.Н. Перетц. «Академик Перетц дал о библиотеке г. Симони вполне благоприятный отзыв, отметив, что в ней имеется много редких научных трудов и литературных памятников. Цена библиотеки назначена г. Симони по номинальной стоимости книг – в 27000 рублей. Владелец библиотеки соглашается продать ее земству на следующих условиях: в настоящее время уплатить ему 15000 рублей, а остальные 12000 рублей он рассрочивает на три года»¹². Окончательная договоренность между Самарской губернской управой и П.К. Симони состоялась в сентябре-октябре 1917 г. Главная часть купленной библиотеки поступила в семинарий русской филологии, который вели В.П. Адрианова и А.В. Багрий. В

частности, были получены собрание русских летописей, библиографические указатели и словари, коллекция рукописей, издания памятников старославянского и русского языка. Другая часть коллекции досталась Историческому и археологическому семинарию В.Н. Перетца и Е.И. Тарасова. Она состояла из книг по русской истории, исследований по хронологии, генеалогии, истории книжного дела, описаний старопечатных книг кирилловского шрифта. В 1924 г. коллекция Симони вошла в состав фонда Центральной Губернской библиотеки.

Также необходимо упомянуть книжное собрание графа Алексея Александровича Бобринского. Как известно, в 1886-1917 гг. этот видный ученый возглавлял Императорскую Археологическую комиссию. В 1920 г. собрание Бобринского стало основой библиотеки семинария археологии и искусств Самарского университета, созданного в составе историко-филологического факультета. Дело в том, что руководитель семинария – А.С. Башкиров – лично приобрел в Петрограде часть указанной коллекции. Это были издания по археологии второй половины XIX и начала XX вв. на русском и иностранном языках. В 1923 г., после того, как в Самаре было принято решение о закрытии университета и создании Ликвидационной комиссии, в адрес последней поступило обращение от Русского музея с просьбой вернуть собрание Бобринского в Петроград¹³. Однако в итоге коллекция Бобринского была оставлена в Самаре (она также вошла в состав фонда Центральной Губернской библиотеки).

Помимо книг, принадлежавших Бобринскому, А.С. Башкирову удалось сделать в Петрограде еще одно ценное приобретение. Речь идет об уникальной книжной коллекции, собранной Константином Дмитриевичем Чичаговым (1866–1920 гг.) – историком искусств, профессором Московского и Петербургского университетов¹⁴. Данное собрание по завещанию владельца и благодаря усилиям А.С. Башкирова поступило в 1919 г. в Семинарий археологии и искусств Самарского университета. Коллекция Чичагова носит очевидный искусствоведческий характер. В ней собраны научные издания на немецком, английском и французском языках конца XIX-начала XX в. по истории искусств, архитектуре и археологии.

Несмотря на ликвидацию Самарского университета в 1923 г., ОАИиЭ продолжало свою работу до конца 1920-х гг. Им было подготовлено более десятка справочных, научных и научно-популярных изданий о Самарском крае¹⁵. Дальнейшее изучение книг, некогда принадлежавших частным коллекционерам, возобновилось лишь после 1939 г., когда в структуре региональных библиотек повсеместно стали возникать отделы редких книг и рукописей.

Таким образом, в течение 1918-1924 гг. специалистами первого Самарского университета, членами Самарского археологического общества, Общества археологии, истории и этнографии, библиотекарями и краеведами Самарской губернии была проведена колоссальная и плодотворная работа по обнаружению, приобретению и обеспечению сохранности уникальных частных книжных коллекций, собранных в разное время и в разных регио-

нах страны выдающимися представителями дворянской и городской культуры. Благодаря энтузиазму, профессионализму и компетентности самарских ученых многие книжные собрания были спасены от гибели и разорения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: Тихомиров М.Н. Самара в моей жизни. Самара, 1994. С. 72.

² ГАСО. Ф. Р-558. Оп. 1. Д. 49. Лл. 4-4 об.

³ Данная проблематика была подробно рассмотрена в диссертационном исследовании Н.А. Бессоновой (см. Бессонова Н.А. Частные книжные коллекции в фондах библиотек Самаро-Симбирского региона (в период с 30-х гг. XVIII в. по 20-е гг. XX в.). Автореферат дисс. на соискание уч. степени канд. пед. наук. Самара, 2003).

⁴ См. в т.ч. Заичкин И.А., Почкаев И.П. Екатерининские орлы. М., 1996; Артамонова Л.М. Строительство каменных храмов в Усольской вотчине графа В.Г. Орлова в нач. XIX в. // Самарская область. Этнос и культура. 1997. № 2-3. С. 66-69; Артамонова Л.М. Лекарь из Вены на Самарской Луке: [Усольский врач А. Гетте] // Самарский краевед. 1995 / Сост. А.Н. Завальный. Самара, 1995. С. 54-80.

⁵ ГАСО. Ф. 28. Самарский государственный университет народного комиссариата по просвещению гор. Самара. Оп. 1. Д. 90. Протоколы заседаний историко-филологического факультета. 1919 г. Л. 265.

⁶ Колядина А.М. Помещичья библиотека села Богдановки / А. М. Колядина // Самарские книжники. Конец XVIII века-XX век: Очерки о собирателях и меценатах. С. 57-76.

⁷ Письмо М.К. Ушкова о библиотеке А.С. Павлова // Известия Николаевского университета. 1916. Т. VII. Вып. 2. С. 6.

⁸ ГАСО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 53. Доклады, отчеты и протоколы Совета научно-учебной ассоциации Самарского университета. 1918 г. Лл. 204-205 об., 422, 731.

⁹ Ученые известия Самарского университета. Самара, 1918. Вып. 1. С. 3.

¹⁰ Бессонова Н.А. Материалы к изучению библиотеки П.К. Симони // Алабинские чтения. Самара, 1993. С. 75-85.

¹¹ Машенцева Л.П. Автографы П.К. Симони как источник историко-библиографического исследования // Научное мировоззрение и духовное развитие учащихся: Сб. науч. ст. Самара, 1998. С. 143-146; Машенцева Л.П. Личные библиотеки в зеркале российской провинциальной культуры начала XX века: (На примере библиотеки П.К. Симони) // Судьбы библиотек дореволюционной России: 20-30-е гг. XX в.: Тез. сообщ. конф., 1-3 окт. 1996 г. СПб., 1996. С. 72-73.

¹² ГАСО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 8. Журнал заседаний и дела организационной комиссии по открытию педагогического института в Самаре. 1917 г. Лл. 25 об., 82, 89.

¹³ ГАСО. Ф. 2352. Оп. 1. Д. 3. Руководящие материалы по организации библиотечного дела в губернии. 1925-1926 гг. Л. 112 об.

¹⁴ См. Асташкин Р.С., Бессонова Н.А. Искусствоведческая библиотека Константина Дмитриевича Чичагова // Самарские книжники 3: сб. статей. Самара, 2009. С. 206-214.

¹⁵ Бессонова Н.А. Издательская деятельность первого Самарского университета // Самарский край в истории России. Самара, 2001. С. 31-34.

диакон Алексей Подмарицын*

**ПРАВОСЛАВНЫЕ, РАСКОЛЬНИЧЬИ (ОБНОВЛЕНЧЕСКИЕ,
ГРИГОРИАНСКИЕ) И СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ ЕПАРХИИ
В САМАРСКОМ РЕГИОНЕ (1850-2010 гг.)¹**

I.

сторически первой православной епархией в Самарском регионе следует считать Сарайскую, открытую в 1261 году, с центром в Великом Сарае². С 1269 по 1310гг. она именовалась Сарайская и Переяславская, а с 1310г. известна как Сарайская и Подонская³.

С вхождением Казани в состав Московского государства Средняя Волга с 1555г. стала относиться к Казанской и Свияжской епархии. В начале XVIII столетия, во время территориально-административных реформ Петра I, Самара и её округа некоторое время относилась к Астраханской и Терской епархии, но позже было восстановлено прежнее церковно-административное подчинение Казанской епархии. Об этом свидетельствуют надписи на хранившихся в конце XIX в. древних антиминсах в Самарской Спасо-Преображенской церкви, относившихся к 1730г. (священнодействован Митрополитом Казанским Сильвестром к престолу настоящей церкви) и к 1745г. (священнодействован Епископом Казанским Лукою к престолу Благовещенского придела)⁴.

До образования самостоятельной Симбирской и Сызранской епархии 10 февраля 1832г.⁵, Самара, по-видимому, продолжала относиться к Казани. На это косвенно указывают антиминсы двух престолов Самарской Успенской церкви (настоящей церкви, и придела во имя Свт. Алексия, Митрополита Московского), освященные в июле 1828г. Архиепископом Казанским Филаретом⁶.

На протяжении восемнадцати лет Самарский уезд в церковно-административном отношении состоял в управлении архиерея Симбирской и Сызранской епархии.

С образованием, вслед за губернией, 19 декабря 1850г. самостоятельной епархии под названием Самарская и Ставропольская⁷, в нее отошли территории из соседних епархий: Саратовской и Царицынской (основанной 3 ноября 1828г.⁸) – уезды Николаевский и Новоузенский; Оренбургской и Уфимской (основанной 16 октября 1799г.⁹) – уезды Бугульминский, Бугурусланский, Бузулукский; упомянутой Симбирской и Сызранской – уезды Самарский и Ставропольский.

В 1900г., за обширностью территории епархии, в ней было учреждено Николаевское викариатство, охватившее собою уезды Николаевский и Новоузенский¹⁰.

В ноябре 1908г. границы юрисдикции Епископа Самарского и Ставропольского были расширены «за изъятием Уральской области в церковном

---

* © Подмарицын А.Г. – кандидат исторических наук, заведующий Самарским епархиальным архивом, 2011

отношении из ведения Епископа Оренбургской Епархии с присоединением ее к Самарской Епархии»¹¹. Для управления Уральской областью туда назначили викария Самарской епархии Тихона, Епископа Николаевского, с титулованием Уральский¹². В таких границах епархия просуществовала вплоть до 1918г.

Поместный Собор Православной Российской Церкви 1917-1918гг. постановил расширить институт викарных Преосвященных, разрешив поставлять Епископов в уездные города. Кроме возвращения к древней практике, стал актуальным и другой аргумент – в новых политических условиях всё сложнее становилось нормальное управление из центра Церковью на местах.

До лета 1921г. в Самарской епархии викариев не было, т.к. Епископ Уральский после Собора 1917-1918гг. стал во главе независимой от Самары епархии, просуществовавшей до 9 января 1933г.¹³.

Возможно, что кончина Архиепископа Филарета в июне 1921г. была формальным поводом для начала в Самарской епархии практики поставления викарных архиереев в уездных городах. Сейчас не представляется возможным точно установить весь комплекс причин (совласти препятствовали появлению нового Епархиального архиерея; бывший тогда страшный голод и др.), но во второй половине 1921– начале 1922гг., еще до возникновения обновленческого раскола, Самарской епархией управлял новопоставленный викарный Епископ Бузулукский Павел (Гальковский)¹⁴.

Викарные кафедры Самарской епархии, появившиеся ещё в Самарской губернии (т.е. до ее трансформации в Средне-Волжскую область), заканчивали свое существование в других территориальных региональных образованиях (Средне- и Нижне-Волжский края, Оренбургская область). Это Бугульминская – с 1925г. до 1933г.; Бугурусланская – с 1927г. до 1937г.; Бузулукская – с 1921г. до 1934г.; Мелекеская – с 1922г. до 1935г.; Николаевская (с 1924г. – Пугачевская) – с 1923г. до 1935г.¹⁵.

В Сызрани Симбирская православная викарная кафедра была открыта в 1923г. и существовала до 1937г. В XX веке возобновлялась как викарная Куйбышевская в 1965-1968 годах¹⁶.

Завершая обзор собственно православных епархий и кафедр на территории Самарского региона, необходимо указать на изменения в наименования епархии в обозреваемый период.

В 1850г. – конце 1920-х гг. – Самарская и Ставропольская, в первой половине 1930-х гг. – Самарская (без второй части титула), с 1935г. – Куйбышевская, с 26 декабря 1944г. – Куйбышевская и Сызранская¹⁷, с 25 января 1991 – Самарская и Сызранская епархия¹⁸.

II.

Исторически на канонической территории епархии с 1922г. по 1939г. существовали параллельные раскольничьи епархии: *8 обновленческих и 1 григорианская*.

Необходимо учитывать, что после ареста Св. Патриарха Тихона в 1922г. и до конца июня 1923г., Самарская епархия имела молитвенное общение с

обновленческим высшим церковным управлением, реорганизованном позже в обновленческий священный синод. Раскольничьи обновленческие кафедры появляются в Самарском регионе в следующем хронологическом порядке: Бугульминская (обн.) - с 1923г. по 1934г.¹⁹; Бугурусланская (обн.) – с 1923г. по 1934г.²⁰; Бузулукская (обн.) – с 1925г. по 1935г.²¹; Пугачевская (обн.) – в 1927г.²²; Ставропольская (на Средней Волге) (обн.) – с 1923г. по 1937г.²³; Мелекесская (обн.) - с 1924г. по 1929г.²⁴.

Помимо указанных кафедр, согласно «Актов Святейшего Патриарха Тихона» также прослеживается епархия Самарская (с 1928 или 1929г. – Средне-Волжская), которая существовала с 1923г. по 1937г.²⁵.

В Сызрани Симбирская обновленческая викарная кафедра бытовала с 1923г.²⁶; прекратила свою деятельность в конце 1937г. или в 1938г.²⁷.

Уральская обновленческая кафедра действовала с 1923г. приблизительно до 1933г. включительно²⁸. Одновременно с ней в ноябре 1925г. – августе 1926г. существовал т.н. Уральский митрополичий округ (обновленческий)²⁹.

Кроме упомянутых обновленческих, на территории региона существовала григорианская Самарская епархия. После кончины Св. Патриарха Тихона в 1925 году, когда его преемники последовательно арестовывались гражданской властью и среди них не было единодушия по вопросу о законном преемстве власти в Церкви, ряды староцерковников были разделены новым расколом. Этот раскол, как и обновленческий, также был инспирирован соввластями. Осенью 1928г. в Самару прибыл от ВВЦС епископ Анатолий Кванин, числившийся Самарским епископом до конца 1929г., когда он постановлением временного высшего церковного совета (ВВЦУ) за № 2600 был уволен от управления церковными делами в Средне-Волжской области³⁰.

По «Актам Святейшего Патриарха Тихона», в 1929 году Самарским григорианским архиереем значился Анатолий Левицкий (рукоположенный обновленцами и перешедший от них)³¹. Кроме того, в состав тогдашнего Средне-Волжского края на правах округа входила б. Симбирская/Ульяновская губерния, бывшая одним из центров григорианства. Ульяновская григорианская епархия существовала с 1925 по 1937 годы³².

III.

Справочно необходимо указать на *старообрядческие* епархии, имевшие свои центры на территории Самарского региона в указанный период.

1) К середине 1860-х гг. относится учреждение Самарско-Саратовской епархии Древлеправославной Церкви Христовой, приемлющей священство Белокриницкой иерархии (самоназвание до 1988г.; исторические названия – австрийские или белокриницкие старообрядцы)³³.

В 1879-1899гг. Самарская и Симбирская³⁴.

В 1899-1912гг. Самарская, Симбирская и Уфимская³⁵.

В 1912-1928гг. епархия была праздною. В 1926г. временноуправляющим упоминается архиерей Казанский и Вятский³⁶.

В 1928-1930гг. (с титулом Самарский и Уфимский), по другим сведениям,

в 1927-1941гг. (с титулом Самарский), епархией управляют либо два архиерея с одним именем, либо один, бывший в ссылке в 1930-1941гг³⁷.

Титулярного епископа Самарского Русской Православной Старообрядческой Церкви (самоназвание с 1988г.) с тех пор нет.

2) В 1944-1946гг. существовала епархия Куйбышевская³⁸ Русской Древлеправославной Церкви (историческое название – беглопоповцы; самоназвание – старообрядцы, приемлющие священство, переходящее от господствующей церкви)³⁹.

Кафедра возобновлялась в 1950г⁴⁰. В 1955г. тогдашний епископ Куйбышевский Епифаний возводится в сан Древлеправославного Архиепископа Куйбышевского, Московского и всея Руси. В 1955-1963гг. в Куйбышеве располагалось епархиальное управление Древлеправославной Церкви, бывшее центром Древлеправославной Архиепископии⁴¹.

В 1969-1992гг. Куйбышевская (с 1991г. – Самарская) кафедра была возобновлена, вторично⁴².

В 1996г. управление кафедрой было поручено епископу Курскому. С упразднением Самарской епархии РДЦ, в 2003г. Самара отошла к Волжской епархии (кафедра до 2004г. находилась в Бугуруслане, затем перенесена в Самару)⁴³.

Предложенные материалы, как надеемся, послужит основой для дальнейших уточнений и дополнений.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

Наименования епархий православных, раскольничьих (обновленческих, григорианских) и старообрядческих на территории б. Самарской губернии и нынешней Самарской области в 1850-2010 гг.

Русская Православная Церковь:

Бугульминская (Самарское викариатство)

Бугурусланская (Самарское викариатство)

Бузулукская (Самарское викариатство)

Куйбышевская = Самарская

Мелекесская (Самарское викариатство)

Николаевская (Самарское викариатство) = Пугачёвская (Самарское викариатство)

Сызранская

Раскольничьи епархии обновленцев и григориан:

Бугульминская *обновленческая*

Бугурусланская *обновленческая*

Бузулукская *обновленческая*

Куйбышевская *обновленческая*

Мелекесская *обновленческая*

Пугачёвская *обновленческая*

Ставропольская (на Средней Волге) *обновленческая*

Средневожский митрополитанский округ = Куйбышевская *обновленческая*

Сызранская обновленческая
Куйбышевская григорианская
Русская Православная Старообрядческая Церковь:
Самарская
Самарско-Саратовская
Самарская, Симбирская и Уфимская
Самарская и Уфимская
Русская Древлеправославная Церковь:
Волжская
Куйбышевская
Куйбышевская, Московская и всяя Руси

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В данной работе рассматриваются епархиальные образования на территории б.Самарской губернии (по положению на 1928г.) и нынешней Самарской области (в границах с 1 января 1943г., с добавлением правобережья Волги).

² Мануил (Лемешевский), митрополит. Русские Православные Иерархи. 992-1892. Т. III. М.: Сретенский монастырь, 2004. С. 432.

³ Там же.

⁴ Центральный Государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. 32. Оп. 18. Д. 125. Л. 76.

⁵ Мануил (Лемешевский), митрополит. Русские Православные Иерархи... С. 436.

⁶ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 18. Д. 260. Л. 228.

⁷ Списки Архиереев иерархии Всероссийской и Архиерейских кафедр со времени учреждения Св. Правительствующего Синода (1725–1895 года). СПб., 1896. С. 105.

⁸ Мануил (Лемешевский), митрополит. Русские Православные Иерархи... С. 431.

⁹ Мануил (Лемешевский), митрополит. Русские Православные Иерархи... С. 392.

¹⁰ Самарские епархиальные ведомости. 1901. № 3. Ч. О. С. 131-150.

¹¹ Российский государственный исторический архив. Ф. 797. Оп. 83. Д. 315. Л. 218 об. - 219.

¹² Там же.

¹³ Подмарицын Алексей, диакон. Очерки истории Самарской епархии. Самара, 2008. С. 10.

¹⁴ Акты Святейшего Патриарха Тихона, Патриарха Московского и всея России, и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти. 1917-1943. М., 1994. С. 930.

¹⁵ Подмарицын Алексей, диакон. Очерки истории Самарской епархии. С. 10.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Самарский епархиальный архив. Ф. 1. Оп. 1. 11. Д. 1. Л. 4. Указ Патриаршего Местоблюстителя Алексия, Митрополита Ленинградского, № 2141 от 29 декабря 1944г.

¹⁸ На основании Указа Верховного Совета РСФСР от 25 января 1991 года область и её центр были переименованы соответственно в Самарскую и Самару.

¹⁹ Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 915.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 916.

²² Там же. С. 942.

²³ Там же. С. 942.

²⁴ Там же. С. 943.

-
- ²⁵ Там же. С.930.
- ²⁶ Там же. С.948.
- ²⁷ Там же. С.948.
- ²⁸ Там же. С.951-952.
- ²⁹ Акты Святейшего Патриарха Тихона... , С.952.
- ³⁰ ЦГАСО. Ф.Р-828. Оп. 3. Д. 94. Л. 76.
- ³¹ Акты Святейшего Патриарха Тихона... , С.930,962.
- ³² Там же. С.951.
- ³³ Вургафт С.Г., Ушаков И.А. Старообрядчество. Лица, события, предметы и символы. Опыт энциклопедического словаря. М.: Церковь, 1996. С. 90.
- ³⁴ Там же. С.16.
- ³⁵ Там же. С.231.
- ³⁶ Вургафт С.Г., Ушаков И.А. Старообрядчество. Лица, события, предметы и символы. Опыт энциклопедического словаря. М.: Церковь, 1996. С. 294.
- ³⁷ Там же. С.128 и 129.
- ³⁸ Там же. С. 207.
- ³⁹ Там же. С.89-90.
- ⁴⁰ Там же. С.105.
- ⁴¹ Там же. С.90. См. также: ЦГАСО.Ф.4089.Оп.1.Д.32.Л.54.
- ⁴² Там же. С.79.
- ⁴³ Старообрядец. 2009.Январь-август. №45. С.5.

САМАРСКИЙ АРХИВ

«СЕГО 728-ГО ГОДУ...» (Сызрань и ее население в пожаре 1728 г.)**

(публикация подготовлена Э.Л. Дубманом и С.Г. Зацаринным*)

История отдельных территорий и поселений южного пограничья Среднего Поволжья в конце XVII – первых десятилетиях XVIII в. изучена далеко недостаточно. Во многом «повинны» в этом отсутствие репрезентативных источников, утраченных в пожарах начала столетия (гибель в огне архива Приказа Казанского дворца); перестройка системы центральных и местных государственных учреждений и ряд других причин.

Только в последние годы царствования Петра I и в «эпоху» правления Верховного Тайного Совета появляется ряд интереснейших документов, позволяющих дать ответ на вопросы об облике, количестве жителей, особенностях хозяйствования, состоянии тех или иных территорий, городов и сельских поселений. Среди них можно назвать известные анкеты или «вопросные пункты» 1724 г., посылавшиеся во все губернии и уезды; другие материалы. Достаточно вспомнить, что именно в это время был создан знаменитый труд И.К. Кирилова «Цветущее состояние Всероссийского государства»¹. Уникальные сведения для изучения Южного Средневожья содержит описание симбирского провинциального воеводы городов Самары, Сызрани и Алексеевска в 1728 г.², опись г. Самары местным воеводой А.И. Кушниковым в 1728 г. и ряд других³. В ряду таких весьма информативных источников находится доношение сызранского воеводы С. Обухова 1728 г. о храмах, лавках и дворах, выгоревших во время одного из наиболее разрушительных пожаров, случившихся в истории этого города. Выявленный в фонде Сената Российского государственного архива древних актов⁴ документ дает достаточно полное представление о самом городе, его планировке, основных административных и жилых зданиях, храмах, торговых местах, улицах и жителях.

***

Текст дела подготовлен в соответствии с действующими правилами издания исторических документов. Он публикуется полностью и передается современным гражданским шрифтом с заменой утраченных букв. Буква **і** передана современным**и**.

---

* Дубман Э.Л. – доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории Самарского государственного университета, 2011

Зацаринный С.Г. – журналист, 2011

** Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Грант 10-01-00194а

Буква **ъ** приводится лишь в случаях, предусмотренных современной орфографией. Буква **ь**, после выносных мягко звучащих согласных, ставилась. Грамматические и стилистические особенности оригинала соблюдены. Сокращения раскрыты без оговорок, выносные буквы внесены в строку без выделения. Прописные буквы употреблялись в соответствии с современной орфографией. Числа, обозначенные буквами, переданы арабскими цифрами. Знаки препинания расставлены публикатором, исходя из современных правил синтаксиса. Очевидные описки и неточности в тексте оговорены в текстологических примечаниях. Непрочтенный текст обозначается многоточием. Предположительная реконструкция выделена курсивом и сопровождается вопросительным знаком. Границы листа отмечены двумя косыми линиями, за которыми в круглых скобках полужирным шрифтом приводится номер очередного листа.

***

(Л.1094) В Высокий Сенат Астраханской губернии Синбирской провинции города Сызрана ис канцелярии воеводного правления

Доношение

Сего 728-го году апреля 8-го дня получен в Сызранской канцелярии чрез канцелярию Синбирской провинции печатной его императорского величества указ, по которому велено на генварскую треть сего года подушные деньги, как с купечества, так и с крестьян и разночинцов збирать по прежнему положению неослабно и в платеже отписи давать безволожитно. А вышеписанного апреля 25-го дня, то есть в четверток недели святые пасхи, божею волею в городе Сызране от крепости кроме соборные церкви и жительство посацких людей, и пашенных салдат, и протчих чинов людей дворы со всеми пожитки с москотиниными, и рыбными, и мясными, и хлебными, и всякими товары лавки и анбары по редом необычным огнем от великой погоды погорели без остатку. А сколько божьих церквей, и купеческих, и салдацких, и протчих чинов людей дворов и лавок со всякими товары згорело, о том при фискальном свидетельстве посланной из Сызранской канцелярии городничей Григорей Алакаев по данной ему инструкции, осмотра, описал. С которой описи при сем доношении в Высокий Сенат посланы точные копии. А апреля ж 28-го да сего мая 6-го чисел в доношениях сызранского купечества старосты Степана Кузнецова, да сызранских пашенных салдат сотников Ивана Щекина, Ивана Скорнякова, Василья Долгова, Василья Куланева, Ивана Морковкина написано. За помянутым де от огненного пожару разорением пришли все в скудость, отчего многие из Сызрана разошлись врознь. А по вышеписанному печатному его императорского величества указу на генварскую треть сего года подушные деньги збирать незначеты были. А ныне де, как с купечества и с цехов, так и с салдат за вышеписанным огненным разорением подушные деньги не токмо на нынешнею сего года генварскую треть, но и впредь будущие годы взять нечего, и чтоб повелено было о учинении милостивого его императорского величества о даче им купечеству, и цехом, и салдатом в подушном зборе сроку указу, куда надлежит писать. Того ради сим доношением униженно с прошением требуетца, дабы повелено было в Высоком Сенате о вышеписанном решение учинить.

Маэор и воевода Степан Обухов // (Л.1095)

№	церкви	Опись погорелым церквам
1	церковь	во имя явления Казанския Богородицы при оной же церкви девичей манастырь на нем тритцеть келеи
2	церковь	во имя Сергия Чудотворца
3	церковь	во имя Живоносные Троицы
4	церковь	во имя Иоанна Предтечи
5	церковь	во имя Николая Чудотворца

№ дворы Служители церковные погорелые дворы

1	двор	соборной церкви протопопа Григорья Кандратова
2	двор	понамаря Лариона Матвеева
3	двор	соборной церкви попа Матвея Иванова
4	двор	дьякона Микиты Гарасимова
5	двор	дьякона Федора Семенова
6	двор	соборной церкви попа Сергея Петрова
7	двор	церкви Иоанна Предтечи попа Ивана Петрова
8	двор	дьякона Фомы Прокофьева
9	двор	дьячка Данилы Иванова
10	двор	понамаря Лазыря Аверкиева
11	двор	Казанские церкви попа Федора Михайлова
12	двор	попа Данилы Иванова
13	двор	дьякона Степана Михайлова
14	двор	понамаря Алексея Иванова
15	двор	дьячка Петра Иванова
16	двор	Троицкие церкви попа Кирилы Петрова
17	двор	попа Василья Семенова
18	двор	дьякона Алексея Васильева // (Л.1095об.)
19	двор	дьячка Ивана Кузьмина
20	двор	понамаря Петра Иванова
21	двор	Семена Просвирнина
22	двор	духовных дел подьячего Федора Вершинина
23	двор	подьячего Ивана Тальскова
24	двор	подьячего Ивана Шанина
25	двор	подьячего Петра Тальскова
26	двор	подьячего Леонтья Дмитриева

Дворцовые крестьяня

1	двор	Ивана Денисова
2	двор	Григорья Семенова
3	двор	Савелья Удникова

4	двор	Алексея Гаврилова
5	двор	Афонасея Игнатьева
6	двор	Григорья Васильева
7	двор	Матвея Михайлова
8	двор	Степана Иванова
9	двор	Семена Яковлева
10	двор	Кузьмы Васильева

Помещиковы

1	двор	Сидора Слепова
2	двор	Ивана Остафьева
3	двор	помещика маэора Ивана Насакина
4	двор	помещика Аникиева
5	двор	Карпа Тимофеева
6	двор	Александра да Ивана Львовичев Нарышкиных
7	двор	Михаилы Кондырева // (Л.1096)

Коликое число згорело сызранских купецких дворов их

1	двор	Ивана Васильева
2	двор	Петра Спорышкова
3	двор	Афонасья Мыльникова
4	двор	Дмитрия Бородулина
5	двор	Ефима Чукина
6	двор	Ивана Мыльникова
7	двор	Василья Косова
8	двор	Василья Строгальщикова
9	двор	Сергея Лосева
10	двор	Гаврилы Шинкарева
11	двор	Михаила Климова
12	двор	Григорья Арзамасцова
13	двор	Ивана Кастентинова
14	двор	Петра Столетова
15	двор	Егора Климова
16	двор	Никиты Климова
17	двор	Ивана Афонасьева
18	двор	Степана Кузнеца
19	двор	Ильи Мельникова
20	двор	Василья Звонарева
21	двор	Ермолая Калашникова // (Л.1096 об.)
22	двор	Прокофья Подсевальщикова
23	двор	Трофима Дементьева
24	двор	Григорья Жлудягина
25	двор	Ивана Володимерцова

26	двор	Прокофья Плеханова
27	двор	Петра Светликова
28	двор	Никиты Микулаева
29	двор	Федора Карпова
30	двор	Степана Сидякина
31	двор	Алексея Володимерцова
32	двор	Никиты Володимерцова
33	двор	Родиона Михайлова
34	двор	Григорья Барышникова
35	двор	Обрама Кандратьева
36	двор	Степана Коклячки
37	двор	Петра Лапотникова
38	двор	Степана Ерофеева
39	двор	Игнатъя Скорнякова
40	двор	Прокофья Подсевальщикова
41	двор	Григорья Шинкарева
42	двор	Михаила Тихонова
43	двор	Якова Лаптева
44	двор	Ивана Калашникова
45	двор	Михаила Калашникова
46	двор	Григорья Малафеева
47	двор	Афонасья Теплова
48	двор	Петра Данилова // (Л.1097)
49	двор	Леонтея Котельникова
50	двор	Максима Гаврилова
51	двор	Семена Петрова
52	двор	Михаила Бояркина
53	двор	Алексея Антонова
54	двор	Гаврила Калашникова
55	двор	Якова Бабкина
56	двор	Перфилья Ушенина
57	двор	Сергея Быкова
58	двор	Петра Быкова
59	двор	Семена Трофимова
60	двор	Ивана Павлыгина
61	двор	Василья Красавина
62	двор	Конона Свешникова
63	двор	Андрея Горбунова
64	двор	Тимофея Серебрякова
65	двор	Якова Щекачева
66	двор	Петра Акифьева
67	двор	Алексея Молева
68	двор	Тимофея Лыпина
69	двор	Михаила Малафеева
70	двор	Фомы Алексеева

71	двор	Гаврилы Петрова
72	двор	Семена Федотова
73	двор	Петра Александрова
74	двор	Ивана Щекачева
75	двор	Ивана Голощапова
76	двор	Ерофея Иванова
77	двор	Семена Баскакова
78	двор	Михаила Баскакова
79	двор	Агея Мочалина
80	двор	Костентина Артемьева // (Л.1097об.)
81	двор	Максима Данилова
82	двор	Ивана Андреева
83	двор	Никифора Коробеищикова
84	двор	Тимофея Кирпишникова
85	двор	вдовы Ивановой дочери
86	двор	Ильи Жаркова
87	двор	Григорья Седова
88	двор	Василья Васильева
89	двор	Макара Иванова
90	двор	Савелья Сорокина
91	двор	Володимера Пахомова
92	двор	Анисима Соболева
93	двор	Василья Часовникова
94	двор	Ивана Ветлуги
95	двор	Ивана Прянишникова
96	двор	Филипа Епанешникова
97	двор	Семена Алексева
98	двор	Василья Семибратеникова
99	двор	Ивана Антипина
100	двор	Ивана Жадаева
101	двор	Афонасья Шапошникова
102	двор	Григорья Кузнецова
103	двор	Андрея Жеребцова
104	двор	Гаврилы Московцова
105	двор	Якова Пускова
106	двор	Ивана Петрова
107	двор	Матвея Косова
108	двор	Леонтья Мыльникова
109	двор	Федора Федорова
110	двор	Василья Иванова
111	двор	Харитона Авдокимова
112	двор	Максима Седова
113	двор	Дмитрея Исаева
114	двор	Степана Терентьева
115	двор	Кирилы Горбуна // (Л.1098)

116	двор	Дмитрея Шувата
117	двор	Ивана Иванова
118	двор	Василья Шлыгина
119	двор	Леонтья Федорова
120	двор	Ивана Степанова
121	двор	Еремея Иванова
122	двор	Ивана Савельева
123	двор	Ивана Колмогора
124	двор	Никиты Борцова
125	двор	Гаврилы Московцова
126	двор	Петра Мещерякова
127	двор	Трофима Старцова
128	двор	Романа Калашникова
129	двор	Лазыря Кандратьева
130	двор	Григорья Суботина
131	двор	Степана Андреева
132	двор	Михаила Долотова
133	двор	Ивана Татаркина
134	двор	Ивана ж Татаркина
135	двор	Василья Иванова
136	двор	Никиты Смирнова
137	двор	Семена Шлыгина
138	двор	Алексея Страхова
139	двор	Василья Жигая
140	двор	Федора Игнатьева
141	двор	Якова Скворцова
142	двор	Дениса Шатченина
143	двор	Петра Пускова
144	двор	Михаила Ближина
145	двор	Исая Жижина
146	двор	Ивана Арзамасцова
147	двор	Ивана Васильева
148	двор	Никиты Навознова
149	двор	Ивана Пускова
150	двор	Афонасья Степанова
151	двор	Семена Кузнецова // (Л.1098об.)
152	двор	Ивана Иванова
153	двор	Григорья Котомы
154	двор	Степана Кузнецова
155	двор	Прохора Рукафкина
156	двор	Степана Рукафкина
157	двор	Василья Солодовникова
158	двор	Андрея Ерыклинцова
159	двор	Филиппа Глибникова
160	двор	Федора Жеребцова

161	двор	Федора ж Жеребцова
162	двор	Федота Веденисова
163	двор	Семена Шапошникова
164	двор	Федора Жадаева
165	двор	Ивана Мостылева
166	двор	Якова Микулаева
167	двор	Василья Титова
168	двор	Леонтья Рукавишникова
169	двор	Осипа Девятого
170	двор	Ивана Сибрикова
171	двор	Бориса Скорнякова
172	двор	Никифора Жадаева
173	двор	Ивана Щекачева
174	двор	Ивана Петрова
175	двор	Савы Завороткова
176	двор	Андрея Завороткова
177	двор	Михаилы Алексеева
178	двор	Артемья Федорова
179	двор	Афонасья Смирнова
180	двор	Матвея Иванова
181	двор	Игнатья Болдырева
182	двор	Гордея Акундинова
183	двор	Андрея Месникова
184	двор	Федора Хрущева
185	двор	Андрея Красильникова
186	двор	Данила Панкова // (Л.1099)
187	двор	Андрея Плотникова
188	двор	Ивана Котельникова
189	двор	Потапа Пименова
190	двор	Федора Шапошникова
191	двор	Юды Шапошникова
192	двор	Ефима Еремеева
193	двор	Михаила Бабкина // (Л.1100)

Реэстр, что згорело лавок и каких чинов чьи лавки

№	лавки	а именно щепетинные
1	лавка	Гаврилы Дмитриева
2	лавка	Игнатья Скорнякова
3	лавка	канцеляриста Алексея Кандалаева
4	лавка	Гаврилы Дмитриева
5	лавка	Игнатья Скорнякова
6	лавка	канцеляриста Ивана Кандалаева
7	лавка	Афонасья Павлыгина

8	лавка	Егора Климова
9	лавка	Афонасья Мыльникова
10	лавка	Василья Строгольщикова
11	лавка	Федора Жадаева
12	лавка	Игнатъя Скорнякова
13	лавка	Егора Климова
14	лавка	Федота Строгольщикова
15	лавка	Ивана Жадаева
16	лавка	Семена Петрова
17	лавка	Ивана Арзамасцова
18	лавка	Василья Быкова
19	лавка	Василья Володимерцова
20	лавка	Семена Шлыгина
21	лавка	Андрея Зиновьева
22	лавка	Ивана Пускова
23	лавка	Григорья Климова
24	лавка	Федора Епанешникова
25	лавка	Михаила Бояркина
26	лавка	Игнатъя Селетькова
27	лавка	Савелья Завороткова
28	лавка	Егора Климова
29	лавка	пашенного салдата Минея Безбородова // (Л.1100об.)
30	лавка	Ивана Володимерцова
31	лавка	Федора Жеребцова

Хлебные анбары

1	лавка	Семена Шлыгина
2	лавка	Василья Строгольщикова
3	лавка	Федота Веденисова
4	лавка	Леонтъя Мыльникова
5	лавка	Степана Кузнецова
6	лавка	Ивана Володимерцова
7	лавка	Никиты Борцова
8	лавка	Алексея Шахматова
9	лавка	Сергея Лосева
10	лавка	Петра Пускова

Мясные лавки

1	лавка	Федора Жеребцова
2	лавка	салдата Алексея Корепина
3	лавка	Петра Пускова
4	лавка	Леонтъя Мыльникова
5	лавка	Екима Чюнина

6	лавка	канцеляриста Алексея Кандалаева
7	лавка	Афонасья Павлыгина
8	лавка	Федора Крашениньякова
9	лавка	Меркула Болдыря
10	лавка	Никиты Борцова
11	лавка	Якова Пускова
12	лавка	Леонтья Мочалина
13	лавка	Ивана Антипина
14	лавка	Ивана Мыльниковца
15	лавка	Афанасья Павлыгина
16	лавка	Федора Жеребцова
17	лавка	Петра Пускова
18	лавка	Афанасья Павлыгина // (Л.1101)

Реэстр о згорелых дворах сызранских пашенных салдат

1	двор	вдовы салдацкой жены Катерины Степановой дочери
2	двор	Кузьмы Родионова сына Скромнова
3	двор	Ефима Потехина
4	двор	Петра Овцына
5	двор	Федора Ефремова сына Потехина
6	двор	Ивана Чюлошникова
7	двор	Екима Чюлошникова
8	двор	Федора Янчикова
9	двор	Ивана Нашивашникова
10	двор	Миня Усачева
11	двор	Алексея Михайлова сына Зубова
12	двор	вдовы салдацкой жены Матрены Митрофановой
13	двор	Леонтья Соловьева
14	двор	Петра Гущина
15	двор	Леонтья Хлебникова
16	двор	Степана Ковшешникова
17	двор	Ермолая Ковшешникова
18	двор	Семена Волкова // (Л. 1101об.)
19	двор	Ивана Малетина
20	двор	Петра Потехина

В другой проезжей улице

21	двор	Семена Казачкова
22	двор	Володимера Масленикова
23	двор	Осипа Рострыгина
24	двор	Федора Красенькова
25	двор	Михаилы Хлебникова
26	двор	Василья Кирпишникова

27	двор	Михаилы Раева
28	двор	Гарасима Архипьева
29	двор	Ивана Кирпишникова
30	двор	Степана Мартынова
31	двор	Ивана Плотенкова
32		Данилы Мардвинкина
33	двор	Прокофья Плотенкова
34	двор	Антон Плотникова
35	двор	Терентья Тафтина
36	двор	Алексея Шапошникова
37	двор	Данилы Мухина
38	двор	Осипа Осипова
39	двор	вдовы Прасковьи Васильевой дочери
40	двор	Анисим Петрова сына Шустова // (Л.1102)
41	двор	Ивана Крылова
42	двор	Федора Белоусова
43	двор	Алексея Тафтина
44	двор	Федора Желобова
45	двор	Абрама Горшкова
46	двор	Якова Раева
47	двор	Семена Рыбакина
48	двор	Ивана Буровина
49	двор	вдовы салдацкой жены Орины Яковлевои
50	двор	Ивана Гусели
51	двор	Дмитрея Яковлева сына Ядринцова
52	двор	Тимофея Ядринцова
53	двор	Ивана Корякина
54	двор	вдовы салдацкой жены Татьяны Мелентьевои
55	двор	новоприписного салдата Тимофея Горбунова
56	двор	Алексея Морозова
57	двор	Ивана Скорнякова
58	двор	Ивана Корякина
59	двор	Петра Мелентьева
60	двор	Матвея Зеленова
61	двор	Семена Шустова
62	двор	новоприписного салдата Лазыря Прокофьева // (Л.1102об.)
63	двор	Антон Брындина
64	двор	вдовы салдацкой жены Настасьи Андреевои
65	двор	Анисима Архипова
66	двор	вдовы салдацкой жены Дарьи Рукавишниковои
67	двор	Сергея Корякина
68	двор	Бориса Корякина
69	двор	Ларивона Солодовникова
70	двор	Ивана Макаренкова

От реки Крымзы в третьей улице

71	двор	Андрея Зузолина
72	двор	Ивана Коротихина
73	двор	новоприписнова салдата Ивана Хлебникова
74	двор	Дмитрея Давыдова
75	двор	Сергея Маслова
76	двор	Петра Унженикова
77	двор	Прокофья Зорина
78	двор	новоприписнова салдата Дмитрея Кочева
79	двор	Ивана Потехина
80	двор	Петра Хлебникова
81	двор	Кузьмы Родионова
82	двор	Наума Кандратьева
83	двор	новоприписного салдата Алексея Чиркова
84	двор	Степана Фирсова
85	двор	Андрея Хрусталева // (Л.1103)
86	двор	Федора Сырова
87	двор	Семена Семенова
88	двор	новоприписнова салдата Кузьмы Потсевалова
89	двор	Самоилы Трофимова
90	двор	новоприписнова салдата Микиты Плечикова
91	двор	новоприписнова салдата Ивана Серова
92	двор	Ивана Серова
93	двор	Якова Серова
94	двор	Луки Назарова
95	двор	Петра Носова
96	двор	явшего салдата Леонтья Сыромятникова
97	двор	Ерофея Ананина
98	двор	Савелья Рыбакина
99	двор	Савелья Волкова
100	двор	новоприписнова салдата Ивана Красильникова
101	двор	Петра Сыромятникова
102	двор	Афонасья Голубятникова
103	двор	Ивана Перши
104	двор	Сидора Чернова
105	двор	Андрея Колесникова
106	двор	Федора Рукавишникова
107	двор	Дмитрея Таганцова
108	двор	Ивана Морковкина
109	двор	Данилы Серова // (Л.1103об.)
110	двор	новоприписнова салдата Ивана Кандратьева
111	двор	Федосея Плотникова
112	двор	Трофима Менкова
113	двор	явшего салдата Василья Васильева

- 114 двор Дьяка Ремезова
115 двор Семена Обросимова
- От Крымзы реки в четвертой улице церковь во имя
Николая Чудотворца
згорело и оное место впусе
- 116 двор Ивана Попова
117 двор Ивана Керницова
118 двор Ивана Сорокина
119 двор Матвея Мещерина
120 двор Федора Шерстобитова
121 двор Ивана Санникова
122 двор Павла Кондырева
123 двор Максима Мордвинкина
124 двор Алексея Казанцова
125 двор вдовы салдацкой жены Матрены Андреевой дочери
126 двор Трофима Извощикова
127 двор новоприписного салдата Андрея Баклина
128 двор Гаврилы Филатова
129 двор новоприписного салдата Ивана Потпаска
130 двор Ерофея Кузьмина // (Л.1104)
131 двор Микиты Серебрякова
132 двор Егора Таволжанцова
133 двор Михайлы Шапошникова
134 двор Макара Потпаска
135 двор Ивана Бычки
136 двор Микиты Хурты
137 двор Григорья Кандина
138 двор Тимофея Полева
139 двор Михея Сыромятникова
140 двор новоприписного салдата Семена Сенатуева
141 двор Пиксима Мартынова
142 двор новоприписного салдата Ивана Лукьянова
143 двор Степана Исаева
144 двор Степана Соколова
145 двор вдовы салдацкая жены Агрофены Павловой дочери
146 двор Петра Жегалина
147 двор Ивана Секерина
148 двор Ивана Меркульева
149 двор Григорья Зорина
150 двор Артемья Меркулолова
151 двор Савелья Слепушкина
152 двор Федора Кубека // (Л.1104об.)
153 двор новоприписного салдата Андрея Шлыкова

-
154	двор	Ивана Малявина
155	двор	вдовы салдацкой жены Ульяны Григорьевой
156	двор	Кузьмы Шибая
157	двор	Василья Колотилина
158	двор	Ивана Жегалина
159	двор	Тимофея Горбунова
160	двор	Василья Камаева
161	двор	Ивана Андреева
162	двор	Павла Подсевалова
163	двор	Данилы Хомутникова
164	двор	Федора Санникова
165	двор	Степана Кормщика
166	двор	Михаила Кузнецова
167	двор	новоприписного салдата Бориса Калашникова
168	двор	Василья Щекина
169	двор	Макара Мещерякова
170	двор	Ивана Телкова
171	двор	Антон Старикова
172	двор	вдовы салдацкой жены Аксиньи Иевлевой дочери
173	двор	Петра Ялышевцова
174	двор	вдовы салдацкой жены Василисы Кузминой
175	двор	Матрены Остафьевой дочери // (Л.1105)
176	двор	Тихон Извощиков
177	двор	Ивана Карпава
178	двор	Ивана Мазина
179	двор	Ивана Щекина
180	двор	Игнатя Калмыкова
181	двор	Федора Глаткова
182	двор	подъяческой жены вдовы Дарьи Максимовой

От Крымзы реки в пятой улице

183	двор	Ивана Обышникова
184	двор	Ивана Глупышева
185	двор	Логина Извощикова
186	двор	Алексея Ларионова
187	двор	Игнатя Королева
188	двор	Евсея Иванова сына Чернова
189	двор	Лариона Чанникова
190	двор	Алексея Рыбакина
191	двор	Василья Рыбакина
192	двор	Федора Васильева
193	двор	Алексея Лебедева
194	двор	Гаврилы Краснова
195	двор	Филипа Кучкина

-
196	двор	Ивана Левонтьева
197	двор	Никиты Ухмака
198	двор	Ивана Орлова
199	двор	Лукьяна Летягина // (Л.1105об.)
200	двор	Якова Криворотова
201	двор	Никиты Кандартцова
202	двор	Семена Яковлева
203	двор	Ивана Черноярова
204	двор	Архипа Малышева
205	двор	Андрея Епанешникова
206	двор	Федора Охлестина
207	двор	Петра Плаксина
208	двор	Ефима Немова
209	двор	Афонасья Зорина
210	двор	вдовы Аксиныи Елфимовой
211	двор	Афонасья Капылова
212	двор	вдовы салдацкой жены Натальи Фроловой
213	двор	Степана Красавина
214	двор	Василья Таванева
215	двор	Ивана Журавлева
216	двор	Григорья Баннова
217	двор	Никиты Бердникова
218	двор	Алексея Голощапова
219	двор	Ивана Кашаева
220	двор	Никиты Болдобина
221	двор	Купреяна Васильева сына Полякова
222	двор	бывшего салдата Артемья Баннова
223	двор	Григорей Тонкопряткин
224	двор	Тихон Красной
225	двор	вдовы салдацкой жены Авдотьи Лянгузовой
226	двор	Спиридона Краскова // (Л.1106)
227	двор	вдовы салдацкой жены Маланьи Степановой
228	двор	Семена Краснова
229	двор	Никиты Кривова
230	двор	Микиты Барана
231	двор	Захара Бердникова
232	двор	Силантья Борцова
233	двор	Максима Бочкарева
234	двор	Алексея Копеешнова
235	двор	Алексея Телегина
236	двор	Ивана Чернова
237	двор	Лукьяна Красильникова
238	двор	Валодимера Сапожникова
239	двор	новопричисленного салдата Сергея Рачкова
240	двор	Василья Таговцова

241	двор	Макара Кузнецова
242	двор	Якова Горчакова
243	двор	Микиты Гусятникова
244	двор	Маркела Усачева
245	двор	новопричисленного салдата Ивана Смирнова
246	двор	Егора Булгакова
247	двор	Якова Ремнева
248	двор	Федора Белобородова
249	двор	Терентия Борцова
250	двор	Андрея Кузнецова

В шестой улице погорелые места

251	двор	Андрей Иванов сын Хлебников
252	двор	Петр Ченуров // (Л.1106об.)
253	двор	Михаила Мартьянова
254	двор	Василеи Сухоруков
255	двор	Иван Нартов
256	двор	Петра Новикова
257	двор	Максима Товакова
258	двор	Максима Карягина
259	двор	Маркела Дуболаза
260	двор	Федора Лянгузова
261	двор	Филимона Савельева
262	двор	Ивана Журавлева
263	двор	Михаилы Пушкарева
264	двор	Михаилы Журавлева
265	двор	Федор Журавлева
266	двор	Никиты Журавлева
267	двор	Еким Мокушнов
268	двор	Михаила Воронов
269	двор	Иван Михайлов
270	двор	Савелья Маркова
271	двор	Иван Денисова
272	двор	Якова Попова
273	двор	Семена Карягина
274	двор	Михаила Говорухина
275	двор	Василья Киселева
276	двор	Сергея Мещерякова // (Л.1107)
277	двор	Артем Чакрыгин
278	двор	Ефима Кузнецова
279	двор	Алексея Прянишникова
280	двор	Ивана Тенешинцова
281	двор	Федора Тенешинцова
282	двор	Степана Полосухина

- 283 двор Прокофья Красильникова
284 двор Семена Извозщикова
285 двор Федота Ярцова
286 двор Алексея Кордешина
287 двор Ивана Варганова
288 двор Алексея Легошина

в седьмой улице погорелые места

- 289 двор Василья Березина
290 двор Григорья Шляпкина
291 двор Петра Шляпкина
292 двор Ивана Маркова
293 двор вдовы салдацкой жены Прасковьи Естифьевой
294 двор Никифора Кузнецова
295 двор Данилы Голдобина
296 двор Степана Епанешникова
297 двор Митрофан Карягин
298 двор Якова Бочкарева
299 двор Ивана Усольцова
300 двор Григорья Масленикова // (Л.1107об.)
301 двор Дмитрея Краснова
302 двор Фрола Таволгина
303 двор Ивана Засыпки
304 двор Григорья Мартьянова
305 двор Федора Мещерякова
306 двор Степана Кирсанова
307 двор Ивана Онучина
308 двор Ивана Тонкова
309 двор салдацкая жена Анны Нартовой
310 двор Сергея Мухина
311 двор Савелия Масленникова
312 двор Федора Ярцова
313 двор Антона Барака
314 двор Алексея Петрова
315 двор Емельяна Мостылева
316 двор Василья Вертушкина
317 двор вдова Петра Осипова Афимья Гаврилова

В восьмой застенной улице погорелых мест

- 318 двор Артемья Похатина
319 двор новоприписного салдата Афанасия Савинова
320 двор Ивана Сапожникова
321 двор Якова Сапожникова // (Л.1108)

322	двор	Василей Шиш
323	двор	Иван Бобылев
324	двор	Дмитрея Чертякова
325	двор	Никиты Исакова
326	двор	Осипа Ушакова
327	двор	Лукьяна Соколова
328	двор	Авдокима Ушакова
329	двор	Федора Привалова
330	двор	Федора Красильникова
331	двор	Микиты Накраиникова
332	двор	Клима Карсунцова
333	двор	Григорья Усова
334	двор	Никиты Заицова
335	двор	Григорья Абакумова
336	двор	Максима Решетникова
337	двор	Михаила Полканова
338	двор	Михаила Лепешника
339	двор	Ильи Запрометова
340	двор	Ильи Варакина
341	двор	Ивана Софонова
342	двор	Ивана Мельникова
343	двор	Гаврила Пототуева
344	двор	Андрея Мешешникова

Всего церкви лавок и дворов сгорело

РГАДА Ф.248. Кн.722. Л. Л. 1094-1108.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Впервые книга И.К. Кирилова была опубликована в 1831. Мы в настоящее время пользуемся последним, наиболее точным изданием этой монументальной работы. См.: Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977.

² РГИА. Ф. 1343. Оп. 15. Д. 377. Опубликовано в: Самарское Поволжье с древности до конца XIX в. Сборник документов и материалов. Самара, 2000. С. 156-158

³ Алабин П.В. Несколько старинных документов, относящихся до истории г. Самары и Самарского края. Самара, 1890

⁴ РГАДА Ф.248. Кн.722.

С.Ф., Н.С. И М.С. ПЛАТОНОВЫ.
ПИСЬМА ИЗ САМАРЫ (1931 – 1933 гг.)
(Из писем к Надежде Сергеевне Платоновой)¹

(публикация подготовлена П.С. Кабытовым и Э.Л. Дубманом*)

оследние годы академика С.Ф. Платонова прошли в краевом центре Самаре, куда он был сослан по окончании следствия по так называемому «Академическому делу». Об этом периоде жизни выдающегося российского историка сохранилось крайне мало сведений². И поэтому письма Сергея Федоровича и его дочерей из Самары, любезно предоставленные для публикации в нашем журнале Татьяной Дмитриевной Федоровой, правнучкой С.Ф. Платонова, представляют особую значимость³. За мелкими происшествиями, маленькими радостями и невзгодами повседневной жизни в ссылке, а писать о серьезных и значимых вещах было в то время невозможно, внимательный читатель должен увидеть боль и трагизм людей, попавших под жернова послереволюционной эпохи.

***

14 декабря 1931г.

из Самары – к Надежде Краевич от С.Ф.Платонова

Дорогая Наденька! После твоей открытки от 25.11 писем и открыток от тебя не было. Я беспокоюсь. Пишу тебе по пятницам. Мы похворали: я простудился и хворал с неделю, а затем захворала Маруся и лежит до сих пор. Но ее болезнь (ревматизм лодыжки) проходит благополучно. Я гуляю, но в снегу ходить мне трудно, и потому прогулки коротки. У нас гостит Наташа с Танечкой (*Измайловы*). Очень милая девочка. Все возится в снегу. Как живете вы? Как здоровы? Целую Вас. – Ваш папа.

15 декабря 1931 г.

из Самары – к Надежде Краевич

Дорогая Наденька! Сегодня утром получили твое письмо от 2.12 и открытку от 5.12. Письмо шло через Киев и потому замедлилось. У нас полная зима, много снега. Мы здоровы: Марусин ревматизм проходит благополучно, и она сегодня-завтра встанет. Масса снега мешает мне гулять. У нас гостит Наташа с Танечкой (*Измайловы*). Обе очень милы. На твои письма буду отвечать обстоятельно завтра. Теперь благодарю за то, что от тебя и твоих вижу: за письма, и за кофточки, и за посылку. Судя по снимкам, ты поправилась в лице и в плечах, повзрослела, что меня очень радует. Будьте здоровы, мои дорогие. – Ваш Папа.

---

* © Кабытов П.С. – доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории Самарского государственного университета, 2011

© Дубман Э.Л. – доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории Самарского государственного университета, 2011

Приписка. Милая Надечка! Крепко целую тебя и твоих. Живем в хлопотах, но и радости: у нас дорогие гости. Танюша (*Измайлова*) очень мила, она много болтает, уже читает самостоятельно и производит впечатление умненького, жизнерадостного и хорошенького существа. Будьте здоровы. – Нина (*Платонова*).

11 января 1932 г.

из Самары – к Надежде Краевич от С.Ф.Платонова

Дорогая Наденька! Сегодня получили твою открытку от 1.01. Мы пишем тебе аккуратно; последний раз писали тебе в пятницу, 8.01., а твоя последняя открытка была от 24.12 и пришла к нам 3.01. Как будто перерывов в переписке не было, но от тебя ждали мы письма. Мы благополучны. Марусино нездоровье еще тянется, и она на воздух еще не выходит, но по комнатам движется свободно. Я выхожу. Целую вас, дорогие. Вашей посылкой наслаждаемся; спасибо! Писать вам буду на днях – в пятницу. – Папа.

15 января 1932 г.

из Самары – к Надежде Краевич от С.Ф.Платонова

Дорогая Наденька! Только что получили Ваши письма от 4.01 и очень благодарим за них. Я не могу сообразить, какие письма могли пропасть. Я пишу аккуратно по пятницам, и только задержал письмо от 8.01, послав его нечаянно 11.01. Будем надеяться, что почта исправится. У нас некоторое влияние оказывают снежные заносы: снегу много и у нас он ослепительно бел и красив, но иногда досаден. Твой брат Миша и сестры здоровы и нам пишут часто. Как и ты, я в настоящую минуту ограничиваюсь открыткой, но завтра или 17-го буду писать обстоятельно. Неужели в Дуде 83 кило? Colossal! Крепко Вас всех целую. Привет знакомым. – Папа. PS. Посылку еще не кончили. Спасибо!

23 января 1932 г.

из Самары – к Надежде Краевич

Дорогая Наденька! Вчера получили мы Ваши послания от 13-14.01. Спасибо Бусе за интересное послание, а тебе за твои хлопоты о вкусноте. Нам даже совестно за столь энергичные заботы о нас. Не писал тебе вчера (очередной день), потому что вчера нездоровилось: в маленьком домике было слишком тепло и душно. Сегодня все прошло, но в городе будем только утром; потому пишу открытку, а писать по настоящему буду вечером или завтра. Крепко Вас целую. – Папа.

Спасибо за все, дорогие! Бусино письмо очень интересно, мы его читали сообща и были очень довольны. Сейчас еду в город и опушу это письмецо. Будьте здоровы! Целую всех. Дуде желаю удачно найти прозвища для злостных «mateux». – Нина (*Платонова*)

3 мая??июня?? 1932г.

из Самары – к Надежде Краевич от С.Ф.Платонова

Дорогая Наденька! Сегодня нужно бы тебе писать обычное письмо. Но я подожду: у нас на перепутье на несколько дней Наташа (*Измайлова*) по дороге к Ник.Вас. (*Измайлову*) и нет удобства для корреспонденции. Пережду 2-3 дня. За твое письмо крепко тебя целую. Я совершенно выправился от своих недомоганий и радуюсь, что и Буся выздоровел. Вкуснота и посылка еще не показались на нашем горизонте, но ждем терпеливо. Крепко будем рады всему, что пришьлешь. Целую Вас. – Твой Папа.

11 июня 1932г.

из Самары – к Надежде Краевич от С.Ф.Платонова

Дорогая моя Наденька! Пишу тебе в урочный день, хотя благодаря приезде и пребыванию у нас Наташи и Танечки (*Измайловых*) наша жизнь осложнилась, стала более шумной и настроения, необходимого для корреспонденции, налицо нет. Ограничиваюсь тем, что удостоверяю, что я здоров, истерия, если она была, исчезла, сплю хорошо, гуляю мало, потому что почему-то стала болеть мышца левой голени. Посылки твоей еще нет, думаю, потому что произошла ошибка в назначении (вместо Верочки Наташе?). Наташа еще не вернулась до 9-10-го в Питер. Происшествий никаких у нас нет. Живем день за день; погода опять чудная. При ней все в духе, включая и кошку Андромашу. Она превратилась в чудесного кота, ласкового и веселого, нежного аккуратного, трогательного.

Как Вы? Что Боря и «студент»? Как ты себя чувствуешь?

До более будничных дней. Крепко Вас, милые, целую. Будьте здоровы! – Ваш папа.

Приписка. – к Надежде Краевич от Нины Платоновой

Дорогая Надечка! Вчера усиленно вспоминали Бусю и от души желали ему всего хорошего. Как живете? У нас гостит Таня (*Измайлова*), – и, кажется, блаженствует, даже сама удивляется, что не скучает без мамы, хоть сегодня за завтраком и поплакала от тоски по ней. Наташа (*Измайлова*), по видимому, очень устала, но бодра и полна энергии. Теперь ждем Верочку (*Шамонину*), которую задержали дела служебные и семейные. Тата (*Наташа Шамонина*) – «физкультурница», и с этим связано многое, что может тревожить материнское сердце. На вид Тата крепкая, рослая, вообще крупная; волосы у нее белокурые, а курносая мордочка ее очень мила. Муж у нее, говорят, такой же крупный и видный, и о нем говорят все хорошо, лучше, чем о самой Тате. Мы все с нетерпением ожидаем Верочку и надемся, что у нас она отдохнет.

Пишите о себе. За вкусноту «спасибо»! Теперь будем просить у Вас какао и шоколаду, имея в виду нашу милую Танюшу. Крепко целую. – Нина.

2 июля 1932г.

из Самары – к Надежде Краевич от С.Ф.Платонова

Дорогая моя Наденька! Сердечное спасибо за милые Ваши письма и приписки 21.VI. К сожалению, вкуснота не поспела ко дню рождения, но твое письмо было первым приветствием, пришедшим самым утром 1.VII.

От души благодарю! Буду ждать прочего. Вчера выехала Наташа в свое путешествие, и мы ее провожали самыми горячими пожеланиями скорого и благополучного возвращения. Пишу наскоро свою благодарность: письмо скоро будет большое. У нас все обстоит благополучно, но только Миша возится со своим ишиасом. Целую Вас, милые. – Ваш Папа.

29 июля 1932г.

из Самары – к Надежде Краевич от С.Ф.Платонова

Дорогая Наденька! Сегодня мы получили твоё письмо и открытку с извещением о Дудке. Радуюсь, от души поздравляем триумфатора. Рады и за тебя, дорогая. Мы здоровы. Миша выздоравливает, хотя медленно; у нас будет, вероятно, в сентябре. О Наташе ещё не знаем, доехала ли она, или ещё нет. Теперь пишу наскоро, завтра напишу побольше. Крепко Вас дорогие, целую. Будьте здоровы. – Папа.

2 августа 1932г.

из Самары – к Надежде Краевич

Дорогая Наденька! Получили сегодня извещение об успехе Дудки и поздравляем Вас, радуемся вместе с вами, и самого Дудочку поздравляем. Мы здоровы и страдаем от жаров. Нового ничего не имеем. За письмо очень благодарим. Целуем Вас. – Папа

Милые мои, поздравляю Вас с Дудочкиным успехом. Представляю себе, как хорошо ему будет теперь отдохнуть, и как Вы довольны. От Наташеньки получили вчера письмо из устья Печоры, она едет благополучно, но с большими трудностями. Целую тебя. – Маруся (Платонова).

24 августа 1932г.

из Самары – к Надежде Краевич от Нины Платоновой

Дорогая Надечка! Третьего дня получили мы сведения о том, что твой перевод на Торгсин пришел, и со вчерашнего дня снова разбогатели всеми благами, доступными смертному – и сахаром, и мукой, и макаронами, и пр. и пр. Спасибо, милая! Папа просит крепко поцеловать тебя и твоих. Он у нас немножко прихворнул: ему угрожала дизентерия. Теперь все прошло, он совершенно здоров, но от пережитых неприятностей осталось нечто вроде физической лени или попросту слабости, потому и пишу тебе я, а не он.

Сегодня у нас тихий день: Маруся с Танюшей (Измайловой) уехали на дачу к знакомым, нашей домашней работницы тоже нет (сегодня ей полагается свободный день), так что дома остались только мы с папой и Андромаха. Существа мы все тихие и скромные, и так мирно дожили до вечера нашего дня. Я пишу тебе, сидя в папиной комнате, а папа сидит на крыльце и с кем-то беседует из соседей. Поджидаем наших, а потом вечерний чай – и на ночлег. Ещё один день прошел, и слава Богу, – говорили счастливые обломовцы, отходя ко сну. При этом они, зевая, крестили себе, кажется, рот. Мы от этого воздерживаемся, и в этом одно из отличий нашей жизни от жизни обломовцев. Нет, кроме шуток, жизнь наша идет очень однообразно и, в общем, тихо. Постоянно ждем писем со всех концов све-

та. Сегодня получили твое коротенькое письмецо от 14.08 и одновременно с ним открытки от Верочки и от Миши.

Миша сейчас находится в Евпатории, где лечится грязями, и это лечение очень ему помогает. К счастью, сердце у него оказалось прекрасное, и лечение он выдерживает хорошо, а оно очень трудно: по 20 минут приходится лежать зарытым в лечебную грязь с температурой в 50 град. Таких грязевых ванн он уже взял 6 и теперь ожидает осмотра врача. В начале сентября он надеется покончить с лечением и ехать к нам. Можешь себе представить, с каким нетерпением мы его ждем?

О Наташе (*Измайловой*) известно только то, что она доехала к месту своего назначения. Танюша (*Измайлова*) по-прежнему пребывает у нас и наслаждается. Мы так привыкли к ней и так к ней привязались, что трудно представить, как останемся без нее, когда она от нас уедет, но как, с кем и когда она отправится домой, до сих пор неизвестно. Это решится, когда от Наташи (*Измайловой*) будут получены известия об ее дальнейших планах. Нам бы, конечно, очень хотелось, чтобы она нашла возможность еще раз заехать к нам, чтобы самой взять Танюшку. Верочка уже дома и вошла в свою работу. По-видимому, она ею очень увлечена. Ее молодежь сейчас с нею. Тата (*Наташа Шамонина*) тренируется, участвует в состязаниях (ее специальность – легкая атлетика) и потом празднует и торжествует собственные успехи. Жизнь ее, по-видимому, течет в эмпиреях. Костя, ее муж, много и серьезно учится: он – медик. Его все очень хвалят.

А как поживает наш медик? Что его поездка на юг и когда ты думаешь проехать к нему? Не помешает ли тебе «сезон»? Как здоровье Буси? Писем от тебя и твоих всегда ждем с нетерпением и получаем с радостью. Пишите! Будьте все здоровы и всем довольны! Крепко целую тебя и твоих. – Нина.

28 сентября 1932г.

из Самары – к Надежде Краевич от С.Ф.Платонова

Дорогая Наденька! Пишу тебе два слова, чтобы известить, что мы от своих болезней выздоровели: и моя малярия, и Танина простуда прошли благополучно. Жалуемся только на погоду, на холод и на нередкий дождь. Самара как будто переменяла климат во вторую половину лета. Когда потеплеет (а я в это верю), напишу тебе больше. Радуемся за тебя, за Дудку, и желаем вам подольше пользоваться Лазурным берегом. Наш памятный день 30.09 будем вспоминать в его всех подробностях. Будем вспоминать дорогу, отошедшую от нас. В этот день мы званы на именины к ..... – тоже память о прошлом. Целую всех. – Папа.

29 ноября 1932 г.

из Самары – к Надежде Краевич от Марии Платоновой

Милая Наденька! Получила ли ты папочкино письмо? Я нарочно не заменила конверта, – думаю, что оно дошло и так. Это первое письмо, напи-

санное им за время болезни; до сих пор он только начинал писать и бросал. Последнее время он как будто бодрее. Много и с аппетитом ест и пополняет за болезнь. Если бы ты видела, с каким удовольствием он ест икру, закуски, компоты, шоколад и печенье, которые я достаю ему по твоему переводу, – ты бы очень порадовалась. Спасибо, милая!

Как Вы живете? По-моему, до нас не дошло твое письмо, предшествовавшее письму с чеком. Как Дуда – студент? Что Боречкина нога? Крепко Вас целую. Будьте здоровы, мои дорогие. – Маруся.

14 декабря 1932г.

из Самары – к Надежде Краевич от Марии Платоновой

Милая моя Надечка! Получили сегодня твою посылку, а перед этим два твоих письма – папе и нам с Ниной. Спасибо, милая, за твои подарки, переводы и заботы. Сумма, которую ты собираешься переводить ежемесячно, даже слишком велика; она позволит обставить папочку не только всем необходимым, но и роскошью, какая здесь достижима. Думаю, что ты осталась бы довольна, если бы видела, как он питается, и какое удовольствие доставляет ему эта вкуснота! А для меня – с точки зрения хозяйства – самое важное – определенность сроков, – она позволит мне распределять расходы так, чтобы не бояться перерывов.

Папа эти дни плохо спит и потому нервничает. Нога его болит меньше, но доктор все-таки обеспокоен краснотой и опухолью, вызванной застоем крови, и прописал ему лежание и горячие ванны. О нашем быте, о моей службе и пр. напишу тебе на днях подробно. Я теперь работаю всего 3,5 часа в день и много бываю дома. Крепко Вас троих целую. Будьте здоровы, мои дорогие. – Маруся.

23 декабря 1932г.

из Самары – к Надежде Краевич от Марии Платоновой

Дорогие мои, с Новым Годом! Желаем Вам всего, всего хорошего, – чтобы все Вам удавалось, чтобы Боречка поправился, и у Дудки были бы такие же успехи, как в этом году. Забавно, что в отношении физики он пошел в родню с нашей стороны, Надечка, а не с отцовской. А как с историей? Твое письмо от 11.12. пришло вчера, и доставило нам с папочкой много удовольствия. Только в одном ты ошиблась: у нас все еще не установилась зима, снегу мало, и он все тает. Последние два дня стоит настоящая оттепель, – закрыв глаза, легко себе представить, что находишься дома.

Спасибо тебе за вкусноту, – она еще не пришла, но к празднику, очевидно, поспеет. Папочка уже щеголяет в новой рубашке, и очень ими доволен. Эту неделю он очень мало и плохо спал и сильно осунулся. Но вчера доктор разрешил ему полуторную дозу веронала, и ночь прошла хорошо, – да и сейчас еще он все спит (11 час.утра). Сердце и печень доктор нашел

в порядке. Будьте здоровы, мои дорогие. Целую Вас крепко и еще раз желаю счастливого Нового Года. – Маруся.

1 января 1933г.

из Самары – к Надежде Краевич от Нины Платоновой

Дорогая Надечка! С Новым Годом! Кончаю письмо, сидя в одиночестве у папочкиной постели. Приехав, застала его в прежнем положении: физическая его слабость – ничто по сравнению с его психическим состоянием. Сегодня он долго не мог повернуться на другой бок, потому что забыл, как это делается, а, вспомнив, перевернулся без всякого труда. Ест он мало и понемногу за раз. Минутами даже нас не узнает, а, узнав, бывает с нами трогательно ласков. Его разговоры – большею частью бред: он говорит о вещах несуществующих, по временам его сильно тревожащих. Беспомощен он, как ребенок: мы с Марусей кормим его с ложечки – иначе он не может. Быть может, я жестока по отношению к тебе, что пишу все это. Но ты хотела знать правду, и мне не хочется от тебя ничего скрывать. Физическое состояние папочки недурно.

От встречи Нового Года он отказался с решительностью здорового человека, и заснул рано, а мы с Марусей сидели в соседней комнате в обществе одного старичка – соседа, трогательно относящегося к папе, и так втроем встретили Новый Год. Было тихо, тепло и уютно. А как Вы? Крепко всех Вас целую. Будьте здоровы и пишите о себе. Нина.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Платоновы:

Сергей Федорович – 1860 – 1933

Надежда Николаевна – 1862 – 1928 (в дев. Шамонина)

Дети:

Нина Сергеевна – 1886 - 1942

Вера Сергеевна — 1888 - 1944 (в зам. Шамонина)

Надежда Сергеевна – 1890 – 1965 (в зам. Краевич)

Наталья Сергеевна - 1894 - 1942 (в зам. Измайлова)

Мария Сергеевна - 1897 - 1942

Михаил Сергеевич - 1899 - 1942

Краевичи

Варвара Михайловна – 1845 ? - 1921 (в дев. Клушина)

Ее дети:

Борис Константинович – 1886 - 1948

Инна Константиновна - 1884 (в зам. Юрьева)

Алексей Борисович (Дудуся, Дудка) - 1912 – 1975 – сын Бориса и Надежды Краевич

**ВЫСТУПЛЕНИЕ ДЕЛЕГАТА ОТ КУЙБЫШЕВСКОЙ ЕПАРХИИ
А.А.САВИНА НА ПОМЕСТНОМ СОБОРЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ
ЦЕРКВИ 1988 ГОДА (ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ)**

(публикация подготовлена диаконом Алексием Подмарицыным*)

1988 году состоялся Поместный Собор РПЦ, главной темой которого было 1000-летие Крещения Руси. Другие темы оказались достаточно привычные: воспитание человека, не чуждого советскому строю, патриотизм, борьба за мир. Но в соборных заседаниях тогда впервые за 70 лет прозвучали открытые суждения об отрицательном отношении советского государства к Церкви. Среди печатных материалов Собора РПЦ 1988 года¹ нет стенограмм выступлений участников – только тексты приветственных выступлений, доклады руководителей различных подразделений Патриархии, и принятые постановления. В скупом и схематическом перечислении выступивших в том или ином заседании делегатов Собора отсутствуют изложения их выступлений.

В списке участников Собора от Куйбышевской и Сызранской епархии (в которую на правах благочиния входила Ульяновская и Мелекесская епархия) перечислены: Гончаров Иоанн, протоиерей, Иоанн (Снычев), архиепископ Куйбышевский и Сызранский, управляющий Ульяновской и Мелекесской епархией, Савин А.А.(от Куйбышевской епархии); Манурин К.Р., Никон (Васюков), игумен (от Ульяновской епархии)².

Архиепископ Куйбышевский и Сызранский Иоанн выступал два раза:

1) 7 июня 1988 года в вечернем пятом заседании, после перерыва, при обсуждении доклада об издательской деятельности РПЦ (докладчик – митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим (Нечаев))³;

2) 8 июня 1988 года в утреннем шестом заседании, при обсуждении доклада о хозяйственной деятельности РПЦ от древности до наших дней⁴.

Секретарь Куйбышевского епархиального управления Андрей Андреевич Савин⁵ упомянут среди выступавших единожды, а именно в вечернем заседании 7 июня 1988 года⁶.

Он был первым в прениях после доклада митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия (Ридигера) «Миротворческая деятельность Русской Православной Церкви».

Его выступление, касавшееся больших вопросов государственного диктата над многими сторонами церковной жизни, было полной неожиданностью для собравшихся в Трапезной церкви Троице-Сергиевой Лавры.

Сейчас неизвестно, сохранилось ли это выступление в стенограмме соборных заседаний. Среди материалов канцелярии Куйбышевского епархиального управления, поступивших на хранение в Самарский епархиальный архив, при разборе было обнаружено 8 листов, исписанных с обеих

---

* © Подмарицын А.Г. – кандидат исторических наук, заведующий Самарским епархиальным архивом, 2011

сторон рукой А.А.Савина⁷. Они представляют собой три варианта материалов, которые с очень большой долей вероятности могли быть озвучены на Соборе РПЦ 1988 года. Общее для всех вариантов – разбивка материала на тематические разделы (фактическая ликвидация права верующих на создание общин и получение сохранившихся культовых зданий; подконтрольность сов- и партработникам финансовой деятельности приходов: просмотр финотчетов, негласные рекомендации по использованию средств, направление их на не церковные цели ; направление в органы управления приходами людей- ставленников советских управленцев, заведомо неверующих; обложение производства предметов культа и свечей скрытым налогом (до 81%); ущемление лиц, работающих в церковных организациях в зарплате и пенсионном обеспечении; ущемление духовенства в его гражданском праве участвовать в управлении приходом; ущемление всех верующих в праве отправления обрядов и таинств на дому; публикация лживых и порочащих верующих измышлений, невозможность опровержения их в печати, и др.).

Если первый вариант более схематичен и минимален по объему, то второй объемнее и содержит достаточно эмоциональные оценки, оригинальный авторский стиль, воспроизводящий манеру говорить покойного А.А.Савина; третий же – более сух, и насыщен конкретными фактами и предложениями, по объему – максимален. Все три варианта не закончены. В тексте видны следы переработки, но возникает и впечатление, что в работе принимал участие и другой автор, который конкретизировал и корректировал первоначальный ход мысли. Думается, что не будет ошибкой предположить, что этим вторым автором был Архиепископ Иоанн (Снычев). Возможно, что именно второй – третий варианты были написаны ими совместно. Весь текст написан рукой Андрея Андреевича. Им же внесены незначительные поправки в первом и втором вариантах.

В настоящей публикации предпринята попытка реконструировать текст выступления А.А.Савина. За основу взят второй вариант. В тех случаях, когда возможно, произведены в квадратных скобках добавления из третьего варианта, содержащих интересные факты, отсутствующие во втором. Сокращенные слова раскрыты, где необходимо по смыслу – текст согласован.

*Реконструкция выступления делегата от Куйбышевской епархии
А.А. Савина на Поместном Соборе РПЦ 7 июня 1 988 года*

С детства (год рожд. 1920) я видел только притеснения и репрессии против Церкви и верующих. А Церковь – это общество верующих, объединенное одним учением. В 1929-30 годах ввиду коллективизации многих священников репрессировали. С 1934 года началось закрытие церквей, потом было снятие с действующих церквей колоколов и разбитие их на глазах верующих (многие стояли и плакали), а ведь тогда было не 90% верующих; потом массовое закрытие церквей, взрывы их; а в 1937г. и арест почти всего духовенства. И власти все время твердили – у нас не преследуют за веру.

Верующие ночами собирались в подвалах и молились, но горе было, если их застигнут. За всю мою сознательную жизнь (60 лет) весь аппарат государства был направлен против Церкви, значит против верующих.

С конца войны начали открывать храмы, но с каких нехотением, а в 60-е годы снова репрессии против церкви, снова насильное закрытие церквей. Покойный Хрущев называл идеологию Православной Церкви реакционной, а мы, значит и все верующие – реакционеры. Но я, например (имея незаконченное высшее образование), много раз анализировал учение Русской Православной Церкви и не нашел ничего, чтобы мешало обществу, а наоборот она учит добру, правде, любви, укреплению семьи и искоренению пороков и защите Отечества.

Все выступления (устные и печатные) атеистов искажают наше учение, преподнося его как мрак, невежество, тормоз на пути вперед. Все это вранье, и мы, верующие, ничего не могли поделать. Иногда писали опровержения на их клевету, но никогда наши опровержения не печатались.

И, несмотря на все это, нашей иерархии из патриотического чувства к Родине приходилось говорить неправду о положении Церкви в СССР.

Сейчас, когда в нашей стране стало можно говорить правду (как того требует партия) и только правду обо всем, то и о положении Церкви в СССР надо говорить правду. Государственный, а особенно партийный аппарат и работники КГБ никак не хотят дать свободу Церкви, особенно старые кадровые работники. Им в плоть и в кровь въелась грубая антирелигиозовщина.

Ущемление интересов и прав церкви и сейчас продолжается и выражается оно в следующем:

1. Государственные власти, в частности, председатель Совета по делам религий Харчев, признали, что преследование Церкви в СССР было – выразилось в закрытии церквей, и репрессиях духовенства и активных верующих.

А раз признали, то надо исправить, и вернуть верующим церкви. Но что на местах? Бьются, бьются верующие использовать свое право организовать общину и получить здание церкви (порой полуразрушенное), но местные органы, особенно партийные, предпринимая все, чтобы мы верующие, не могли использовать свое конституционное право.

[По закону верующие имеют право создавать общины, но попробуйте сделать это на местах. Весь районный и партийный аппарат обрушивается на инициаторов, чего только не говорят им, вплоть до намеков на угрозы лишь бы отказались от ходатайств. А по какому праву, если мы равны перед законом, в каждом селе клуб, а верующие должны за 100-150 км ехать в церковь, чтобы справить свои религиозные нужды?]

Почему в каждом селе есть клуб, кино, а верующие должны ездить в церковь за 100-150км?

[В некоторых местах сохранились церковные здания и чаще всего в полуразрушенном состоянии, но как только верующие начинают хлопотать о ремонте из за свой счет и об открытии, власти сейчас же или вешают вывеску магазин (с. Б. Сызган, Ульяновская область) или под музей, музы-

кальную школу. Доходит до смешного: в с. Курумоч, Куйбышевской области около года бьются об отдачу им полуразрушенного здания церкви, но им отвечают: будет там или музей или музыкальная школа. Это в небольшом-то селе огромная каменная церковь, на ремонт ее надо не менее 200 т.р., будет оборудована под музыкальную школу?

Во-первых, это здание строилось для молитвы, а не для музея, во-вторых, где с/совет возьмет такие средства – и подобное и в других местах.]

Разве это справедливо? Например, в огромной Оренбургской области всего 12 действующих церквей, в Ульяновской всего 9, в Куйбышевской 18.

Разрешите в этих областях хоть на один район иметь одну церковь. Говорят – верующих нет. Это вранье, это старый метод притеснения Церкви. Молчание – одна из форм лжи.

2. Мы подписали конвенцию, что верующие имеют право воспитывать своих детей в религиозном духе.

Но по чему их воспитывать? Семьдесят лет не издавалось ни одного учебника по Закону Божию и истории Церкви.

[А дореволюционные издания при закрытии церквей и аресте верующих уничтожались.]

Надо разрешить Церкви издать их, иначе эти и конвенция, и право верующих остаются на бумаге.

3. Создан Совет по делам религий и в каждой области есть Уполномоченные его, которые должны регулировать отношения между Церковью и государством, т.е. чтобы выполнялось законодательство о Церкви. Но они всегда на стороне атеистического аппарата, всегда на стороне местных властей и просто правят церковью, т.к. они поставляются на эту должность местными партийными органами.

4. Говорят, что государственные власти не вмешиваются во внутреннюю жизнь Церкви. Но это только слова, местные органы и Уполномоченные просто правят Церковью – устанавливают штаты, оклады и даже указывают почем продавать свечи, просфоры (Ульяновск), получают от церкви отчеты и делают по ним замечания.

[Надо прекратить вмешательство гражданских и партийных органов во внутренние дела Церкви. Представители государственной власти говорят, мы не вмешиваемся во внутренние дела Церкви, а на самом деле не только не вмешиваются, а просто правят Церковью. Например, Уполномоченные на местах – устанавливают штаты работников церкви, оклады и даже указывают, почем продавать свечи и т.д., получают от них финансовые отчеты и делают по ним замечания.]

В каждой общине есть ревизионная комиссия, но ее роль взяли на себя райисполкомы и Уполномоченные, отчеты церковных советов перед общиной прекратились производиться. Все это делается для подавления активности верующих в самой общине.

Это надо ликвидировать, т.к. это грубое вмешательство во внутренние дела общины.

5. В отношении духовенства проявлена дискриминация – они не только не могут быть избраны общиной председателями общины, но даже не имеют

быть членами 20-ки, как это было до 1961 года, а ведь они равноправные граждане СССР.

Если скажут – ведь такое устройство общины утверждено Собором, но ведь такое изменение было указано из Совета по делам религий⁸ в 1960 году. Это надо разрешить Церкви отменить.

[В отношении духовенства так-же допущена дискриминация: они не могут не только возглавлять общину (как требует того устройство церкви), а даже не могут быть членами общины.]

У настоятелей отобрана хозяйственная часть дел общины, а на должность старосты местные власти часто проталкивают не церковных людей, отсюда нестроение в общине, как говорится, чего и хотят власти. А ведь священники равноправные граждане СССР.

Если власти ссылаются, что это положение утвердил Собор, то можно спросить, а кто дал такое указание? Совет по делам религий. А ведь это изменение заставили ввести в 60-е годы.]

6. Духовенство и сейчас не может полностью удовлетворить духовных потребностей верующих. Например: запрещено на дому отпевать покойников или совершить молебен – помешают соседям, а музыка (порой непристойная) гремит на все этажи – это можно.

[Это запрещение было введено так-же в 60е годы оно должно быть отменено, т.к. противоречит свободе отправления культа.]

7. *[Финансовые ущемления Церкви:*

а) *Власти говорят, что государство не берет налога с церкви, а фактически берет, но скрыто: свечные мастерские производят свечи по себестоимости 2-3 руб за кг и до 60-х годов они продавались церквям по 5 руб за 1 кг, а с 60-х годов министерство финансов указало продавать их общинам по 20 руб за 1 кг. Получается прибыль 17 руб с 1 кг и государство берет с этой прибыли 81%, т.е. свечные мастерские вынуждены выплачивать миллионные налоги, а эти бы деньги остались в общинах и пошли бы на патриотические цели, как и все свободные деньги общины.]*

б) *Все церковные здания считаются государственными, и чаще всего, уже памятники старины (т.к. им за 150 лет), но при ремонте их налог с рабочих берется по 19 или 18 статьям, как с кустарей и церковь должна выплачивать рабочим в 3-4 раза дороже государственной расценки. Это конечно, несправедливо. Эти ремонтные рабочие должны облагаться по статье 5, как и рабочие при ремонте государственных зданий.]*

Из-за такого налога многие рабочие не идут на эти работы, а общины вынуждены выплачивать им огромные деньги, которые так-же бы пошли на патриотические цели.]

в) *На государственных предприятиях разрешено пенсионерам работать и получать заработок вместе с пенсией до 300 руб, а в церкви разрешено им получать вместе с пенсией только до 150 руб. И, выходит, Церковь не может брать пенсионеров (т.к. у них часто пенсия 100 руб), и берет на работу людей до пенсионного возраста, а они нужны на фабриках и заводах. Надо это неравенство ликвидировать.]*

г) При назначении пенсии лицам, работающим в церкви, она начисляется самая минимальная. Это так-же надо отменить, т.к. ущемляет право работающего в церкви.]

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Тысячелетие Крещения Руси. Поместный Собор Русской Православной Церкви. Троице-Сергиева Лавра, 6-9 июня 1988 года. Материалы. Издание Московской Патриархии. М., 1990.

² Там же. С.465-469.

³ Там же. С.14.

⁴ Там же. С. 15.

⁵ Савин Андрей Андреевич (1920-2005). Секретарь Оренбургских и Куйбышевских владык с 1946 по 1993 годы. Староста Самарского Спасо-Вознесенского Собора (1993-2005). Подробнее о нем см.: Дикушина О.А. Савин Андрей Андреевич, секретарь двух владык / XIV Иоанновские чтения. 9 октября 2009 г. Самара, 2019. С.17-19.

⁶ Тысячелетие... С.14.

⁷ Самарский епархиальный архив. Ф.1.11.Оп.1.Д.293.

⁸ Имеется в виду Совет по делам русской православной церкви (СДРПЦ), Совет по делам религий (СДР) сменил его с 1 января 1965 года. Архиерейский Собор РПЦ 18 июля 1961 года под давлением функционеров СДРПЦ действительно принял ряд решений, практически исключивших участие клириков в делах прихода, где они служили. Это проявилось, прежде всего, в запрещении участия духовенства в выборных органах, управлявших приходом (приходское собрание и подотчетный ему приходской совет, ревизионная комиссия); а также в запрещении исправлять выборные должности председателя приходского совета и казначея. У духовенства осталась одна функция – отправлять культ. Местные советские органы власти (рай- и горисполкомы) получили широкую возможность вмешательства во внутреннюю жизнь приходов, поставили под контроль расходование денежных средств. Был организован т.н. «фонд мира», куда по принуждению приходы «добровольно» сдавали львиную долю свободных денежных средств. Несмотря на голословные заявления СДРПЦ и СДР, а также членов образованных на местах т.н. комиссий по содействию уполномоченным о невмешательстве в «каноническую деятельность Церкви» (?!), специальные внедренные в управляющие приходами органы люди занимались организацией склок, раздоров, доносили на духовенство (отчитывались о содержании проповедей и фиксировали разговоры духовенства и верующих, с последующей передачей уполномоченному). Они «подготовили» к закрытию не один приход РПЦ в 1960-70-х годах.

НАШИ РЕЦЕНЗИИ

Ю.Н. Смирнов*

ОРЕНБУРГСКИЙ КРАЙ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКОВ И САМАРСКОЕ ЗАВОЛЖЬЕ КАК ЕГО СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ В НОВЫХ ТРУДАХ И ПУБЛИКАЦИЯХ ИСТОРИКОВ ЮЖНОГО УРАЛА:

Солонченко Е.А. «Таможенная политика на юго-востоке России и ее реализация в Оренбургском крае»; Кузнецов В.А. «Иррегулярные войска Оренбургского края»; Васильев И.М. «Денежные повинности башкир и мишарей во второй половине XVIII века»; Гвоздикова И.М. «Гражданское управление в Оренбургской губернии в первой половине XIX в. (1801-1855 гг.)» и «Отчет Оренбургского военного губернатора В.А. Перовского по управлению краем (1833-1842)»; Александер Дж.Т. «Емельян Пугачев и крестьянское восстание на окраине России в 1773-1775 гг.»; Паскаль П. «Пугачевский бунт».

История Самарского Поволжья и регионов Южного Урала связаны настолько неразрывно, насколько это только возможно между соседями. Особенно это справедливо для 1730-х-1840-х гг. Руководство Оренбургской экспедиции (комиссии), начатой в мае 1734 г., на первых порах разместилось в Уфе, а в сентябре 1736 г. перебралось в Самару. Человеческому дитя для появления на свет надо девять месяцев, рождение города, бывает, занимает на порядок больше времени. Девять лет два старинных города помогали рождению нового, пока Оренбург окончательно не был основан на своем месте в апреле 1743 г., чтобы уже в 1744 г. стать центром новой огромной губернии, куда вошли и Уфа, и Башкирия, и Самарское Заволжье. Только сама Самара оказалась за границей этой губернии, но совсем вплотную к ней.

В 1780-1781 гг. были прочерчены новые административные границы, но и тогда значительная часть Заволжья осталась в губернии, которая время от времени меняла свою столицу, называясь то Уфимской, то Оренбургской. 1 января 1851 г. Самара сама приобрела губернский статус, из семи уездов новой губернии три были переданы из Оренбургской, которая в свою очередь была в 1865 г. поделена на две, Оренбургскую и Уфимскую.

---

* © Смирнов Ю.Н. – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Самарского государственного университета, 2011

Границы между областями, краями и республиками Поволжья и Южного Урала продолжали меняться в XX веке. Тогда же произошел быстрый рост некогда небольшого уездного Челябинска, который в эпоху индустриализации встал в ряд крупнейших городов и региональных центров России.

Самара, Уфа, Оренбург, Челябинск обладают ныне мощной инфраструктурой образовательных и научных центров. Ведется исследовательская работа и преподавание в высшей школе по разным областям знания, в том числе по истории, включая ее локальное преломление. Зная все административные перипетии прошлого, можно представить, насколько непросто писать в этих четырех городах свою региональную историю, чтобы уложиться в обоснованные и сопоставимые на протяжении веков рубежи.

В этой ситуации при выборе границ и названий своего региона в XVIII – XIX вв. многие исследователи и из Челябинска, и из Уфы, и из Оренбурга считают сферой своих интересов весь, как они его называют, «Оренбургский край». Его берут в границах Оренбургской (Уфимской) губернии то 1744, то 1781, то 1851 гг., прибавляя к нему при желании значительные территории Северного Казахстана, Зауралья, Поволжья, имея на то основания в переменах административных и государственных границ. Не вмешиваясь в споры коллег-соседей, как определять и называть свой регион, кому в первую очередь об «Оренбургском крае (губернии)» писать, самарским историкам стоит в любом случае внимательно присматриваться к тому, что публикуется в городах-столицах южноуральских субъектов Российской Федерации по их истории. Во-первых, не должно забывать про немалую самарскую долю в «оренбургском» историческом наследстве. Во-вторых, надо ожидать, что в трудах об Оренбургской губернии до 1851 г. может оказаться что-то важное, полезное, интересное для истории территорий, сейчас пребывающих в составе Самарской области.

Конечно же, профессиональным историкам интересно все, что выходит в вузовских и научных центрах к востоку от Самары. Однако страницы из общей «региональной» или «локальной» истории кажутся интересными вдвойне.

Современные специальные издания из других регионов не всегда доходят до самарских читателей и библиотек. Тем более считаем необходимым привлекать внимание к интересным книгам, вышедшим у соседей в последнее время, когда представляется такая возможность. Здесь представлены оригинальные монографии, одна из которых, подготовленная И.М. Гвоздиковой, фактически дополнена ею же отдельной документальной публикацией, а также русские издания книг известных французского и американского историка*.

---

* Солонченко Е.А. Таможенная политика на юго-востоке России и ее реализация в Оренбургском крае. - Оренбург: Издательство ОГПУ, 2007. – 312 с.; Кузнецов В.А. Иррегулярные войска Оренбургского края. - Самара-Челябинск: Челябинский ЦНТИ, 2008. – 478 с.; Васильев И.М. Денежные повинности башкир и мишарей во второй половине XVIII века. Уфа: ООО «Принт», 2008. – 288 с.; Гвоздикова И.М. Гражданское управление в Оренбургской губернии в первой половине XIX в. (1801-1855 гг.) - Уфа: Китап, 2010. – 384 с.;

Конечно, эти книги, не охватывают весь круг исследований, проведенных в последнее время историками Южного Урала. Однако все они посвящены темам интересным и недостаточно изученным и вместе рисуют достаточно разносторонний образ «Оренбургского края» в XVIII – первой половине XIX вв.: торговля и таможенное дело, гражданское и военное управление, положение различных категорий военно-служилого населения.

История торговли и ее различные аспекты на протяжении долгого времени в XX в. не являлись приоритетом для советской историографии по причинам политического и идеологического порядка. С начала 90-х гг. XX в. история торговых отношений почти в одночасье стала привлекать пристальное внимание ученых. Стремясь восполнить пробелы в этой области экономической истории, современные историки стали исследовать развитие торговых отношений, во-первых, на региональном уровне, а, во-вторых, начали глубоко изучать отдельные проблемы этих отношений. Появление монографического исследования Е.А. Солонченко о реализации таможенной политики России по Оренбургской линии с середины XVIII до последней трети XIX вв. стало оправданным и своевременным. Хотя история торгово-экономических связей России с другими странами всегда привлекала внимание историков, но по сравнению с западным (европейским) направлением юго-восточное (азиатское) направление изучалось менее активно.

Актуальность книге Е.А. Солонченко придает и то обстоятельство, что в современных условиях Оренбуржье, впрочем, как и Самарская область, снова стало пограничным регионом, где при создании эффективного механизма таможенного дела может быть учтен исторический опыт. Перерыв же в существовании здесь таможни был довольно значительным: с 1868 г., когда продвижение русских войск и имперских властей в Среднюю Азию логически привело к ликвидации Оренбургской таможенной линии, до распада СССР в 1991 г.

В основе исследования Е.А. Солонченко лежит богатый комплекс опубликованных и неопубликованных источников. Производит впечатление кропотливая работа, проведенная в фондах четырех центральных (РГАДА, ГАРФ, РГВИА в Москве и РГИА в Санкт-Петербурге) и двух местных архивов (Оренбургской и Челябинской областей).

Е.А. Солонченко выделила проблему эволюции таможенной политики в отдельную главу. Здесь доказывается тезис о тесной связи этой политики с общим государственным курсом, в том числе с геополитической стратегией. Во второй и третьей главах исследуются структура таможенных служб Оренбургского края и их место в системе аппарата государственного управления. Автор подробно рассматривает функции таможенных органов в изученный период, их деятельность в Оренбургском крае по сбору пошлин

Гвоздикова И.М. Отчет Оренбургского военного губернатора В.А. Перовского по управлению краем (1833-1842). Документальная публикация. - Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2010. – 124 с.; Александер Дж. Т. Емельян Пугачев и крестьянское восстание на окраине России в 1773-1775 гг. / авторизованный пер с англ., вступ. ст. и прим. И.В. Кучумова. – Уфа, 2011. – 164 с.; Паскаль П. Пугачевский бунт/ авторизованный пер с фр. Л.Ф. Сахибгареевой, науч. ред., коммент. и вступ. ст. И.В. Кучумова. – Уфа, 2010. – 184 с.

и борьбе с контрабандой. Сделана удачная попытка реконструировать социокультурный облик таможенных чиновников. За рецензируемую монографию Е.А. Солонченко было присвоено звание Лауреата премии Правительства Оренбургской области в сфере науки и техники за 2007 г.

Не вызывает сомнений актуальность и ценность книги В.А. Кузнецова. Истории иррегулярных войск Оренбургского края, тем более написанной на столь большом фактическом материале до сих пор не было, подходы к ней, которые предпринимались раньше, представляли собой исследования отдельных войск и групп военно-служилого населения. В этой же книге в комплексе рассмотрены вопросы происхождения и эволюции всех иррегулярных войск края: Уральского и Оренбургского казачьих войск, Закамской ландмилиции, Ставропольского калмыцкого и Башкиро-Мещерякского войска, Тептярских полков. В совокупности они представлены в виде целостной военной системы, созданной для обороны государственных рубежей, защиты осваиваемых территорий и продвижения российского влияния на юг и восток. Проведен сравнительный анализ развития организационной структуры этих воинских формирований и порядок несения ими службы на военно-пограничной линии в различные эпохи отечественной истории: в абсолютистской монархии XVIII века, в дореформенной России первой половины XIX века, а также в период второй половины XIX – начала XX столетий, который выпадает из хронологии нашего обзора.

В.А. Кузнецов внимательно изучил региональную специфику военного дела на юго-востоке Европейской России, в частности особенности пограничной службы здесь по сравнению с тенденциями, типичными для других российских рубежей. Большое внимание было уделено показу участия иррегулярных войск наряду с полками регулярной армии в различных военных конфликтах: Отечественной войне 1812 года, заграничных походах, среднеазиатских экспедициях, других вооруженных столкновениях, а также в восстании 1773-1775 гг.

Как и другие авторы, В.А. Кузнецов также использовал широкий круг опубликованных источников и ввел в научный оборот многие новые ранее неизвестные документы из различных архивов, в том числе двух центральных (РГАДА, РГВИА) и пяти региональных: Оренбурга, Уфы, Челябинска, Самары, Ульяновска. Ряд документов воспроизведен полностью или частично в 25 приложениях к основному тексту книги, которые придают дополнительную ценность монографии своими статистическими и справочными данными. Однако даже без них большая по объему книга настолько насыщена фактическим материалом, что дает возможность найти в ней необходимые сведения для исследователей, занимающихся самыми разными проблемами истории и на протяжении значительного периода времени.

Так, из всех рецензируемых здесь изданий работа В.А. Кузнецова наиболее интересна для знатоков и любителей собственно самарского краеведения. Из восемнадцати достаточно самостоятельных разделов этой книги, которые посвящены отдельным сюжетам прошлого иррегулярных войск, практически полностью или в значительной мере относятся к истории Самарской бывшей губернии и современной области следующие шесть: «Создание Оренбургского казачьего войска», «Оренбургские казаки на защите пограничной линии», «Новая закамская линия и образование ланд-

милиции», «Служба ландмилицких полков на пограничной линии», «Образование войска крещеных калмыков и их участие в охране военно-пограничной линии», «Участие ставропольских калмыков в военных кампаниях». Есть «самарские» эпизоды и сведения также в остальных разделах. Это первое комплексное исследование регулярных войск Заволжья и Южного Урала не случайно вышло в свет под грифом Самарского научного центра РАН. В.А. Кузнецову удалось написать оригинальную научную работу с интересными обобщениями и оценками, основанными на собственном видении проблемы.

Впрочем, история отдельных групп военно-служилого населения, несмотря на давнюю традицию изучения, тоже далеко себя не исчерпала. Тому свидетельством книга И.М. Васильева о повинностях башкир и мишарей, содержание которой поясняет обстоятельный подзаголовок «Денежные налоги и поборы среди других государственных и мирских повинностей. Формы государственной эксплуатации и общинные механизмы перераспределения доходов». Во введении к книге автор скромно указывает, что им рассмотрен «один из сравнительно узких вопросов истории Башкирии XVIII в.» Однако это далеко не так. Переход к денежным налогам, пусть еще далеко не последовательный, запустил, судя по наблюдениям автора, весьма действенные механизмы модернизации, казалось бы, очень устойчивых к переменам традиционных обществ земледельческо-скотоводческого, скотоводческого полукочевого и даже кочевого типов.

Денежные повинности изучены И.М. Васильевым в тесной связи с основной сословной обязанностью башкир и мишарей – военной и пограничной службой. Собранные им материалы дополняют сведения и об этой стороне истории народов Поволжья и Приуралья. Тем не менее, основное внимание автора направлено на выяснение того, как служилые люди из этих народов, не став собственно податным населением, приняли на себя заметную финансовую ношу, связанную, прежде всего, с обеспечением выполнения именно военной обязанности. Повышение расходов башкирского населения было вызвано также дополнительными акциями имперских властей, в частности штрафами за участие в восстании 1773-1775 гг., которые официально именовались провиантскими и лошадиными, но, как показал автор, фактически взимались преимущественно в денежной форме.

Надо отдать автору должное за то, что он не связал причины усиления бремени башкирско-мещеряжских повинностей исключительно с действиями и интересами Российского государства. Скрупулезно и методично он собирал и анализировал довольно противоречивую информацию жалоб, проверок, судебных дел. Это позволило установить факт наличия в денежных поборах значительной коррупционной составляющей, которая шла не только чиновникам, но и башкирским старшинам и сотникам.

В случае с книгой И.М. Васильева, как и во всех рассматриваемых в рецензии, следует отметить хорошую источниковую базу исследования и весьма профессиональный ее анализ. При этом были использованы документы не только русские, но и тюркоязычные на арабской графике. Значительная часть использованных материалов – это дела из столичных архивов (РГАДА, РГВИА), государственных архивов Оренбургской области и Республики Башкортостан, а также научного архива Уфимского научного

центра РАН. 32 документа опубликованы в самой книге и сопровождаются обстоятельными комментариями.

Традиции южноуральских коллег сопровождать свои монографии документальными публикациями следует И.М. Гвоздикова. В самой ее книге об управлении Оренбургской губернией есть приложения в виде сводных таблиц, фотокопий и перепечаток отдельных документов. Кроме того, в один год со своей монографией она опубликовала отдельным изданием отчет генерал-адъютанта В.А. Перовского по управлению Оренбургским краем с 1833 по 1842 гг. Отчет сопровождается, выполняя роль комментария и приложения к нему, два очерка, написанные самой И.М. Гвоздиковой: «Итоги служебной деятельности оренбургского военного губернатора В.А. Перовского» и «Летние резиденции В.А. Перовского в Башкирии (по очеркам и воспоминаниям)».

Впрочем, от видного историка-архивиста, каковой является И.М. Гвоздикова, и следовало ожидать столь пристального внимания к источниковой базе своих исследований. Прежде всего, ее составили материалы государственных архивов Республики Башкортостан, Оренбургской области, научного архива Уфимского научного центра РАН, отделов рукописей и письменных источников Института русской литературы (Пушкинского дома), Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге, Государственного исторического музея в Москве.

Книги И.М. Гвоздиковой, в которых немало места отведено руководителям Оренбургской губернии, а с 1851 г. – Оренбургского и Самарского генерал-губернаторства, подоспели как нельзя кстати к 160-летию юбилею Самарской губернии. Их содержание стало еще одним напоминанием самарским любителям старины о несерьезности и несостоятельности версии, продвигаемой Г.В. Алексушиным в публикациях, в телепередачах и в Интернете, о ведущей роли В.А. Перовского, якобы, занимавшего с 1832 по 1857 гг. пост «Оренбургского и Самарского генерал-губернатора», в деле создания Самарской губернии (См.: Алексушин Г.В. Самарские губернаторы. Самара, 1996. С. 33, 35, 44).

На самом же деле такой должности до весны 1851 г., как явствует из работы И.М. Гвоздиковой, не существовало. Во время обсуждения и решения вопроса о создании Самарской губернии в Оренбурге был военный губернатор, в должности которого в 1842-1851 гг. служил В.А. Обручев, и гражданский губернатор, которым в 1846-1851 гг. являлся Н.В. Балакшин. В.А. Перовский был отставлен от должности оренбургского военного губернатора (не генерал-губернатора!) еще в 1842 г. Оренбургской губернией он после этого не управлял, а испросил и получил должность генерал-губернатора лишь после отставки В.А. Обручева в марте 1851 г., когда решение о новой Самарской губернии было уже не только принято, но и успешно реализовано. Соответственно, участники банкета по случаю открытия новой губернии 1 января 1851 г. после первого тоста за здоровье государя-императора никак не могли поднять второй за здоровье «Оренбургского и Самарского генерал-губернатора В.А. Перовского», что живописует Г.В. Алексушин (См.: Алексушин Г.В. Самарские губернаторы. Самара, 1996. С. 43) и

о чем вопреки его домыслам молчат, разумеется, реальные участники тех событий.

Если вернуться к основному содержанию книг И.М. Гвоздиковой, то перед нами цельный и местами детальный очерк организации управления большой по площади и сложной по составу губернии с упором на гражданскую часть этого управления. Значительное место при этом занимает исследование того, как проходила сенаторская ревизия Оренбургской губернии в 1842-1843 гг. и какие последствия она имела. И.М. Гвоздикова, в частности, согласна с нашими выводами, что по результатам этой ревизии был поставлен в плоскость реального решения вопрос об исключении из состава Оренбургской губернии западных заволжских уездов и передачи их в будущую Самарскую губернию.

Что же касается публикации отчета о деятельности В.А. Перовского за 1833-1842 гг., то это настоящий подарок всем ученым, занимающимся историей Юго-востока России, особенно молодым. На собственном опыте знаем, что любое сколько-нибудь серьезное исследование по истории данного региона в дореформенную эпоху начиналось с переписывания слово в слово (жалко было что-либо пропустить) лаконичных, но очень информативных строк этого подлинного шедевра административно-политической мысли российской «просвещенной бюрократии» дореформенной эпохи.

Публикацию отчета В.А. Перовского можно поставить по важности наряду с переизданиями классических трудов П.И. Рычкова «Истории Оренбургской» и «Топографии Оренбургской губернии», предпринятыми в Уфе в 1999-2001 гг., основную работу по подготовке которых, выполнил И.В. Кучумов. Эту публикаторскую деятельность он продолжил изданием книг иностранных ученых, в том числе выступив в качестве научного редактора и комментатора двух книг о пугачевском восстании Дж. Александера и П. Паскаля, а в первой из них и в качестве переводчика.

Остановимся на исследовании американского историка. Оно и сейчас выглядит актуально для историографии этого события отечественной истории, хотя было выполнено почти сорок лет назад. Особенно современно звучат методологические подходы, предложенные автором. Наряду с широким использованием социологических подходов, мы, прежде всего, выделили бы встраивание восстания 1773-1775 гг. в контекст модернизационных теорий исторического развития России, которые получают все большее признание и распространение среди отечественных ученых.

Работа свидетеля революции 1917 года, бывшего коммуниста, а позже ревностного католика П. Паскаля новизной методологических подходов не отличается, хотя написана почти одновременно с книгой Дж. Александера. Сказалась полувековая разница в возрасте авторов. Однако оригинален субъективный взгляд французского слависта, восходящий не только к исторической, но и к литературной традиции, отличающийся поиском психологических корней поведения участников событий.

Не можем не ответить на замечание, адресованное нам во вступительной статье к книге Дж. Александера. Согласимся с И.В. Кучумовым, что в статье «Современные подходы к истории восстания 1773-1775 гг.» отсутству-

ет разбор западной литературы по данному вопросу, но в ней эта задача и не ставилась. Тот же, кто возьмется за выполнение такой работы, будет благодарен, как и мы, уфимскому историку за его публикаторскую деятельность, в частности за усилия по расширению историографической базы будущих исследований истории пугачевского движения. Надеемся, что новые труды на эту тему не заставят себя ждать, а сожаления И.В. Кучумова о спаде интереса к ней уйдут в прошлое.

С фактографической точки зрения в рассматриваемых книгах специалисты вряд ли найдут новые сведения и источники о восстании 1773-1775 гг., архивный материал в них не использован. Гораздо интереснее интерпретации.

Конечно, лишь немногие согласятся с тем, как Дж. Александер ставит Пугачевщину в один ряд с революциями конца XVIII в. в Северной Америке и Франции, хотя к аргументам автора все равно стоит прислушаться, даже если их не принимать. Кстати, «несостоявшейся революцией» называет ее и П. Паскаль. Однако, несомненно, заслуживает признания призыв обоих авторов к отходу от однозначной оценки восстания 1773-1775 гг. как «Крестьянской войны», которая сужает реальную общественную и политическую сложность этого, как пишет американский историк, «массового социального движения».

Рассматриваемые книги дают дополнительные историографические и теоретические аргументы тем, кто делает обоснованные попытки осмыслить происходившие в 1773-1775 гг. события как гражданскую войну, борьбу за власть, за переустройство государства и общества. Само по себе поражение восстания Е.И. Пугачева не является доказательством утопичности стремлений и чаяний его участников, как победа большевистской революции в 1917 г. не стала подтверждением правильности стоявшей за ней идеологии.

В связи с этим выразим некоторое несогласие с переводом названия книги Дж. Александера «Emperor of Cossaks Pugachev and the Frontier Jacquerie of 1773-1775» в публикации. Конечно, «фронтирная Жакерия» понятна далеко не каждому русскому читателю и требует смысловой интерпретации, оставляя возможность разных вариантов. Выбранный переводчиком оборот «крестьянское восстание на окраине России» оказался не самым удачным, будучи слишком близок традиционному в советской науке определению «Крестьянская война», от которого и авторы книг, и их публикатор отказываются. Этот оборот не совсем увязан и с оригинальным началом заголовка, где упоминается «Император казаков Пугачев», который в переводе стал просто «Емельяном Пугачевым».

Впрочем, нет нужды останавливаться на отдельных недочетах рецензируемых работ и изданий, так как они незначительны и непринципиальны. Нас радует научная активность ученых из городов Южного Урала. Надеемся, что их новые труды и публикации по региональной истории XVIII – первой половины XIX веков будут с интересами восприняты коллегами-историками в Самарской области, по всей России и за ее рубежами.

ПАМЯТИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

А.Н. Завальный, П.С. Кабытов*

ПАМЯТИ ДРУГА

Юрий Емельянович Рыбалко (4 апреля 1938 г. – 31 октября 2011 г.). Ушел из жизни неумолимый исследователь истории края, публицист, литератор, заслуженный работник культуры России. Уроженец города Славянска Донецкой области Украины, он окончил Московский историко-архивный (1965) и Куйбышевский плановый (1970) институты. И остался в городе, который стал главным городом его жизни.

Судьба привела его в областной архив, которому он отдал 39 лет напряженного труда. Он выступал ответственным составителем трехтомника документов «Промышленное развитие Куйбышевской области» (1988, 1989, 1990), был одним из составителей хроники событий «Самара-Куйбышев» (1985), сборников «Путешествие в прошлое» (1992), и «Здесь тыл был фронтом» (2010).

Особое место в его творчестве занимала работа над трехтомником «Самарская губерния день за днем...» (2004, 2006, 2008). Несколько лет назад Юрий Емельянович предложил нам совместно подготовить хронику повседневной жизни Самарской губернии на рубеже XIX-XX веков. Он располагал обширным фактическим материалом, который во многом лег в основу трилогии. Наши оживленные дискуссии по структуре книги, обработке материала, сочетанию архивных документов и статей из периодических изданий всегда заканчивались принятием согласованных и единодушно одобренных вариантов. Энергичный общительный с аналитическим складом ума, Юрий Емельянович был и приятным собеседником, и надежным товарищем по совместной работе.

Обладая литературным талантом, он написал около двадцати увлекательных рассказов, которые были опубликованы в областной печати. И конечно его перу принадлежат многочисленные статьи историко-краеведческого характера.

Юрия Емельяновича в Самаре знали и уважали. Его биография вошла в сборник «Историки Самарского края», «Историко-культурную энциклопедию Самарского края», «Энциклопедию Самарской области...». Имя его навсегда останется в истории самарского краеведения.

---

* © Завальный А.Н. – гл. библиограф Самарской областной универсальной научной библиотеки, 2011

© Кабытов П.С. – доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории Самарского государственного университета, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Кобозева З.М. П.С. Кабытову посвящается...	3
---	---

ВЛАСТЬ, ОБЩЕСТВО, ЛИЧНОСТЬ

Чирков М.С. В поисках путей общественного согласия: власть и земство России в период аграрных реформ (1906-1916 гг.)	7
Баринаева Е.П. Социокультурный портрет дворянства в исторических источниках	15
Серых Д.В. Периодическая печать конца XIX – начала XX вв. о Всероссийских Археологических съездах	21
Годовова Е.В. Развитие золотодобывающей промышленности на землях оренбургских казаков	24
Досекин Е.С. Русский религиозный ренессанс в общественной мысли начала XX века	29
Куталевский И.М. Практические мероприятия земских деятелей и правительственных властей по изменению избирательной системы и демократизации социального состава органов земского самоуправления Астраханской, Оренбургской и Ставропольской губерний на начальном этапе Февральской революции (март-июнь 1917 г.)	32
Кабытова Н.Н. Выборы Учредительного собрания в Поволжье в 1917 г.	42
Широков Г.А. Научные изыскания ученых Саратовского университета в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 годов	46

САМАРСКИЙ КРАЙ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Дубман Э.Л. Оборонительные сооружения и военные гарнизоны Сызранского Поволжья в начале XVIII в.	51
Артамонова Л.М. Пансион господина де Маке в Самаре	58
Кобозева З.М. Социальное дисциплинирование пространством: самарское мещанство под гласным надзором полиции	69
Левин С.В. Земские статистические работы в Самарской губернии (80-е годы XIX века)	75
Асташкин Р.С. Первый Самарский университет как центр спасения и изучения частных книжных коллекций	84
Подмарицын А., диакон. Православные, раскольничьи (обновленческие, григорианские) и старообрядческие епархии в Самарском регионе (1850-2010 гг.)	91

САМАРСКИЙ АРХИВ

- Сего 728-го году...» (Сызрань и ее население в пожаре 1728 г.).
(публикация подготовлена Э.Л. Дубманом и С.Г. Зацаринным) 97
- С.Ф., Н.С. и М.С. Платоновы. Письма из Самары (1931–1933 гг.)
(Из писем к Надежде Сергеевне Платоновой)
(публикация подготовлена П.С. Кабытовым и Э.Л. Дубманом) 115
- Выступление делегата от Куйбышевской епархии А.А. Савина на Поместном Соборе Русской Православной Церкви 1988 года (опыт реконструкции) (публикация подготовлена диаконом А.Г. Подмаричиным) 122

НАШИ РЕЦЕНЗИИ

- Смирнов Ю.Н.** Оренбургский край XVIII – первой половины XIX веков и Самарское Заволжье как его составная часть в новых трудах и публикациях историков Южного Урала 128

ПАМЯТИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

- Завальный А.Н., Кабытов П.С.** Памяти друга 136

